

ISSN 2619-0249 (Print)
ISSN 2619-0230 (Online)

2023. № 1.

Tom 6

Society & Security Insights

ISSN 2619-0249 (Print)
ISSN 2619-0230 (Online)
2023. №1
Том 6

SOCIETY AND SECURITY INSIGHTS

ВЕСТНИК АССОЦИАЦИИ АЗИАТСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2023

**УЧРЕДИТЕЛЕМ ИЗДАНИЯ ЯВЛЯЕТСЯ
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
Издается в сотрудничестве
с Ассоциацией азиатских университетов,
Евразийским национальным университетом имени Л. Н. Гумилева**

Главный редактор журнала

С. Г. Максимова, доктор социологических наук, профессор,
заведующая кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий,
директор Азиатского экспертно-аналитического центра
Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

Заместитель главного редактора

О. Е. Ноянзина, кандидат социологических наук, доцент,
Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Выпускающий редактор

Д. А. Омельченко, кандидат социологических наук, доцент,
Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

ISSN 2619-0249 (Print)

ISSN 2619-0230 (Online)

ISSN 2619-0249 (Print)
ISSN 2619-0230 (Online)
2023. N°1
Vol. 6

SOCIETY AND SECURITY INSIGHTS

BULLETIN OF THE ASSOCIATION OF ASIAN UNIVERSITIES

Barnaul

Publishing house
of Altai State
University
2023

THE FOUNDERS OF THE PUBLICATION ARE
Altai State University
In partnership with Association of Asian Universities,
Eurasian National University

Editor-in-chief

Svetlana Gu. Maximova, Dr. Sci. (Sociology), Professor,
Head of Department of Psychology of Communications and Psychotechnologies,
Director of the Asian Expert-Analytical Center at the Altai State University (Barnaul, Russia)

Deputy Editor-in-chief

Oksana E. Noyanzyna, Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor at the Altai State University,
Consultant for the Division of Collaboration with Civil Society Institutions of the Department
of Internal
Policy at the Altai territory Governor's Office (Barnaul, Russia)

Managing Editor

Daria A. Omelchenko, Cand. Sci. (Sociology),
Associate Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

ISSN 2619-0249 (Print)

ISSN 2619-0230 (Online)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. Вакру, PhD, исполнительный директор Центра российских и евразийских исследований им. Дэвиса Гарвардского университета (Кембридж, США)

С. Бакли, PhD, профессор социологии, член исполнительного комитета Центра российских, восточно-европейских и евразийских исследований, Иллинойский университет (Иллинойс, США)

А. М. Есдаулетова, доктор исторических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

Н. О. Байгабылов, PhD по социологии, заведующий кафедрой социологии, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

О. В. Калдыбаева, PhD по социологии, доцент, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

И. Н. Молодикова, кандидат географических наук, научный сотрудник Центрально-Европейского университета (Будапешт, Венгрия)

Т. З. Козлова, доктор социологических наук, профессор, Институт социологии РАН (Москва, Россия)

Т. Н. Юдина, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный социальный университет (Москва, Россия)

А. Ю. Мягков, доктор социологических наук, профессор, Ивановский государственный энергетический университет (Иваново, Россия)

В. В. Орлова, доктор социологических наук, профессор, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия)

Т. М. Дадаева, доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия)

О. Т. Лойко, доктор социологических наук, профессор, Институт социально-гуманитарных технологий Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия)

С. П. Парамонова, доктор философских наук, профессор, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Пермь, Россия)

Г. В. Жигунова, доктор социологических наук, профессор, Мурманский арктический государственный университет (Мурманск, Россия)

Л. А. Осъмук, доктор социологических наук, профессор, Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск, Россия)

В. П. Шалаев, доктор философских наук, профессор, Поволжский государственный технологический университет (Йошкар-Ола, Россия)

Е. А. Попов, доктор философских наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

О. Л. Сытых, доктор философских наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

М. И. Черепанова, доктор социологических наук, доцент, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В. А. Должиков, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В. С. Бойко, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

EDITORIAL BOARD

Alexandra Vacroux, PhD, executive director of the Davis Center for Russian and Eurasian Studies at Harvard University (Cambridge, USA)

Cynthia Buckley, PhD, Professor of Sociology at the University of Illinois, Urbana-Champaign, Executive Committee member at the Russian, East European, and Eurasian Center (REEEC) at the University of Illinois (Illinois, USA)

Ardak M. Esdauletova, Dr. Sci. (History), Professor at the L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Nurlan O. Baigabylov, PhD (Sociology), Head of Sociology Department at the L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Olga V. Kaldybaeva, PhD (Sociology), Associate Professor at the L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Irina N. Molodikova, Cand. Sci. (Geography), Research Fellow at the Central European University (Budapest, Hungary)

Tatiana Z. Kozlova, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Tatiana N. Yudina, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Russian State Social University (Moscow, Russia)

Alexander Yu. Myagkov, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Ivanov State University (Ivanovo, Russia)

Vera V. Orlova, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russia)

Tatiana M. Dadaeva, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia)

Olga T. Loiko, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Institute of Social-Humanitarian Technologies of Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia)

Svetlana P. Paramonova, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Perm State Polytechnic University (Perm, Russia)

Galina V. Zhigunova, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Murmansk State Arctic University (Murmansk, Russia)

Ludmila A. Osmuk, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia)

Vladimir P. Shalaev, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russia)

Evgeniy A. Popov, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

Olga L. Sythyk, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

Marya I. Cherepanova, Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

Vyacheslav A. Dolzhikov, Dr. Sci. (History), Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

Vladimir S. Boiko, Dr. Sci. (History), Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

М. С. Имомзода президент Ассоциации азиатских университетов, ректор Таджикского национального университета, доктор философских наук, академик (Душанбе, Таджикистан)

Е. Б. Сыдыков ректор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор исторических наук, профессор

М. М. Абишева кандидат исторических наук, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

С. В. Землюков президент Алтайского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (Барнаул, Россия)

С. Н. Бочаров ректор Алтайского государственного университета, доктор экономических наук, заведующий кафедрой экономики предпринимательства и маркетинга (Барнаул, Россия)

Р. И. Райкин проректор по развитию международной деятельности Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

С. И. Межов доктор экономических наук, директор Международного института экономики, менеджмента и информационных систем, заведующий кафедрой финансов и кредита Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

EDITORIAL COUNCIL

Makhmadyusuf S. Imomov President of the Association of Asian Universities, the Rector of the Tajik National University, Dr. Sci. (Philosophy), Academician (Dushanbe, Tajikistan)

Yerlan B. Sydykov Rector of L.N. Gumilyov Eurasian National University, Dr. Sci. (History), Professor (Astana, Kazakhstan)

Madina M. Abischeva Cand. Sci. (History), Deputy Dean of the International Relations Faculty at the L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Sergey V. Zemlyukov Dr. Sci. (Law), President of the Altai State University (Barnaul, Russia)

Sergey N. Bocharov Dr. Sci. (Economics), Rector of the Altai State University, Head of Department of Business Economics and Marketing (Barnaul, Russia)

Roman I. Raikin Vice-Rector on International Affairs Development of the Altai State University (Barnaul, Russia)

Stepan I. Mezhov Dr. Sci. (Economics), Director, Head of the Department of Banking and Finance of the International Institute of Economics, Management and Informational Systems (IEMIS) of the Altai State University (Barnaul, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ИНТЕГРАЦИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ В СТРАНАХ АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

**Образ России настоящего и будущего в представлениях юношества:
смысловые в условиях новых вызовов и возможностей 13**

Р. Б. Шайхисламов, Г. Р. Асадуллина, Э. В. Садретдинова

**Ментальные репрезентации религиозности
в зеркале психосемантических измерений: региональные аспекты 32**

Д. А. Омельченко, С. Г. Максимова, О. Е. Ноянзина

ГОСУДАРСТВО, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И СТАБИЛЬНОСТЬ

**Социальные медиа как новая институциональная структура
осуществления коммуникаций молодежи 56**

З. Н. Сергеева

**Основные тенденции развития научно-технического
и инновационного потенциала России:
территориальные различия 66**

Н. М. Полянская

СОЦИАЛЬНЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

Культура повседневности: тенденции изменений 86

О. Л. Сытых

**Социология мест лишения свободы
и проблема исправления осужденных
в социологических воззрениях Н. М. Ядринцева 96**

А. В. Головинов, Ю. В. Головинова

Особенности Я-концепции и копингового поведения у людей с алкогольной зависимостью	107
<i>Т. В. Милаева</i>	

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ И ПЕРВЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОПЫТ

Социальное и культурно-правовое значение «Чжоу И» («Книги Перемен») 125	
<i>Шао Юйцзэй, О. Ю. Каплун</i>	
Редкие (орфанные) заболевания: социально-правовой аспект.....	135
<i>В. С. Зубкова, И. И. Игнатовская, М. Г. Могрбян</i>	

CONTENTS

INTEGRATION AND SECURITY IN ASIAN REGION

**The Image of Russia of the Present and the Future in the Ideas of Youth:
Semantic Themes in the Context of New Challenges and Opportunities.....13**

R. B. Shaikhislamov, G. R. Asadullina, E. V. Sadretdinova

**Mental Representations of Religiousness
in the Mirror of Psychosemantic Measurement: Regional Facets.....32**

D. A. Omelchenko, S. G. Maximova, O. E. Noyanzina

STATE , CIVIL SOCIETY AND STABILITY

**Social Media as a New Institutional Structure
for Communication of Youth 56**

Z. N. Sergeeva

**The Main Trends in the Development of Scientific,
Technical and Innovative Potential of Russia: Territorial Differences 66**

N. M. Polyanskaya

SOCIAL, CULTURAL RESEARCHES AND SECURITY

The Culture of Everyday Life: Trends of Change.....86

O. L. Sytykh

**Sociology of Places of Detention and the Problem of Correction
of Confirmed in the Sociological Views of N. M. Yadrintsev.....96**

A. V. Golovinov, Yu. V. Golovinova

**Features of the Self-Concept and Coping Behavior
of People with Alcohol Addiction.....107**

T. V. Milaeva

BRIEF MESSAGES AND FIRST RESEARCH EXPERIENCE**The «Zhou Yi» («Book of Changes») in the Social and Cultural Context .....125***Shao Yupei, O. Yu. Kaplun***Rare (Orphan) Diseases: Socio-Legal Aspect .....135***V. S. Zubkova, I. I. Ignatovskaya, M. G. Mogrobyan*

ИНТЕГРАЦИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ В СТРАНАХ АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

INTEGRATION AND SECURITY IN ASIAN REGION

Научная статья / Research Article

УДК 316.74

DOI: 10.14258/SSI(2023)1-01

Образ России настоящего и будущего в представлениях юношества: смысловые в условиях новых вызовов и возможностей

Рафаэль Бадретдинович Шайхисламов¹,
Гузелия Рауфовна Асадуллина²,
Эвеллина Винеровна Садретдинова³

---

¹ Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,
rafaelbadretdinovich@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8404-1405>

² Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,
asadullina-guzeliya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0137-7219>

³ Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,
golichev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1665-5370>

Аннотация. В статье представлены некоторые результаты авторских социологических исследований по проблемам формирования общероссийской идентичности молодежи в условиях новых социальных вызовов и возможностей, проведенных в рамках реализации проекта «Молодежь в межэтнических коммуникациях: интолерантность, толерантность, диалог» в 2021 и 2022 гг. В фокусе внимания работы — юношество как период самоопределения («Я-концепции» и «Образа Я») и определения себя в обществе («Мы-концепции» и «Образа Мы»). Авторы рассматривают проблемы формирования и укрепления общероссийской идентичности юношества в контексте восприятия и отношения образа России в настоящем и будущем. Предметной областью изучения

выступают особенности идентификации восприятия с россиянами; российским народом; российским государством; настоящим и будущим России; российской культурой (цивилизацией), Родиной (Отечеством). Осуществлен анализ семантического и фоно-семантического содержания отношения российского юношества к указанным образам. Выявлены особенности отношения молодых людей к транслируемым государством национальным целям как основаниям конструирования образа России будущего. Охарактеризованы цели-интеграторы России будущего в представлениях самого юношества, а также перспективы и степень социальной субъектности в условиях новых социальных вызовов для российского общества.

Ключевые слова: молодежь, юношество, Я- и Мы-концепция, общероссийская идентичность, образ России, конструирование будущего, социальные вызовы и возможности

Финансирование: исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных и прикладных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (Поручение Президента РФ от 16.01.2020 № ПР-71) (рук. акад. РАН В.А. Тишков) по проекту «Молодежь в межэтнических коммуникациях: интолерантность, толерантность, диалог» (рук. проф. Р.Б. Шайхисламов).

Для цитирования: Шайхисламов Р.Б., Асадуллина Г.Р., Садретдинова Э.В. Образ России настоящего и будущего в представлениях юношества: смыслогемы в условиях новых вызовов и возможностей // Society and Security Insights. 2023. Т. 6, № 1. С. 13–31. doi: 10.14258/ssi(2023)1-01.

The Image of Russia of the Present and the Future in the Ideas of Youth: Semantic Themes in the Context of New Challenges and Opportunities

Rafael B. Shaikhislamov¹,
Guzelia R. Asadullina²,
Evellina V. Sadretdinova³

---

¹ Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, rafaelbadretdinovich@mail.ru , <https://orcid.org/0000-0001-8404-1405>

² Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, asadullina-guzeliya@yandex.ru , <https://orcid.org/0000-0002-0137-7219>

³ Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, golichev@mail.ru , <https://orcid.org/0000-0003-1665-5370>

Abstract. The article presents some results of the author's sociological research on the problems of the formation of the all-Russian identity of youth in the context of new social challenges and opportunities, conducted within the framework of the project "Youth in interethnic communications: tolerance, tolerance, dialogue" in 2021 and 2022. The focus of this work is youth as a period of self-determination ("I am the concept" and "I am the Image") and self-determination in society ("We are the concept" and "We are the Image"). The authors consider the problems

of formation and strengthening of the all-Russian identity of youth in the context of perception and attitude of the image of Russia in the present and future. The subject area of the study is the peculiarities of the identification of perception with Russians; the Russian people; the Russian state; the present and future of Russia; Russian culture (civilization), Homeland (Fatherland). The semantic and phono-semantic content of the attitude of Russian youth to these images is analyzed. The peculiarities of the attitude of young people to the national goals broadcast by the states as the basis for constructing the image of Russia of the future are revealed. The author characterizes the goals-integrators of Russia of the future in the ideas of the youth itself, as well as the prospects and degree of social subjectivity in the conditions of new social challenges for Russian society.

Keywords: youth, youth, I- and We-concept, all-Russian identity, image of Russia, designing the future, social challenges and opportunities

Financial Support: the research was carried out within the framework of the Program of Fundamental and Applied Research “Ethnocultural diversity of Russian society and strengthening of the all-Russian identity” (Instruction of the President of the Russian Federation dated 16.01.2020 No. PR-71) (hands of the Academy. RAS V.A. Tishkov) on the project “Youth in interethnic communications: tolerance, tolerance, dialogue” (by Prof. R.B. Shaikhislamov).

For citation: Shaikhislamov, R. B., Asadullina, G. R., Sadretdinova, E. V. (2023). The Image of Russia of the Present and the Future in the Ideas of Youth: Semantic Themes in the Context of New Challenges and Opportunities. *Society and Security Insights*, 6(1), 13–31. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2023)1-01.

Введение

Укрепление гражданского единства, формирование и укрепление общероссийской идентичности при сохранении культурной самобытности, этнического и конфессионального многообразия является приоритетом государственной национальной политики Российской Федерации. Одним из важнейших компонентов российской идентичности людей являются органически взаимосвязанные образы и концепции «Я в настоящем» и «Мы в настоящем», а также «Я в будущем» и «Мы в будущем». Без этих компонентов российская идентичность, будучи лишенной смысловых ориентиров, становится неустойчивой, нестабильной, подверженной колебаниям. По выражению М. Делягина, «главное оружие — не танки, а образ будущего» (Делягин, 2022). Победы в истории страны, как показывает политик, всегда были связаны с четким пониманием настоящего и образом будущего страны, ради которого объединялся весь народ.

Сегодня образ настоящего и будущего нашей страны не только для общества в целом, но и среди элиты и интеллектуалов остается неопределенным, особенно в условиях происходящих социальных изменений. Отсутствует концептуализация будущего страны и в политических документах. Эксперты — философы, социологи, политологи, психологи — видят основные причины в «разнотечениях» будущего в политической и деловой элите, низком уровне социального доверия, социально-экономической поляризации, ценностно-идеологической неопределенности в обществе. Уже сегодня становится понятно, что в ближайшее время в России будет кардинальным образом перестраиваться экономическая модель, что в еще

большей степени «сужает временной диапазон планирования людьми тех целей и перспектив, которых они хотели бы достигнуть, не позволяет предметно соотносить собственные цели и перспективы развития страны» (Комаровский, 2020: 45).

Собственно термин «образ» в контексте исследования представлений о настоящем и будущем во многом связан с процессом социального восприятия, описанным Дж. Брунером (Брунер, 1977), с политическим восприятием (Зверев, Палитай и др., 2016) и, конечно же, с концептом «образ будущего», под которым Ф. Полак понимал такое предвосхищение будущего, которое образуется в настоящем из столкновения прошлого и будущего, своего рода отголосок уже прошедшего и того, что еще предстоит (Polak, 1973: 20). На формирование «образа будущего» влияет большое количество факторов, как субъективных, так и внешних, не зависящих от человека. Следовательно, образ будущего возникает под влиянием временных координат, эмоционально-психических, индивидуально-личностных, социальных процессов и является мультимодальным конструктом, свойственным как отдельной личности, так и всему социуму в целом (Гаврилюк, Мехришвили и др., 2016: 26).

В условиях непрерывных социокультурных, геополитических, миграционных и информационных трансформаций полагаем также уместным говорить о «текущей», контекстуально-лабильной «самости» личности, являющейся продуктом идентификации как непрерывного процесса, осуществляемого на протяжении всей жизни под влиянием социальных изменений. Если это верно для представителей всех поколений, то тем более верно в отношении молодежи.

В самой молодежи особый интерес представляет такой возраст, как юность (мы относим к этому возрасту 16–21 год). В чем заключается исследовательский интерес к этому возрасту? Юность отличается от старших групп молодежи тем, что юноши и девушки только начинают свой жизненный путь (тогда как более старшие — уже «идут»). При этом юность — это не только период профессионального самоопределения и первичной профессиональной социализации. В более широком плане — это период самоопределения («Я-концепции» и «Образа Я») и определения себя в обществе («Мы-концепции» и «Образа Мы»). Будущее в воображении молодежи наполнено страхами, надеждами и ожиданиями, формирующими горизонт возможного, потенциальных жизненных траекторий (Carabelli, Lyon, 2016). То, что закладывается в юности, определяет дальнейшую траекторию социальной идентификации и поведенческих практик человека в средней и поздней молодости, а также в старшем возрасте.

В то же время в юношеском возрасте конструирование образа будущего выполняет идентификационные функции. Некоторые исследователи предпочитают говорить в этой связи не о временной перспективе подростков, а о «футуризации», представляющей собой определение жизненных целей, изучение альтернативных идентичностей будущего и возможных последствий жизненного выбора. Сконструированный таким образом образ будущего основан на уверенности подростка в себе и на том, что избранные ценности и цели будут подтверждены социальными институтами (Adams, Marshall, 1996).

Образ будущего является важным фактором формирования у молодежи национально-государственной, общероссийской идентичности, он во многом задает ориентиры ее устремлений и действий в политической и иных сферах жизни, вплоть до желания эмигрировать в другую страну. Одновременно отсутствие ясных и четких перспектив будущего дезориентирует молодых граждан, сужает временной диапазон планирования ими тех целей и перспектив, которых они хотели бы достичь, не позволяет предметно соотнести собственные цели и перспективы развития страны (Комаровский, 2021: 45).

В данном исследовании мы исходим из следующих положений.

Многообразие российской идентичности в среде юношества проявляется не только в позитивных или негативных ее проявлениях. Понятие «Россия» само по себе многогранно, и молодые люди устанавливают ту или иную степень или форму тождества с его разными *гранями*. К предметной области такого изучения мы относим особенности идентификации с россиянами; российским народом; российским государством; прошлым, настоящим и будущим России; российской культурой (цивилизацией), Родиной (Отечеством).

Анализ семантического и фоно-семантического содержания этих концептов в сознании юношества представлен в данной статье.

Методы исследования

Эмпирической базой исследования являются данные, полученные авторским коллективом:

1. Социологический опрос по проблемам формирования общероссийской идентичности молодежи «О России и россиянах» методом интернет-анкетирования. Опрос проведен осенью 2021 г. в семи регионах страны: Алтайский край, Белгородская область, Республика Алтай, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Тюменская область, ХМАО + ЯНАО. Общее количество респондентов — 4100 в возрасте 16–30 лет. В данной работе в контексте заявленной темы в основном использованы результаты обследования младших возрастных групп молодежи — 16–18 лет и 19–21 года по пяти регионам страны: Алтайский край, Белгородская область, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Тюменская область. Выборка районированная (по регионам, типам поселений, возрастным группам молодежи) с последующим случайным отбором. Погрешность выборки не превышает 3%.

2. Социологический опрос «Молодежь: новые вызовы, новые возможности» методом интернет-анкетирования. Опрос проведен в октябре — ноябре 2022 г. в пяти регионах страны: Алтайский край, Белгородская область, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Тюменская область — среди молодежи 16–21 года. Общее количество респондентов — 3194 человека. Выборка районированная (по регионам, типам поселений, возрастным группам молодежи) с последующим случайным отбором. Погрешность выборки не превышает 3%.

Результаты исследования

В целях анализа представлений юношества об образе России в ходе опроса 2022 г. респондентам было предложено определить, с чем у них ассоциируется / не ассоциируется концепт «Россия»: с государством, властно-государственными структурами; с Родиной / Отечеством; с особенностями и достижениями российской культуры; с существованием единого многонационального российского народа и его уникальной историей и ментальностью (табл. 1).

Таблица 1.

Table 1.

Россия — это...* (в представлениях юношества) (% , 2022)**

Russia is...* (in the views of youth) (% , 2022)

Россия — это...	Юноши				Девушки				Всего				Среднее ранговое значение
	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4	
Российское государство (власть, государственное управление, вооруженные силы, государственные деятели прошлого и настоящего)	28,3	28,7	21,4	21,6	25,5	27,1	24,5	22,7	26,6	27,7	23,3	22,2	2,4
Моя Родина, Отечество	41,5	22,1	16,3	20,1	42,6	19,4	17,3	20,7	42,2	20,4	16,9	20,4	2,1
Российская культура (достижения культуры, ценности, традиции)	31,4	25,1	22,7	20,8	30,0	27,5	21,9	20,9	30,3	26,5	22,2	20,9	2,3
Российский народ (характер народа, многонациональность, единство, историческое прошлое)	35,9	23,5	18,9	21,5	33,2	23,8	21,7	21,1	34,3	23,7	20,6	21,2	2,3

Примечания: *Респондентам было предложено охарактеризовать свои представления по шкале от 1 до 4, где 1 — наиболее выраженные ассоциации, 4 — наименее выраженные ассоциации.

** Отдельные респонденты уклонились от ответа на вопрос, поэтому сумма ответов по каждой смысловое-ассоциации может быть менее 100,0%.

Почти для каждого второго опрошенного (42,2%) образ России ассоциируется прежде всего с Родиной. Вероятно, это объясняется тем, что большинство респондентов являются гражданами России в силу рождения и воспринимают этот факт как данность. Однако является ли гражданство автоматически основанием формирования и поддержания позитивной идентичности? Полагаем, что нет. Наличие знаний о месте, где ты родился, может сочетаться не только с позитивными, но и негативными переживаниями, чувствами сожаления, депривации. В некоторых случаях осознание может сопровождаться индифферентным, равнодушным отношением.

Примерно для трети респондентов (34,3%) Россия — это целостный многонациональный народ с уникальной историей и особым менталитетом. Также 30,3% молодых людей, рассуждая о России, подчеркивают особую интегративно-цивилизационную роль российской культуры с ее высокими достижениями.

Только четверть молодых людей ассоциируют Россию с институтами государства, власти и управления. Возможно, более слабые ассоциации объясняются традиционными представлениями о разрыве устремлений (глубокой дистанции) власти и народа. Это подтверждает тот факт, что государство, властно-государственные структуры и их деятельность несколько чаще рассматривается молодыми людьми в качестве фактора-дезинтегратора среди оснований-смысломем общероссийской идентичности.

Исследование не выявило особых различий в ассоциативных рядах между юношами и девушками. Вместе с тем обращает на себя внимание разрозненность ассоциативных представлений в целом, что, вероятно, свидетельствует о неоднородности юношества. Это порождает вопросы о ценностных основаниях конструирования общероссийской идентичности, а также о том, какова должна быть направленность гражданско-патриотического воспитания в России, если молодые люди не определились, а возможно, и не задумывались, что для них Россия и как к ней относиться.

Анализ возрастных различий в оценках показал схожесть тенденций оценивания как в младшей группе — 16–18-летних, так и среди 19–21-летних молодых людей. Отметим лишь, что 16–18-летние информанты несколько чаще (44,0%), чем молодежь 19–21 года (39,7%) ассоциируют понятие «Россия» с Отечеством / Родиной. Возможно, это объясняется в том числе соотношением предписанных и достигаемых статусных позиций у людей разного возраста, а также возможностями изменения соответствующего статуса собственными силами.

Говоря о межрегиональных различиях в оценках, отметим, что молодые люди во всех исследуемых регионах в первую очередь ассоциируют Россию со своей Родиной; во вторую — с российским народом; в третью — с традициями и ценностями российской культуры; в четвертую — с государством и властно-государственными институтами. При этом жители Республики Башкортостан (45,4%), Белгородской (44,9%) и Тюменской (43,3%) областей идентифицируют Россию как свою Родину несколько чаще, нежели жители Алтайского края (39,6%) и Республики Татарстан (38,8%). Возможно, для молодежи второй группы регио-

нов подобное можно объяснить высоким уровнем выраженности регионального самосознания (значимость концепта «малая Родина») или доминированием этнической идентификации.

В целом представление о образе России как основании гражданства для респондентов более близкое, чем как об основе государственно-политического единства. Но обратим внимание и на то, что среднее ранговое значение предложенных респондентам ассоциаций выше 2 («во вторую очередь»). С одной стороны, это свидетельствует о том, что само понятие «Россия» неполно осмыслено молодежью. С другой стороны, не всеми одинаково воспринимается Родина, российский народ, российская культура.

Российский народ в системе Я- и Мы-концепции

Идентификация с российским народом зависит от того, как его представляют: одним он видится как неопределенное множество людей, как население; для других российский народ означает единое, целостное социальное образование. Мнения молодых респондентов по вопросу о том, представляют ли россияне единый народ, разделились. Половина респондентов согласна с тем, что российский народ существует как единое, целостное образование, четверть не согласилась с таким пониманием, примерно столько же затруднились ответить. Таким образом, для одних российский народ — это реальная общность, для других — номинальная.

Таблица 2.

Table 2.

Считаете ли Вы, что жители нашей страны — это единый и целостный российский народ? (% , 2022)

Do you think that the inhabitants of our country are a single and integral Russian people? (% , 2022)

Отношение к суждению	16–18 лет	19–21 год	Всего от 16 по 30 лет
Да	51,6	46,4	50,0
Нет	22,2	28,0	26,3
Затрудняюсь ответить	26,1	25,5	23,7

Таблица 3.

Table 3.

Считаете ли Вы, что жители нашей страны — это единый и целостный российский народ? (региональные различия среди молодежи 16–30 лет) (% , 2022)

Do you think that the inhabitants of our country are a single and integral Russian people? (regional differences among youth aged 16–30) (% , 2022)

Вариант ответа	Алтайский край	Белгородская область	Республика Башкортостан	Республика Татарстан	Тюменская область
Да	39,5	53,2	53,2	52,8	53,1
Нет	31,2	14,0	25,7	23,5	23,2
Затрудняюсь ответить	29,3	32,8	21,1	23,7	23,7

Восприятие россиян как единого народа является прежде всего отражением в общественном сознании реального состояния общества, констатации социальной поляризации, социально-экономического неравенства, слабой вертикальной интеграции. Призыв к единству народа должен опираться на четкую позицию власти по решению проблем социальной несправедливости, снижению уровня социальной поляризации, что особенно ярко проявляется на примере Алтайского края.

Эмоциональным проявлением самоопределения является чувство гордости за российский народ. В опросе 2022 г. респондентам в возрасте 16–21 года было предложено определить свое отношение к ряду суждений (табл. 4).

Таблица 4.

Table 4.

Гордость за российский народ в юности (% , 2022)

Pride for the Russian people in youth (% , 2022)

Суждения	%
«Я всецело горжусь российским народом, но также уважительно отношусь к другим народам»	45,1
«Каждым народом, и российским в том числе, есть за что гордиться, и есть то, чем нельзя гордиться»	37,8
«Я горжусь российским народом потому, что он лучше всех остальных»	10,3
«Я горжусь российским народом, но есть народы, которых можно уважать больше»	3,5
«Я не горжусь российским народом, я больше уважаю другие народы (другой народ)»	1,7
«Я не горжусь российским народом, как не уважаю и другие народы»	1,1
Другое	0,6

Индифферентное или негативное эмоциональное отношение к российскому народу присуще небольшой части юношества — не более 3%. Различные вариации гордости за российский народ (полное, частичное или периферийное проявления) присущи абсолютному большинству юношей и девушек. Гипертрофированное чувство гордости за российский народ (что чаще всего связано с фанатизмом, изоляционизмом, социоцентризмом) проявляет каждый десятый молодой человек. Полученные данные свидетельствуют о доминировании в молодежной среде позитивной идентификации с российским народом.

Образ «Россия — Родина»

Что касается ассоциации России с Родиной, то мы также видим неоднозначное к ней ценностное отношение. В опросах 2021 и 2022 гг. молодым респондентам было предложено определить свое отношение к встречающемуся в молодежной среде суждению «*Моя Родина там, где мне жить хорошо*» в виде выбора одного из трех вариантов ответа (табл. 5).

Таблица 5.

Table 5.

Суждения о взаимосвязи «Я» и Родины (% , 2021, 2022)

Judgments about the relationship between the “I” and the Motherland (% , 2021, 2022)

Отношение к суждению	16–18 лет		19–21 год	
	2021	2022	2021	2022
Для меня не важно — моя Родина Россия или другая страна, главное, чтобы мне было хорошо там жить	31,3	18,1	27,5	17,8
Я считаю Россию своей Родиной независимо от того, где жить лучше — здесь или в другой стране	43,5	44,3	46,1	46,4
Я не хотел бы считать Россию своей Родиной независимо от того, где жить лучше — здесь или в другой стране	4,6	1,9	3,8	2,4
Я думал об этом, но пока затрудняюсь ответить	6,9	11,5	9,0	10,9
Я не задумывался над этим вопросом	13,7	24,2	13,6	22,5

По данным ранее проведенных нами исследований, до 30% молодых людей относились к локации Родины чисто прагматически — с точки зрения комфортности жизни. В 2022 г. доля таких «прагматиков» существенно уменьшилась. Нельзя сказать, что это произошло потому, что увеличилась доля тех, кто однозначно ассоциирует Россию с Родиной, — она осталась на прежнем уровне. Различные ограничения, введенные западными странами в отношении российских граждан, изменили представления о возможностях комфортной жизни за рубежом. Зато выросло количество респондентов, затруднившихся определить свое отношение к обсуждаемому вопросу. Это свидетельствует о росте неопределенности в среде юношества по идентификации с Россией как Родиной.

Образ «Россия — государство»

Понятие «российское государство» в сознании молодых людей может означать и страну в целом, и государственный аппарат («чиновники»), и политико-правовое устройство общества. Определение своей связи с российским государством для респондентов зависит от того, какой смысл вкладывается ими в это понятие. Мы приняли за основу гражданско-государственного самоопределения термины «гражданин государства» и «гражданин мира». В результате суждения о гражданстве современного человека распределились следующим образом (табл. 6).

Как видим, более 70% молодых людей в той или иной степени считают себя гражданами мира. При этом позицию полного космополита занимает каждый десятый, условного космополита («в первую очередь — гражданин государства, во вторую очередь — мира») — каждый пятый респондент. Наименьшая доля среди молодых людей — тех, кто связывает гражданство только со своим государством.

Понятие «гражданин мира» — абстракция, не связанная с геополитической реальностью. Быть гражданином мира в конкретных обстоятельствах в конкретной стране просто невозможно. Где бы ни оказался человек в современном мире,

это будет конкретное государство со своими не глобальными, а собственными интересами. «Мир» как единое целое, не состоящее из государств со своими интересами, существует лишь в иллюзиях. Можно легко любить все человечество и одновременно трудно любить конкретного человека. Так же легко можно представить себя гражданином мира, не представляя, как им можно быть в тех или иных странах. Космополитизм тоже является следствием глобализации в ее нынешнем асимметричном варианте. Понятие «гражданин мира» не связано с многообразием современного мира, не учитывает асимметричный характер современного мира.

Для многих молодых людей космополитизм — это не позиция, а скорее поза. Мы не склонны драматизировать космополитические представления молодежи. Жизненный опыт со временем неизбежно внесет коррективы в «розовые» образы современного мира.

Таблица 6.

Table 6.

Гражданский статус современного человека (% , 2022)

The civil status of a modern person (% , 2022)

Современный человек должен быть гражданином...	16–18	19–21	всего
только своего государства	6,0	4,8	5,5
в первую очередь — своего государства, во вторую очередь — мира	20,7	15,7	18,6
в первую очередь — мира, во вторую очередь — государства	13,3	15,3	14,1
мира, а не государства, в котором он живет	11,8	11,6	11,7
в одинаковой мере — мира и государства	26,2	28,5	27,2
затруднились ответить	22,0	24,1	22,9

Отметим, что сегодняшние юноши и девушки — дети тех, кто сформировался в 1990-е гг., в период не только социально-экономического, но и ментального кризиса общества, в пик популярности космополитических представлений и позиций. Космополитические представления и настроения не ушли в прошлое, они достаточно популярны и сегодня. Причины космополитических настроений — слабая субъектность молодежи в решении социальных вопросов, недостаточная вовлеченность ее в общенациональные цели, слабое осознание связанности личной и общей судьбы, своего будущего и будущего страны, недостаточный уровень вертикальной интеграции общества.

Как известно, важнейшим актором конструирования будущих социальных процессов, включая вопросы конструирования образа будущего России, выступает государство. В опросе 2021 г. мы изучали мнения молодежи относительно национальных целей развития страны до 2030 года, представленных в Указе Пре-

зидента РФ¹. Если эти цели являются общенациональными, то они должны быть восприняты обществом и конкретным человеком не только как предпринимаемые государством меры. Цели становятся общенациональными тогда, когда они понимаются и как личные, и как общие, требующие совместных усилий по их достижению. Воспринимаются ли молодежью эти цели как собственные? Респондентам было предложено выбрать следующие варианты ответов:

Эти цели могут и должны быть реализованы только государственными органами.

Эти цели могут и должны быть реализованы не только государством, нужны совместные усилия всех россиян.

Эти цели не могут и не должны быть реализованы только государством и гражданами страны: нужны конкретные действия отдельного человека, преследующего свои интересы.

Эти цели важны, но они недостижимы при всех усилиях государства, общества и отдельного человека.

Такие цели нельзя ставить, пусть все идет как идет.

Большая часть респондентов по тем или иным целям выбрали два первых варианта. Национальные цели молодежью воспринимаются или как цели государственных органов власти, или как цели всего общества. Что касается личной вовлеченности в реализацию общенациональных целей, то она является приемлемой для незначительной доли молодежи.

Таблица 7.

Table 7.

Национальные цели развития до 2030 г., которые требуют действий от каждого человека (% , 2021)

National Development Goals until 2030, which require action from each person (% , 2021)

Доли респондентов, считающих, что эти цели обязательно требуют участия каждого человека	16–18 лет	19–21 год	Всего 16–30 лет
«Сохранение населения, здоровье и благополучие людей»	9,0	8,2	8,5
«Возможности для самореализации и развития талантов»	11,8	10,0	11,4
«Комфортная и безопасная среда для жизни»	6,3	7,5	7,5
«Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство»	8,8	8,3	8,5
«Цифровая трансформация»	7,3	8,3	7,9

В таблице 7 приведены данные о доли респондентов, выбравших вариант «Эта цель должна быть реализована и государством, и гражданами страны, и каждым конкретным человеком» по тем национальным целям, которые нап

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. URL: <http://government.ru/docs/all/128943/>

мую связаны с потребностями каждого человека: здоровье и благополучие людей, самореализация и развитие талантов, комфортная и безопасная среда жизни, эффективный труд и успешное предпринимательство, цифровая трансформация.

Эгоцентрические и иждивенческие установки определенной части молодежи обусловлены рядом факторов. Это и традиционный патернализм, и клиентские отношения между государством и человеком (человек выступает в роли клиента различных государственных услуг), и слабая вовлеченность молодежи в общие дела, и ограниченные возможности для развития предпринимательства и иных инициатив молодежи.

Да и сами национальные цели развития страны до 2035 г. в документах адресованы государственному аппарату для обязательного исполнения. Возможно, поэтому эти цели воспринимаются скорее как «для народа», но не «самого народа».

Зададимся вопросом: а какой же видят Россию будущего сами молодые люди?

В ходе опросов 2021, а затем и 2022 г. респондентам было предложено определить спектр возможных идей (целей), которые могут быть общими для большинства россиян. Результаты оценивания представлены в таблице 8.

Таблица 8.

Table 8.

Возможные цели (идеи) будущего, объединяющие россиян* (%)** (2021, 2022)

Possible goals (ideas) of the future that unite Russians* (%)** (2021, 2022)

Вариант ответа***	2021 г.		2022 г.	
	16–18 лет	19–21 год	16–18 лет	19–21 год
Страна здорового народа	57,8	56,9	46,6	41,1
Страна без бедности	67,9	69,0	58,1	55,4
Спортивная держава	34,0	31,5	26,4	21,6
Образованная страна	61,6	62,1	55,8	52,0
Страна талантов	36,8	34,4	33,7	28,1
Страна научных открытий и разработок	42,3	45,0	40,3	38,3
Страна высокой культуры и духовности	–	–	34,3	30,6
Страна высокой культуры	37,6	37,5	–	–
Страна духовности	21,7	20,5	–	–
Страна свобод человека	–	–	43,1	44,1
Страна комфортной жизни	53,1	55,2	44,8	45,2
Страна с чистой окружающей средой	57,2	54,6	36,8	34,8
Страна равенства всех без исключения перед законом	–	–	24,4	26,9
Демократическая страна	–	–	22,5	23,7

Вариант ответа***	2021 г.		2022 г.	
	16–18 лет	19–21 год	16–18 лет	19–21 год
Страна доброжелательных/добрых людей	34,8	31,0	32,1	29,2
Страна без коррупции	47,2	52,7	37,4	41,2
Страна с сильной и авторитетной властью	–	–	14,0	10,9
Великая военная держава	18,7	18,7	26,6	21,1
Великая экономическая держава	–	–	25,5	24,4
Страна дружественных народов	40,4	37,2	31,1	31,1
Страна, которую в мире уважают за достижения	–	–	20,9	18,1
Страна, где власть и народ — одно целое	–	–	35,8	34,1
Страна, к которой дружески относятся народы других стран	–	–	28,6	26,2
Страна, где все понимают друг друга	40,0	33,4	–	–
Другое	–	–	0,8	1,0

Примечания: * Данный вопрос в 2022 г. был скорректирован: с учетом анализа социальных процессов внесены новые основания для оценки и анализа.

** В связи с коррекцией вопроса полученные результаты сравниваются не в абсолютных количественных значениях, а на основе вычленения ведущих факторов-интеграторов и дезинтеграторов.

*** Вопрос с множественным выбором вариантов ответа, поэтому сумма ответов превышает 100%.

Несмотря на многообразие возможных вариантов ответов и некоторые различия в предпочтениях респондентов, образ России будущего на основании набора интегрирующих ценностей стабилен, независимо от возраста опрошенных и времени проведения опроса. В число ведущих включены значимые терминальные ценности: здоровье, достойная, комфортная жизнь, а также ценности, символизирующие важнейшие социальные проблемы российского общества: имущественное расслоение и неравенство, образование, коррупция. Отметим, что и в 2021, и в 2022 г. ключевыми ценностями будущего молодые люди называют *преодоление бедности в стране и развитие системы образования*. Характерно, что в 2021 г., когда опрос затрагивал и более старшие возрастные группы молодежи (до 30 лет), эти ценности вошли в топ-3 ведущих оснований конструирования будущего среди молодежи всех возрастов.

Таким образом, при всей важности конструирования образа будущего России сверху, он является в конечном счете результатом формальных и неформальных дискуссий в самом обществе. Образ будущего страны является частью самоидентификации общества — процесса коллективного осмысления.

В связи с этим в ходе опроса 2022 г. респондентам было предложено ответить на вопрос, присутствует ли дискурс будущего России в повседневном коммуникативном пространстве современного юношества в кругу сверстников. Полученные результаты представлены в таблице 9.

Таблица 9.

Table 9.

Обсуждение в кругу сверстников идей о будущем России (% , 2022)

Peer discussion of ideas about the future of Russia (% , 2022)

Варианты ответа	Всего	
	16–18 лет	19–21 год
Да, обсуждаем, при этом большей частью мы согласны друг с другом	24,7	22,1
Да, обсуждаем, при этом мы в чем-то согласны, в чем-то нет	28,9	30,3
Да, обсуждаем, при этом мы большей частью не согласны друг с другом	4,2	5,3
Нет, просто об этом не задумывались, поэтому не обсуждаем	26,5	23,2
Нет смысла в таких обсуждениях, от наших мечтаний ничего не зависит, поэтому не обсуждаем	15,7	19,1

Более половины юношества 16–21 года представляет собой общественность — людей, озабоченных такой общественной проблемой, как будущее страны. Проблема эта непростая, поэтому и обсуждение ее носит дискуссионный характер. Как видим, отмеченная нами ранее гетерогенность юношеской среды проявились и в ответах на данный вопрос. С одной стороны, 57,8% 16–18-летних и 57,7% 19–21-летних молодых людей обсуждают эти вопросы в кругу сверстников. С другой стороны, 42,2% 16–18-летних и 42,3% 19–21-летних в подобных обсуждениях участия не принимают. Характерно, что примерно каждый четвертый респондент не участвует в обсуждениях в силу отсутствия дискурса будущего страны и ее народа в круге интересов самих молодых людей. Вероятно, это люди, у которых концепт «Россия» четко не выражен и не играет особой роли в конструировании Я- и Мы-концепции. Настораживает, что 15,7% 16–18-летних и 19,1% 19–21-летних просто не видят смысла в подобных обсуждениях, поскольку их мнение «никому не интересно и ни на что не влияет». При этом масштабы подобного пессимизма нарастают по мере взросления, что не очень согласуется со знаменитым тезисом «молодым везде у нас дорога».

Вместе с тем среди молодежи с выраженной общероссийской идентичностью также не наблюдается согласия. Если почти каждый четвертый опрошенный встречает определенную поддержку своим взглядам и убеждениям, то еще треть молодых людей сталкивается с непониманием даже в кругу ровесников, не говоря уже о людях старшего возраста.

Таким образом, неоднородность в среде самого юношества, пассивность некоторой его части, влияние многообразных как объективных, так и субъективных различий и барьеров в социальных взаимодействиях в условиях неоднозначных социальных изменений существенно осложняют решение задач укрепления общероссийской идентичности и планирования молодежной политики. Предла-

гаемые «сверху» концепты и образы будущего страны должны учитывать формирующиеся в социальной коммуникации идеи.

Действительно, сегодня трудно прогнозировать возможные трансформации в российской идентичности молодежи; они зависят от развития многих факторов и событий. Но очевидно, что позитивная реальная российская идентичность может сохраняться и расширяться только как деятельная идентичность. Для этого необходимы два условия. Первое — это расширение возможностей для самореализации молодежи, поддержка ее инициатив. Это позволит молодым людям почувствовать свою сопричастность к общим делам, свою субъектность. Второе — это формирование общенациональных идей, мечты, целей развития страны в ближайшем и отдаленном будущем. В период юности начинается жизненный путь, но для этого пути необходимы четкие, понятные ориентиры. Российская идентичность в период молодости, особенно в юности, основывается на представлениях об общности судеб личности и страны. Это особенно верно сегодня — во время новых вызовов и новых возможностей.

Какие перспективы видят для себя молодые люди в новых условиях? В ходе опроса 2022 г. молодые люди оценили трудности и возможности, связанные с санкциями западных стран, следующим образом. Больше возможностей для себя, чем трудностей, видят 14%; больше трудностей, чем возможностей, — 30%; в равной мере трудностей и возможностей — 34,3%. Не видят ни трудностей, ни возможностей 10,2%; затруднились ответить — 11,5% молодых респондентов. Разумеется, то, что ряд молодых людей не видят для себя каких-либо перспектив в связи с новыми возможностями, во многом зависит от различных личностных факторов. Но если реальные возможности для самореализации молодежи ограничены, то ситуация оценивается ею скорее как рост различных барьеров.

Перспективы для себя в связи с новыми возможностями молодые люди видят следующим образом (табл. 10).

Таблица 10.

Table 10.

Оценка перспектив в условиях новых социальных вызовов (% , 2022)

Assessment of prospects in the context of new social challenges (% , 2022)

Варианты ответов	%
Отчетливо видят для себя перспективы	12,3
Смутно, неопределенно, но видят перспективы	25,4
Пока не видят конкретных перспектив — где и как	16,4
Не видят для себя каких-либо перспектив	7,9
Такие перспективы не интересуют	4,2
Не думали о таких перспективах	33,3
Другое	0,4

В последний год заметно выросло число конкурсов, грантов для молодежи, проводимых различными государственными и общественными организациями. Но не всегда они известны значительной части молодежи. Они или рассчитаны для достаточно узкого круга молодежи («талантливой, одаренной»), или не связаны с профессиональными интересами части молодежи, или плохо работает система информирования. Проявляется и влияние инертности, пассивности части юношества. В результате большая часть молодежи остается пока вне участия в конкурсах и грантах, нацеленных на расширение возможностей самореализации, а также не демонстрирует социальной активности в вопросах построения и определения трендов грядущих социальных процессов (будущего).

Обсуждение и заключение

В настоящее время в юношеской среде наблюдаются противоречивые тенденции — снижение уровня номинального отношения к концепту «Россия» при росте неопределенности в оценках.

Укрепление российской идентичности юношества и молодежи в целом на современном этапе возможно лишь на основе реальной идентификации на базе реализации возможностей, в том числе новых, привлечения молодых людей к соучастию в общих делах.

Молодежь больше, чем другие поколения, идентифицирует себя с будущим страны, поэтому укрепление общероссийской идентичности невозможно без общенациональной идеи, без позитивного образа будущего России.

Общенациональные идеи, мечты, образы будущего должны не просто декларироваться, они должны быть основой нового политического, социально-экономического и социокультурного курса в качественно новых социальных реалиях. Только тогда эти идеи и образы станут основой укрепления общероссийской идентичности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации М. : Прогресс, 1977. 413 с.

Деягин М. Свобода ради справедливости // Свободная пресса. 2022. 12 апр.

Зверев А. Л., Палитай И. С., Смутькина Н. В., Рогозарь А. И. Особенности политического восприятия в современных российских условиях // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 40–54.

Комаровский В. С. Видение будущего страны российской молодежью: надежды и опасения // Власть. 2021. № 5. С. 187–194.

Комаровский В. С. Образ желаемого будущего России: проблема формирования // Власть. 2020. № 1. С. 45–50.

Кон И. С. Открытие «Я». М. : Политиздат, 1978. 367 с.

Маленков В. В., Фарахутдинов Ш. Ф. Будущее России в представлениях постсоветской молодежи // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика.

Политика. 2019. Т. 12, № 3. С. 107–118.

Образ будущего России глазами молодежи / под ред. В.С. Комаровского. М. : Аспект Пресс, 2021. 224 с.

Образ будущего в оценках нового поколения россиян / В.В. Гаврилюк, Л.Л. Мехришвили, Н.И. Скок, Х.Н. Садыкова, Ш.Ф. Фарахутдинов, В.В. Маленков, Т.В. Гаврилюк, О.Л. Сотков, И.Н. Голиков. Тюмень: ТИУ, 2016. 166 с.

Садретдинова Э.В., Коровкина Н.В. Поиск национальной идеи в контексте укрепления российской идентичности: опыт регионального измерения проблемы // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2021. № 4 (51). С. 56–60.

Титов В.В. Национально-государственная идентичность как пространство политических смыслов и образов // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 42–54.

Шайхисламов Р.Б. Родина в «Мы-концепции» молодого поколения // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2021. Т. 14, № 2. С. 116–128.

Adams G.R., Marshall S.K. A Developmental Social Psychology of Identity: Understanding the Person-in-context // Journal of Adolescence. 1996. Vol. 19, no. 5. P. 429–442. doi:10.1006/jado.1996.0041

Carabelli G., Lyon D. Young people's orientations to the future: navigating the present and imagining the future // Journal of Youth Studies. 2016. Vol. 19, no. 8. P. 1–18. doi: <https://doi.org/10.1080/13676261.2016.1145641>

Polak F. The Image of the Future. London, New York : Elsevier, 1973. 320 p.

REFERENCES

Bruner, J. (1977). *Psychology of cognition. Beyond the immediate information*. Moscow : Progress. (In Russ.).

Delyagin, M. (2022). Freedom for justice. *Free press*. 12 April. (In Russ).

Zverev, A.L., Palitai, I.S., Smulkina, N.V., & Rogozar, A.I. (2016). Features of political perception in modern Russian conditions. *Polis. Political Studies*, 3, 40–54. (In Russ).

Komarovsky, V.S. (2021). Vision of the future of the country by Russian youth: hopes and fears. *Power*, 5, 87–194. (In Russ).

Komarovsky, V.S. (2020). The image of the desired future of Russia: the problem of formation. *Power*, 1, 45–50. (In Russ).

Kon, I.S. (1978). *Discovery of Self*. Moscow : Politizdat. (In Russ).

Malenkov, V.V., & Farakhutdinov, Sh.F. (2019). The future of Russia in the representations of post-Soviet youth. *Izvestia of higher educational institutions. Sociology. Economy. Politics*, 12(3), 107–118. (In Russ).

Komarovsky, V.S. (Ed.) (2021). *The image of the future of Russia through the eyes of youth*. Moscow : Aspect Press. (In Russ).

Gavrilyuk, V.V., Mehrishvili, L.L., Skok, N.I., Sadykova, H.N., Farakhutdinov, Sh.F.,

Malenkov, V. V., Sotkov, O. L. Golikov, I. N. (2016). *The image of the future in the assessments of the new generation of Russians*. Tyumen: TIU. (In Russ).

Sadretdinova, E. V., & Korovkina, N. V. (2021). The search for a national idea in the context of strengthening Russian identity: the experience of the regional dimension of the problem. *Kazan Socio-Humanitarian Bulletin*, 4(51), 56–60. (In Russ).

Titov V. V. (2017). National-state identity as a space of political meanings and images. *Izvestiya Tula State University. Humanities*, 1, 42–54. (In Russ).

Shaikhislamov, R. B. (2021). Rodina in “We are the concepts” of the younger generation. *News of higher educational institutions. Sociology. Economy. Politics*, 14(2), 116–128. (In Russ).

Adams, G.R., & Marshall, S.K. (1996). A Developmental Social Psychology of Identity: Understanding the Person-in-context. *Journal of Adolescence*, 19(5), 429–442. doi:10.1006/jado.1996.0041

Carabelli, G., & Lyon D. (2016). Young people’s orientations to the future: navigating the present and imagining the future. *Journal of Youth Studies*, 19(8), 1–18. doi:10.1080/13676261.2016.1145641

Polak, F. (1973). *The Image of the Future*. London, New York : Elsevier.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Рафаэль Бадретдинович Шайхисламов — д-р социол. наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Уфимского университета науки и технологии, г. Уфа, Россия.

Rafael B. Shaikhislamov — Dr. Sci. (Sociology), Professor of the Department of Sociology and Youth Work at Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.

Гузелия Рауфовна Асадуллина — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью Уфимского университета науки и технологии, г. Уфа, Россия

Guzelia R. Asadullina — Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor of the Department of Sociology and Youth Work at Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.

Эвеллина Винеровна Садретдинова — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью Уфимского университета науки и технологии, г. Уфа, Россия.

Evellina V. Sadretdinova — Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor of the Department of Sociology and Youth Work at Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.

Статья поступила в редакцию 14.02.2023;
одобрена после рецензирования 01.03.2023;
принята к публикации 01.03.2023.

The article was submitted 14.02.2023;
approved after reviewing 01.03.2023;
accepted for publication 01.03.2023.

Научная статья / Research Article

УДК 304.444

DOI: 10.14258/SSI(2023)1-02

Ментальные репрезентации религиозности в зеркале психосемантических измерений: региональные аспекты

Дарья Алексеевна Омельченко¹,
Светлана Геннадьевна Максимова²,
Оксана Евгеньевна Ноянзина³

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
daria.omelchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2839-5070>

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
svet-maximova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4613-4966>

³Главный информационно-вычислительный центр
Министерства культуры Российской Федерации, Москва, Россия,
noe@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1252-6021>

Аннотация. Религиозность россиян изменяется под влиянием глобальных и локальных факторов, характеризующих постиндустриальное развитие общества: меняется репертуар религиозных течений и верований, трансформируются религиозные практики и восприятие веры, отношение к верующим. Будучи одновременно социальным и индивидуальным качеством, отражающим индивидуальный опыт и влияние общества, существующие нормы и институционализированные (конструируемые социальными субъектами и формируемые в ходе социализации) социальные представления в отношении религий и веры, религиозность находят отражение в общественном сознании в виде генерализованных образов, характеристики которых имеют общие, присущие всем россиянам, и уникальные компоненты, определяемые различными факторами. В статье представлены результаты психосемантических исследований в четырех приграничных регионах России (Алтайский край, Новосибирская область, Республика Алтай, Республика Тыва, n = 200). Исследуются образы четырех носителей религиозности — «Я верующий(ая), слежу за учением церкви, считаю себя последователем определенной религии», «Я верю в бога по-своему, но конкретную религию не исповедую», «Не могу сказать, верю я или нет», «Я неверующий(ая), такие вещи не интересуют меня», «Я неверующий(ая), так как религиозное учение ошибочно», оцениваемые по утверждениям методики «Духовная личность» в адаптации Г. В. Ожигановой. Конструируются и интерпретируются семантические пространства — общее для всех регионов исследования и отдельные по каждому региону. Авторы делают вывод о том, что гипотеза о существовании общих оснований категоризации верна лишь частично. Конфигурация образов в пространстве коррелирует с этноконфессиональными особенностями региона и отражает специфику региональной ментальности.

Ключевые слова: религиозность, образы верующих, психосемантика, ментальные репрезентации, приграничные регионы

Финансирование: публикация подготовлена в рамках проекта РНФ № 22-28-01120 «Модели конструирования религиозной идентичности в приграничных регионах России: институциональные механизмы, стратегии и практики» (2022–2023 гг.).

Для цитирования: Омельченко Д.А., Максимова С.Г., Ноянзина О.Е. Ментальные репрезентации религиозности в зеркале психосемантических измерений: региональные аспекты // *Society and Security Insights*. 2023. Т. 6, № 1. С. 32–55. doi: 10.14258/ssi(2023)1-02.

Mental Representations of Religiousness in the Mirror of Psychosemantic Measurement: Regional Facets

Daria A. Omelchenko¹,
Svetlana G. Maximova²,
Oksana E. Noyanzina³

---

¹Altai State University, Barnaul, Russia,
daria.omelchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2839-5070>

²Altai State University, Barnaul, Russia,
svet-maximova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4613-4966>

³Main Information and Computer Center
of the Ministry of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russia,
noe@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1252-6021>

Abstract. The religiosity of Russians is changing under the influence of global and local factors that characterize the post-industrial development of society: the repertoire of religious movements and beliefs is changing, religious practices and perceptions of faith and attitudes toward believers are being transformed. Being simultaneously a social and individual quality, reflecting individual experiences and the influence of society, the existing norms and institutionalized (constructed by social actors and formed in the course of socialization) social perceptions of religion and faith, religiosity is reflected in the public consciousness in the form of generalized images, whose characteristics have common, common to all Russians, and unique components, determined by different factors. The article presents the results of psychosemantic studies in four border regions of Russia (Altai Territory, Novosibirsk Region, Altai Republic, Republic of Tuva, n = 200). The images of four carriers of religiosity — “I am a believer, I follow the teachings of the church, I consider myself a follower of a certain religion”, “I believe in God in my own way, but I do not practice a particular religion”, “I cannot say whether I believe or not”, “I am not a believer, such things do not interest me”, “I am not a believer because religious teachings are wrong”, assessed by the statements from the scale of “Spiritual personality” in adaptation of G. V. Ozhiganova. Several semantic spaces are constructed and interpreted — common for all regions of the study and separate for each region. The authors conclude that the hypothesis of the existence of common bases of categorization is only partially true. The configuration of the images in the space correlates with the ethno-religious features of the region and reflects the specificity of the regional mentality.

Keywords: religiousness, images of believers, psychosemantics, mental representations, border regions

Financial Support: the article was prepared as part of Russian Science Foundation project № 22-28-01120, “Models of Constructing Religious Identity in Borderland Regions of Russia: Institutional Mechanisms, Strategies, and Practices” (2022–2023).

For citation: Omelchenko, D.A., Maximova, S.G., Noyanzina, O.E. (2023). Mental Representations of Religiousness in the Mirror of Psychosemantic Measurement: Regional Facets. *Society and Security Insights*, 6(1), 32–55. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2022)1-02.

Введение

В современном обществе религия продолжает оставаться одним из важных оснований самоидентификации, способом сохранения традиционных основ общества, материальной и духовной культуры. Гипотеза о тесной взаимосвязи модернизации и секуляризации, предполагающая повышение атеистичности общества по мере увеличения образованности населения и увеличения роли знаний, показала свою несостоятельность, и в настоящем наблюдается «религиозное возрождение» и увеличение внимания к религиозности как значимой детерминанте общественных отношений (Turner, 2014).

Последние десятилетия ознаменовались бурными трансформациями религиозных основ общества, радикально изменившими представления о том, что такое религиозность и как следует себя вести истинно верующему человеку. В качестве примера таких трансформаций можно привести не только крайнюю плюралистичность и пестроту религиозного спектра, от традиционных мировых религий до эзотерических и оккультных учений. Значительно изменились религиозные практики, ставшие в эру постмодернизма более многочисленными и индивидуализированными, ориентированными не столько на институциональные нормы и правила, сколько на удовлетворение индивидуальных потребностей, поддержание и развитие духовных ресурсов, моральных ценностей и убеждений (Hall, Delport, 2013). По опыту российских ученых, массовая религиозность россиян сегодня выполняет утраченные государством и пока не сформированные гражданским обществом функции социальной солидарности и общественной консолидации (Рыжова, 2017).

Современные исследования религиозности интерпретируют ее как социальный конструкт — порождение культуры и общества, формирующееся в определенном социальном контексте под влиянием внешних и внутренних факторов. Конструктивизм рассматривает религиозность через формирование социальных представлений и установление взаимосвязи между индивидуальным действием, социальной активностью и влиянием социальных структур, а также через оппозицию между индивидуальностью, самостью и принадлежностью к коллективной общности (Howarth, 2002; Lichterman, 2008). Таким образом, религиозность рассматривается как индивидуальное и социальное качество, имеющее эмоциональные, оценочные, когнитивные и поведенческие аспекты, отражающее результаты обладания религиозными знаниями и чувствами, интернализацию религиозных норм и сакральных символов, признание легитимности религиозных институтов. Понятия религиозности и близкого к нему религиозной идентичности часто не разделяются и употребляются вместе как рядоположенные и трудноразводимые (Рыжова, 2016; Иванов, 2020). Подобно тому как соотносятся друг с другом этничность и эт-

ническая идентичность, сопоставляются и религиозность и религиозная идентичность. И если за идентичностью закрепляются собственно идентификационные функции — соотнесение с определенным образом, идеалом (истинно верующего), групповой общностью (религиозной группой), то религиозность предполагает обладание некоторым набором атрибутов — религиозных знаний, представлений, чувств, установок в отношении собственной и других религий, религиозного поведения, выраженного в форме континуума — от полного отсутствия религиозности до сильной (включая проявления фанатизма) религиозности.

Понимание многомерного характера религиозности привело к появлению комплексных моделей ее измерения. Один из авторитетных психологических подходов представлен в работах Г. Олпорта, который предлагает для измерения религиозного чувства / религиозности использовать континуум, на одном полюсе которого располагается внешняя (инструментальная) религиозность, а на другом — религиозные чувства, выступающие основным мотивом и регулятором деятельности (внутренняя религиозность) (Allport, Ross, 1967). Основываясь на теории Г. Олпорта, Д. Ван Камп разрабатывает четырехфакторную структуру религиозности, включающую не только внутренний и внешний, но и личностный и социальный параметры, отраженные в четырех шкалах: *духовной идентичности*, отражающей личностный и внутренний компонент, отношение человека к богу, его представления и внутреннюю значимость подобной духовной позиции; *идентичности по религиозной группе* — социальном и внутреннем компоненте, связанном с чувством субъективной взаимосвязи с религиозной группой (собственно религиозной принадлежностью), шкале *личной выгоды от принадлежности к религиозному сообществу* — личностном внешнем компоненте, описывающем возможность получения каких-либо внутренних благ, таких как ощущение внутреннего комфорта и пр., и, наконец, шкале *социальных выгод от принадлежности к религиозному сообществу*, выступающей социальным внешним компонентом, используемым для удовлетворения социальной потребности в общении и дружбе при помощи посещения человеком религиозных мест, учреждений, общины и т.д. (Хухлаев, Шорохова, 2016; Van Camp, Barden, Sloan, 2016).

Между тем, несмотря на существование различных моделей, стремящихся «уловить» различные аспекты религиозности, в отношении критериев ее оценки существуют серьезные разногласия, которые условно могут быть сгруппированы в две основные методологические позиции. Основными точками разногласия выступают отношение к самоидентификации, оценка целесообразности и достоверности субъективных оценок и апелляция к необходимости в процессе оценки религиозности учитывать конкретные факты, «доказывающие» наличие определенной выраженности религиозных убеждений и поведения.

Согласно первой, более ортодоксальной позиции, самоидентификация индивида с определенной религией или религиозной группой является мировоззренческой, идеологической позицией, а не религиозностью как таковой, она гарантирует лишь субъективное чувство самоотнесения, а не реальное знание и обладание определенными религиозными верованиями и следование определенной тради-

ции. Исследователи данной группы (Д.Е. Фурман, Р.Н. Лункин, Л.М. Воронцова и др.) считают критерием религиозности строгое соблюдение канонической чистоты и полноты религиозного образа действий и мысли (Богачев, 2016).

Представители второй, менее строгой позиции (например, Ю.Ю. Синелина, В.Ф. Чеснокова), напротив, считают самоидентификацию, осознание принадлежности к конкретной религии одним из ключевых признаков религиозности, и даже если лица с позитивной идентификацией не соответствуют церковным требованиям (например, не ходят в церковь, не соблюдают посты), это не является основанием для лишения их некоторого религиозного статуса «верующих», поскольку они себя таковыми считают и, вероятно, находятся в какой-то точке процесса своего духовного самосовершенствования. Так, В.Ф. Чеснокова главным измерением религиозности считает религиозную направленность личности, т.е. признание веры в Бога и отождествление себя с определенной религией, что является значимым шагом на пути к вере (см. разницу между теми, кто относит себя к православным, и теми, кто не считает себя последователями определенной религии). Поведение и знание догматов являются признаками не религиозности, но воцерковленности и отражают глубину и формы верования (Чеснокова, 2003). Выбор той или иной позиции предполагает определенные риски. Первый подход является, с одной стороны, более строгим и опирающимся на требования научной объективности, возможности верифицируемости полученных данных путем их сопоставления не только с субъективными оценками, но и с реальными фактами (соответствие знаний, выполнение религиозных обрядов), но чреват недооценкой количества верующих, которые имеют высокие субъективные показатели, но с позиции внешних критериев не являются достаточно хорошими «верующими». Второй подход при всей его человечности страдает одномерностью и односторонним представлением религиозности только в рамках индивидуальных идентификаций. В российской академической среде часто цитируемыми являются работы С.Д. Лебедева, предложившего «социологически релевантные» критерии религиозности, объединяющие религиозные смыслы на уровне индивидуального и коллективного сознания и связывающие их со сферой священного — «некоторыми сверхценностями, легитимирующими все остальные аспекты жизненного мира человека и социума» (Лебедев, 2005). В результате своих изысканий автор разрабатывает системно-динамическую концепцию, интерпретация религиозности в которой основана на прогрессирующем усвоении (инкультурации) социальным субъектом определенной религиозной культуры.

Очевидно, что истина где-то посередине. В своем исследовании мы считаем важным опираться на комплексный подход, в котором есть место и для субъективных, и для объективных оценок, отражающих внутренние религиозные переживания и их внешние проявления. В частности, мы разделяем позиции С. Хубера и О.В. Хубера (2012) о существовании множественных измерений религиозности и возможности их универсальной операционализации и генерализации на различные группы населения. В своих работах они подчеркивают, что чаще всего показатели религиозности измеряют только одну из характеристик — интенсивность, значимость или

степень сформированности религиозности, но не все вместе, что приводит к ограниченной и смещенной оценке. Взамен авторами предлагается категория центральности религиозности, учитывающая общие оценки по ключевым компонентам религиозности, описывающим в совокупности разнообразие религиозной жизни.

Данная статья представляет результаты междисциплинарного исследования в приграничных регионах России, предметом которого выступали ментальные репрезентации носителей религиозности и ее содержательных характеристик в общественном сознании населения. Под ментальными репрезентациями авторы, вслед за когнитологами, понимают процесс и результат отражения в сознании индивида или группы реального (или вымышленного) мира. Этот результат может иметь вербальные и невербальные, конкретные и символические формы и представляет собой субъективное описание и изображение опыта в виде некоторой структурированной и упрощенной модели, используемой для оценки себя, окружающих людей, событий или явлений. При этом, с учетом современного состояния репрезентализма как научной парадигмы, предполагается, что ментальные репрезентации, будучи связаны с реальностью, лишь частично отражают реальные характеристики реального мира (в случае с религиозностью — таких объективных характеристик вовсе не существует, они являются предметом научных дискуссий) и находятся под сильным влиянием субъективных факторов, включая ассоциируемые с репрезентируемым объектом субъективными значениями и личностными смыслами (Кубрякова, Демьянков, 2007). Ментальные репрезентации являются единицами, «кирпичиками», из которых формируются «образы мира» и его отдельные сегменты и пространства. В рамках исследования выдвигались гипотезы о возможностях выявления ключевых оснований для категоризации образов носителей религиозности в зависимости от ее выраженности и специфики их оценивания в регионах с различным национальным составом населения. Новизна исследования заключалась в выборе ракурса изучения религиозности сквозь призму ментальных образов, хранящихся в сознании населения, описании их содержания и оснований для сравнения, что позволило глубже взглянуть на вопросы восприятия веры и верующих, социальных стереотипов и представлений с учетом современных социальных реалий.

Методологические основы исследования

Для изучения ментальных репрезентаций религиозности требовалась особая методологическая оптика, позволяющая, с одной стороны, описать авто-, гетеро- и мета-стереотипы различных групп (верующих и неверующих), с другой — выявить особенности их мировосприятия, мышления и сознания, т.е. описать присущую разным группам картину мира, ментального образа реальности.

Одним из наиболее перспективных методологических подходов, позволяющих решать такого рода задачи, являлась экспериментальная психосемантика, синтезировавшая теорию личностных конструктов (Келли, 1970), в особенности ее центральную, ценностную составляющую (Horley, 2012) и методы семантического дифференциала (Osgood, 1964, Heise, 1970) для построения многомерных

семантических пространств как операциональных моделей категориальных структур создания образов и картин мира (Митина, Петренко, 2018). Теоретическим фундаментом психосемантического подхода являются конструктивистские теории в психологии и социальных науках (Pollack, 1998; Raskin, 2002), положения культурно-исторической психологии Л. С. Выготского и психологическая теория деятельности А. Н. Леонтьева, из которых заимствованы важнейшие категории исследования сознания, такие как значение, личностный смысл, эмоциональная окраска, субъектность, закономерности генезиса и развития значений в индивидуальном и общественном сознании, «обобщенных образов действий», их взаимосвязи и взаимообусловленность (Петренко, 2005).

Психосемантические методы «апеллируют к способности человека рефлексировать свое отношение к объектам, ситуациям, явлениям мира и к понятиям, существующим в естественном языке» (Артемьева, 2007). В рамках традиционного психосемантического эксперимента испытуемые оценивают какие-либо объекты (это могут быть политические лидеры или исторические события, произведения искусства или представители определенных социальных общностей) по совокупности различных параметров, отбираемых на основе авторских методик или вспомогательных процедур, таких как ассоциативные эксперименты, экспертные оценки, проективные методики и др. Полученные индивидуальные или групповые матрицы оценок впоследствии подвергаются процедурам многомерного анализа, позволяющим выявить общие семантические универсалии и генерализованные конструкты, сквозь призму которых происходит восприятие исследуемых явлений в индивидуальном или общественном сознании. Такой анализ на финальном этапе завершается построением психосемантических пространств, в котором выявленные структуры выступают координатными осями некоего многомерного пространства, а анализируемые объекты картины мира задаются в виде координатных точек внутри этого пространства. Параметры семантического пространства выступают «операциональными коррелятами когнитивных структур» (Петренко, Митина, Карицкий, 2018).

Для анализа образов верующих особый интерес представлял многократно апробированный в анализе представителей различных культур и социальных групп метод «множественных идентификаций», в котором различные личностные и стереотипные образы («ролевые позиции», в терминах Дж. Келли) сопоставляются через приписывание тому или иному образу определенных поступков, мнений и стилей поведения в предлагаемых обстоятельствах. Множественная идентификация как производная индивидуального и коллективного опыта представляет собой оценку вероятности принятия той или иной роли, отношение к ней. В ходе идентификации происходит процесс «переживания испытуемым своей общности с объектом идентификации (ролью)». Поскольку понимание и оценка тех или иных поступков зависит от особенностей их восприятия испытуемыми, полученные результаты самооценки, социальные представления, установки, стереотипы выступают показателями той или иной идентичности, ее ментальной репрезентацией (Митина, Цой, 2021).

Психосемантические исследования ментальных репрезентаций религиозности были проведены в четырех приграничных регионах: Алтайском крае, Ново-

сибирской области, Республике Алтай и Республике Тыва (общая выборочная совокупность составила: $n = 200$ чел. от 18 до 70 лет — постоянных резидентов, по $n = 50$ в каждом регионе). Сбор данных проводился 2 сентября — 10 декабря 2022 г. в онлайн-формате с контролем основных социально-демографических параметров выборки (пол, возраст, местность проживания — городские или сельские поселения). Фокус на приграничных территориях был не случаен. Религиоведческие исследования, проведенные в различных приграничных зонах, подтвердили, что эти территории являются аренами взаимовлияния различных культурных традиций, политических режимов и идеологий, установленных по разные стороны границы (Vila, 2005). География исследования охватывала 25 населенных пунктов различного типа. Крупнейшими из них являлись административные центры регионов — Новосибирск, Барнаул, Горно-Алтайск и Кызыл. В Алтайском крае, кроме Барнаула, психосемантические эксперименты проводились в средних и малых городах — Бийске и Новоалтайске, а также в сельских поселениях (Баево, Благовещенка, Кулунда, Мамонтово, Малышев Лог, Николаевка, Мирный, Павловск, Санниково, Шипуново). В Новосибирской области опросы проводились Бердске, Кольцово и Линево, в Республике Алтай — в Майме, Талде, поселках Иогач и Манжерок, в Республике Тыва — в селе Суг-Аксы Сут-Хольского кожууна.

В проведенных в четырех приграничных регионах психосемантических экспериментах ролевыми позициями для множественных идентификаций являлись образы «Я», обладающие различными религиозными убеждениями и поведенческими стратегиями, формирующими континуум градаций от сильной веры до отрицания трансцендентных основ религиозного мировосприятия: «Я верующий(ая), слежу за учением церкви, считаю себя последователем определенной религии», «Я верю в бога по-своему, но конкретную религию не исповедую», «Не могу сказать, верю я или нет», «Я неверующий(ая), такие вещи не интересуют меня», «Я неверующий(ая), так как религиозное учение ошибочно».

При выборе методики для формирования шкал-дескрипторов мы стремились, во-первых, подойти к исследованию духовности как отдельному измерению, не смешивая с другими психологическими категориями (такими, например, как благополучие), во-вторых, духовность должна была пониматься не только и не столько как религиозная категория, а скорее как надрелигиозное личностное качество, и в-третьих, шкала должна обладать хорошими психометрическими свойствами и иметь некоторый межнациональный «бэкграунд», чтобы использоваться по отношению к различным категориям верующих. В конечном итоге для целей исследования была отобрана методика «Духовная личность» индийских ученых (Anas, Husain, 2018; Husain, Luqman, Jahan, 2012), адаптированная и модифицированная в лаборатории психологии способностей и ментальных ресурсов им. В. Н. Дружинина Института психологии РАН Г. В. Ожигановой (2019; 2020).

Методика включала 28 утверждений, оцениваемых по пятибалльным шкалам — от «полностью согласен» до «полностью не согласен» и распределенных по пяти ключевым факторам:

1. Высокая нравственность и мудрость: данный фактор описывал базис духовной личности, способствующий формированию чувства священного и добродетельное поведение на основе нравственных чувств (доброты, сострадания, великодушия, мудрости).
2. Самоконтроль: саморегуляция личности, проявление выдержки, спокойствия, смирения как важных духовных качеств личности.
3. Надежность и ответственность: соответствие поведения нравственным идеалам и высокоморальным качествам, таким как верность, надежность, готовность брать на себя ответственность.
4. Духовность отношений, проявляющаяся в искренности, милосердии, способности прощать, справедливости и жизнестойкости.
5. Правдивость и удовлетворенность: данная шкала измеряла выраженность честности и прямоты, стремления к истине, умения видеть позитивные стороны жизни, веру в наличие и приоритет истинного над неистинным, что формировало основу для духовной силы.

Респонденты оценивали пять ролевых позиций по указанным утверждениям и отвечали на ряд дополнительных вопросов, направленных на изучение их социально-демографических характеристик (пол, возраст, место проживания), социального положения (род занятости), уровня образования, религиозной идентификации (отношение себя к одному из вероисповеданий) и уровня религиозности (самооценка выраженности религиозности, силы испытываемых религиозных чувств, частоты религиозных практик — молитвы и участия в церковных богослужениях). Эмпирические данные обрабатывались с помощью факторного анализа, на основании которого были построены семантические пространства ролей в каждом регионе исследования.

Основные результаты исследования

На первом этапе анализа на каждой из региональных выборок были проведены серии эксплораторных факторных анализов с дескрипторами. Анализ проводился с помощью метода главных компонент (с вращением варимакс) на объединенных данных и на данных для каждого региона в отдельности. Далее по наиболее значимым факторам рассчитывались факторные значения, которые агрегировались для отдельных ролевых позиций, что позволило рассчитать координаты и построить семантические пространства, репрезентирующие особенности восприятия образов верующих как отражение взаимоотношений между показателями духовности. Представим полученные результаты в изложенной логике анализа.

В результате факторного анализа на общих данных было выделено три основных фактора, описывающие 69,2% дисперсии переменных. Эти факторы лишь частично пересекались с факторами, предложенными Г. В. Ожигановой для интерпретации результатов теста. Однако, учитывая, что тест применялся в других обстоятельствах и по отличной методологии, различия в факторных структурах следует трактовать не как нарушение процедуры, а как возможное расширение применимости теста и как самостоятельное исследование, в котором возможны и другие варианты интерпретации.

Результаты факторного анализа (метод главных компонент
с вращением варимакс), объединенные данные

The results of factor analysis (principal components
analysis with varimax rotation), united data

	Компонента		
	Ф1	Ф2	Ф3
Я выполняю свои обещания		0,810	
Я надежный человек		0,811	
Я поступаю справедливо и праведно		0,769	
Я совершаю добродетельные поступки		0,688	
Я сохраняю верность другим людям		0,688	
Я великодушный/ая		0,621	
Я обладаю мудростью			0,695
Я контролирую себя			0,674
Я проявляю твердость и терпеливость			0,705
Я проявляю смирение	0,668		
Я полон/полна доброты	0,549		
Я стремлюсь к чистоте в мыслях и поступках	0,655		
Я искренний/ая	0,528		0,504
Я вижу все хорошее			0,588
Я обладаю выдержкой			0,779
Я придерживаюсь прямого пути (стараясь жить честно, действовать без уловок и обмана)		0,516	
Я правдивый человек		0,520	,
Мне свойственны вежливость и хорошие манеры		,	0,532
Я обладаю духовной силой	0,569		,
Я удовлетворенный жизнью человек			0,668
Я проявляю сострадание	0,707		
Я обладаю чувством священного	0,788		
Я стараюсь проявлять жизнестойкость			0,454
Я проявляю милосердие в отношении других	0,738		,
Я живу не только для себя, но и для других	0,758		,
Я могу сохранять спокойствие, встречаясь с невзгодами			0,678
Для меня важно поддерживать справедливость		0,531	
Я способен прощать	0,628		

Первый фактор (24,5% дисперсии) с максимальными нагрузками составили переменные, объединенные общими идеями гуманизма, милосердия и сострадания, проявлениями доброты и искренности, смирения, ассоциирующихся с чувством священного и духовной силой: «Я обладаю чувством священного» (0,788), «Я живу не только для себя, но и для других» (0,758), «Я проявляю милосердие в отношении других» (0,738), «Я проявляю сострадание» (0,707), «Я проявляю смирение» (0,668), «Я стремлюсь к чистоте в мыслях и поступках» (0,655), «Я способен прощать» (0,628), «Я полон/полна доброты» (0,549), «Я искренний/ая» (0,528), «Я обладаю духовной силой» (0,569). Этот фактор можно условно назвать фактором добродетелей и духовно-нравственного совершенства, поскольку он собирал наиболее значимые моральные и нравственные качества, присущие духовно развитой личности.

Смысловое ядро второго фактора (22,6%) наполнялось значениями из таких утверждений, как: «Я выполняю свои обещания» (0,810), «Я надежный человек» (0,811), «Я поступаю справедливо и праведно» (0,769), «Я совершаю добродетельные поступки» (0,688), «Я сохраняю верность другим людям» (0,688), «Я великодушный/ая» (0,621), а также, уже как позиции второго плана, — «Я придерживаюсь прямого пути (стараясь жить честно, действовать без уловок и обмана)» (0,516), «Я правдивый человек» (0,520), «Для меня важно поддерживать справедливость» (0,531). В целом объединительными смыслами данного фактора являлись, с одной стороны, справедливость и честность, с другой — верность и надежность как качества, демонстрирующие незыблемость и устойчивость моральных принципов.

Третий фактор (22,1%) описывался через утверждения: «Я обладаю выдержкой» (0,779), «Я проявляю твердость и терпеливость» (0,705), «Я удовлетворенный жизнью человек» (0,668), «Я обладаю мудростью» (0,695), «Я контролирую себя» (0,674), «Я искренний/ая» (0,504), «Я вижу все хорошее» (0,588), «Мне свойственны вежливость и хорошие манеры» (0,532). По сути, это был аналог фактора самоконтроля и жизнестойкости, ассоциирующихся не только с мудростью и позитивным взглядом на мир, но и воспитанностью и удовлетворенностью жизнью как некоторыми результатами успешной саморегуляции и «правильных» жизненных стратегий (см. табл.).

Рольевые позиции, уложенные в пространстве значимых факторов, получили следующее смысловое содержание. Анализ семантических пространств, построенных по первому и второму, второму и третьему факторам (рис. 1) показал, что позиции «Я верующий» и «Я неверующий(ая), так как религиозное учение ошибочно (атеист)» воспринимались как диаметрально противоположные, независимо от содержания факторов. В случае если пространство конструировалось по первому (нравственные добродетели) и второму (сила духа и устойчивость моральных принципов), идеал «верующего» занимал лидирующие позиции по двум факторам, позиция «Я верю в Бога по-своему» имела положительные значения по первому, но практически нулевые по второму фактору, неопределенная позиция была воспринята более «прохладно», как имеющая в лучшем случае нейтральные оценки по первому фактору и уже отрицательные по второму. Позиция

«Религия меня не интересует» занимала вместе с «Атеистами» крайние позиции по первому фактору, что фактически в сознании граждан лишало их права на обладание духовными добродетелями. Однако если позиция не интересующихся религией по второму фактору имела скорее нейтральные (близкие к нулевым) значения, то позиция атеистов оказывалась в «подвале» отрицательных значений по обоим факторам. Таким образом, исследование подтвердило, что духовность в общественном сознании имела весьма тесные связи с религиозностью и что стереотипы здесь действовали как в формате «презумпции духовности», предписываемой лицам, демонстрирующим четкую религиозную принадлежность, так и в формате «исключения», представляющего неверующих как крайне бездуховных и ненадежных личностей.

Если посмотреть на другую проекцию — второго и третьего факторов, то картина если не кардинально, то довольно существенно меняется: возникает инверсия ролевых позиций по третьему фактору, и «не верующие в силу своих убеждений» перемещаются из зоны отрицательных в зону положительных значений, сохраняя отрицательные позиции по второму фактору. Таким образом, атеисты воспринимаются как хладнокровные, держащие себя в руках личности, обладающие выдержкой, удовлетворенные жизнью, без излишних сомнений по поводу себя или своего положения, и при этом обладающие терпением и мудростью, способные воспринять «другого» толерантно и достойно встречать трудности. В целом все факторы занимали достаточно изолированные позиции, лишь во втором пространстве заметно некоторое сближение позиций «Не могу сказать, верю я или нет» и «Я верю в Бога по-своему».

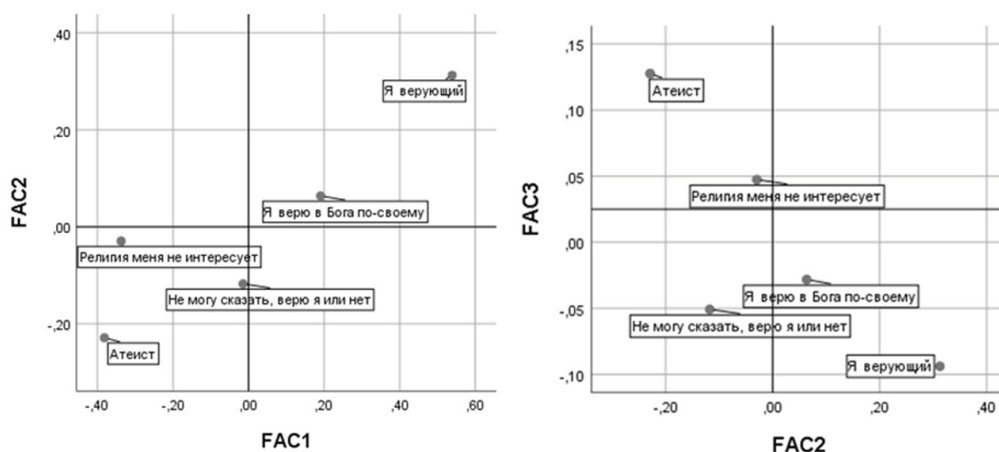

Рисунок 1 — Семантические пространства ролевых позиций по трем факторам (объединенные данные).

Figure 1 — Semantic spaces of role positions, the first three factors (united data).

Далее представим особенности, выявленные в ходе параллельного анализа региональных данных.

Алтайский край

Результаты факторного анализа, проведенного на выборке для Алтайского края, были очень близки к тем, что были получены на объединенных данных, за исключением порядка факторов и изменений в распределении нагрузок.

В Алтайском крае также было выделено три фактора с собственными значениями более 1,0, описывающих 72,3% дисперсии.

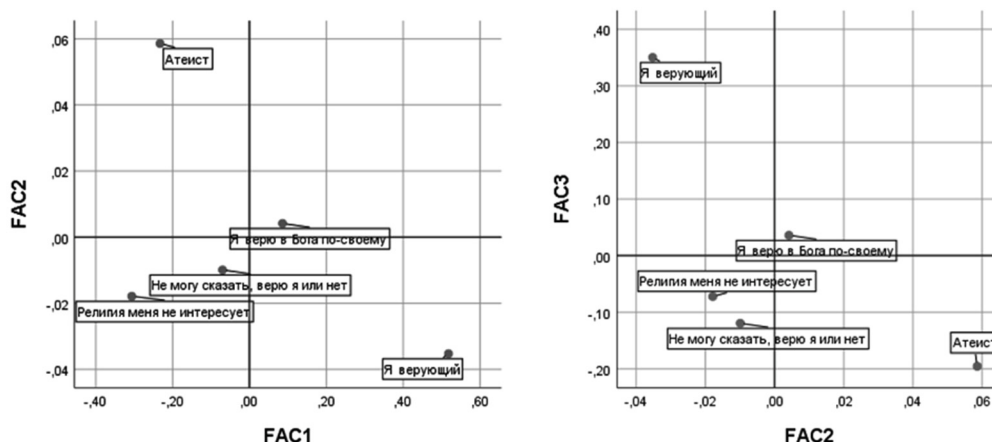

Рисунок 2 — Семантические пространства ролевых позиций по трем факторам (Алтайский край).

Figure 2 — Semantic spaces of role positions, the first three factors (the Altai kraï).

Первый фактор (25,4% дисперсии) также являлся фактором, описывающим нравственные добродетели, однако в отличие от общих данных, где максимальная нагрузка была у утверждения «Я обладаю чувством священного», что придавало фактору явный религиозный смысл, в Алтайском крае в этом факторе ключевые смыслы оказались связаны с милосердием и служением людям. Второй фактор совпадал по смыслу с третьим фактором на объединенных данных, это был фактор самоконтроля и жизнестойкости (24,1% объясненной дисперсии). В Алтайском крае из этого фактора в третий «ушла» переменная «Я придерживаюсь прямого пути (стараюсь жить честно, действовать без уловок и обмана)», у которой и в рамках первого анализа нагрузки не были очень высокими, что, на наш взгляд, лучше согласуется со смыслами факторов, а также добавилась переменная «Я обладаю духовной силой», придающая фактору более одухотворенное, возвышенное содержание. Третий фактор (22,8%) являлся фактором справедливости и социального служения, близким ко второму фактору, полученному на общей выборке, и усиленным утверждением «Я придерживаюсь прямого пути», подходящего по смыслу фактора.

В результате «рокировки» факторов изменилось и расположение ролевых позиций в семантических пространствах. Ролевые позиции «Атеиста» и «Веру-

ющего, являющегося последователем определенной религии» также занимали противоположные позиции в разных зонах пространства. Наиболее близко оценивались позиции «Не могу сказать, верю я или нет» и «Религия меня не интересует», тогда как позиция «Я верю в Бога по-своему» располагалась между двумя референтными позициями возле начала координат по двум факторами (рис. 2). Таким образом, жители Алтайского края воспринимали лиц, обладающих разными религиозными позициями, с одной стороны, весьма дифференцированно и стереотипно, с другой — содержание этих стереотипов не было слишком дихотомичным (верующие «хорошие», а неверующие «плохие»). Ни одна из позиций не занимала максимально выигрышной позиции, наилучшая (зона положительных значений по обоим факторам) была у роли «Я верю в Бога по-своему».

Республика Алтай

Результаты в Республике Алтай довольно существенно отличались от тех, что были получены в Алтайском крае. Количество факторов не изменилось, было также выделено три фактора (их информативность составила 27,0%, 23,2% и 21,3%), однако конфигурация факторов, их содержание сохранили лишь основные черты и приобрели дополнительные смыслы. Отметим, что по многим позициям наблюдались значительные пересечения нагрузок, для удобства интерпретации в таблицах были приведены максимальные значения.

В первом факторе, сохранившем ориентацию на добродетели, появились новые индикаторы, связанные с духовной силой (что не противоречило общему содержанию), правдивостью и удовлетворенностью жизнью, жизнестойкостью, поддержкой справедливости, что придавало ему несколько иной смысл — не пассивного смирения и принятия судьбы, а активной духовной позиции. Второй фактор был в целом аналогичным второму фактору в Алтайском крае, однако это был в большей степени фактор духовных отношений, поскольку большая часть дескрипторов, вошедших в этот фактор, касалась межличностных отношений, отношения к «другому», признания его суверенности, коррекции собственного поведения исходя из ценностей уважения и терпимости.

Смысл третьего фактора наполнялся содержанием, отражающим связь с воспитанностью и хорошими манерами, но добавлялась и уникальная черта — искренность, менявшая тональность данного фактора с «английского хладнокровия» и утонченности на более «мягкий» вариант, соответствующий скорее какому-то более южному варианту ментальности.

В семантических пространствах (рис. 3) видны различия в восприятии религиозных образов в свете выявленных изменений в системе категорий оценивания. Так, по первому фактору наиболее высоко была оценена ролевая позиция «Я верю в Бога по-своему», противопоставленная позиции «Религия меня не интересует». По второму фактору (духовных отношений) позиции располагались в соответствии с порядком градаций, что указывало на то, что именно этот фактор обладает наибольшей дискриминативной силой в плане выявления особенностей восприятия. По третьему фактору позиции верующих, описываемые в положительном свете, противопоставлялись неопределенной и отрицающей позициям,

тогда как отсутствие интереса воспринималось скорее нейтрально. То есть образы верующих, независимо от степени конфессиональности и принадлежности к религиозной традиции, имели в сознании опрошенных граждан положительные черты, тогда как неверующие воспринимались негативно.

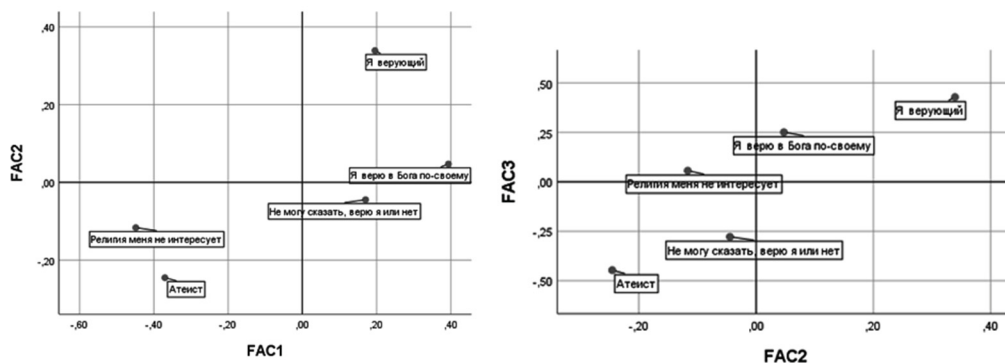

Рисунок 3 — Семантические пространства ролевых позиций по трем факторам (Республика Алтай).

Figure 3 — Semantic spaces of role positions, the first three factors (the Republic of Altai).

Республика Тыва

В Республике Тыва результаты факторного анализа не совпадали с предыдущими не только по содержанию, но и по количеству факторов. Было выделено пять главных компонент (информативность после вращения составила 26,6%, 17,6%, 16,1%, 12,6% и 9,0%).

На первом месте в республике был фактор надежности и ответственности, сопряженных с великодушием, чистотой мыслей, праведными (добродетельными) поступками, вежливостью и хорошими манерами. Смысл второго фактора концентрировался, с одной стороны, на демонстрации мягкосердечия и теплого расположения к другим людям, с другой — строгости по отношению к себе, выдержки и умения следовать собственным принципам. Условно этот фактор можно назвать фактором духовного воспитания и самообладания.

Третий фактор обобщил ценности коллективизма и общей справедливости с жизнестойкостью и умением противостоять невзгодам судьбы, сохранять достоинство, быть всем довольным. Четвертый фактор — мудрости и самоконтроля (лидирующие утверждения: «Я контролирую себя» (0,806), «Я проявляю твердость и терпеливость» (0,734)). В отдельный — пятый фактор были выделены дескрипторы «Я обладаю духовной силой» (0,779) и «Я обладаю чувством священного» (0,864). Таким образом, в отношении духовности сознание тувинцев было более когнитивно сложным, и исходные факторы (по замыслу авторов методики и по объединенным данным) приобретали собственное звучание, задаваемое особенностями менталитета и духовного самоопределения тувинцев, что наглядно демонстрировали семантические пространства.

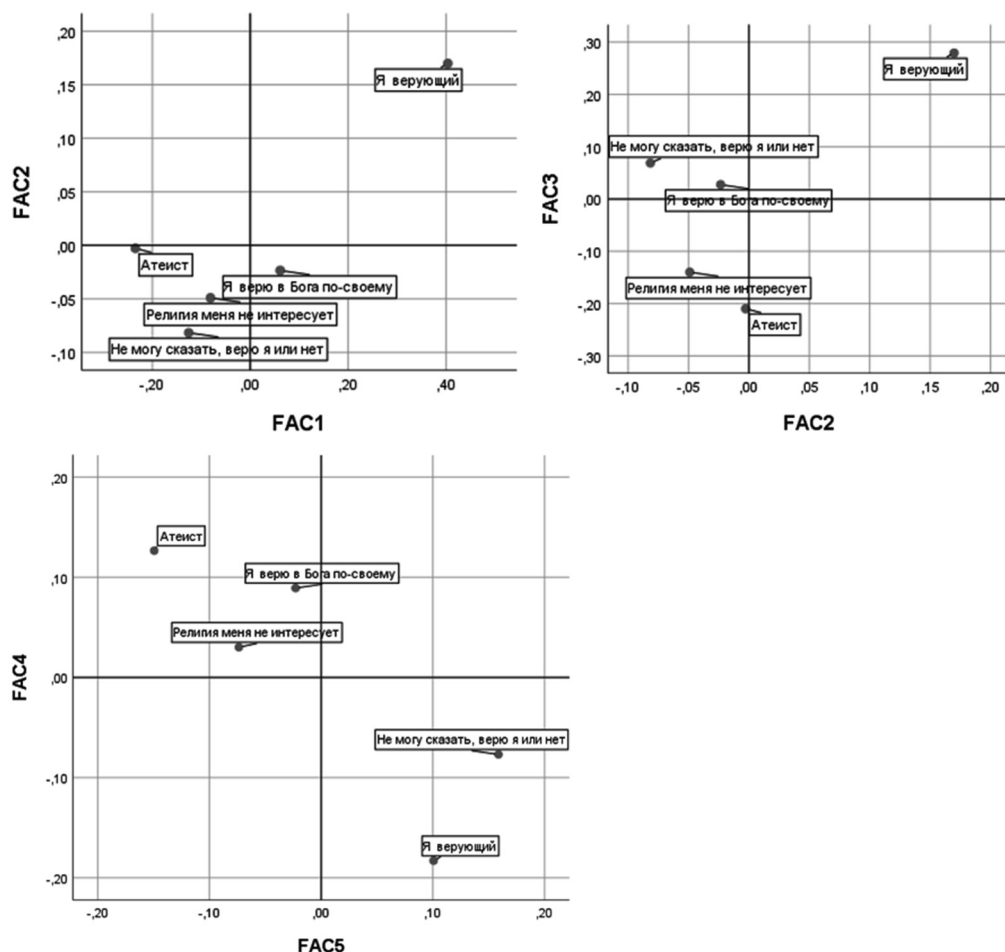

Рисунок 4 — Семантические пространства ролевых позиций по трем факторам (Республика Тыва).

Figure 4 — Semantic spaces of role positions, the first three factors (the Republic of Tyva).

В свете первых двух факторов четко видно, что только позиция истинно верующего, который должен обязательно принадлежать к определенной религиозной традиции, наделяется положительными качествами. К позиции «Я верю в Бога по-своему» тувинцы относятся довольно снисходительно, тогда как хуже всего воспринимаются позиции, демонстрирующие отрицание религиозных ценностей или сомнения в них. Позиция «Атеиста» оценивалась нейтрально по второму (фактор поведения) и отрицательно — по первому фактору, как антипод верующего, совершенно не соответствующего идеалу. При сопоставлении второго и третьего факторов верующие и атеисты противопоставлялись в неменьшей степени, тогда как позиции сомневающихся и приверженцев собственной веры

по третьему фактору (коллективизма и справедливости) оценивались менее строго. При сравнении четвертого и пятого факторов позиция верующих вместе с позицией «Не могу сказать, верю я или нет», находящиеся в зоне высоких значений по пятому фактору (духовной силы и чувства священного), переместились в зону отрицательных значений по четвертому фактору (мудрости и самоконтроля), тогда как остальные позиции воспринимались в значительной степени сходным образом и находились в противоположной части пространства. Здесь, на наш взгляд, могла произойти инверсия, что подтверждалось анализом средних значений по исходным шкалам, сформировавшим фактор (рис. 4).

В *Новосибирской области* в результате факторного анализа было выделено четыре фактора, описывающие 19,7%, 18,8%, 16,5% и 14,8% дисперсии.

На первом месте в факторной структуре новосибирцев — фактор справедливости и ответственности, ассоциирующийся с добрыми намерениями, верностью и честностью по отношению к людям. Этот фактор — слегка модифицированный фактор духовных отношений. Второй фактор — терпения и самоконтроля, для которого большую роль играли не только волевые, но и нравственные качества — мудрость, честность, доброта и искренность, а также признаки позитивного мышления. Третий фактор приблизился по смыслу к первому фактору в Алтайском крае и Республике Алтай. Это был фактор нравственных добродетелей и духовной силы (ведущие утверждения — «Я обладаю чувством священного» (0,812), «Я проявляю смирение» (0,786), «Я обладаю духовной силой» (0,670)).

В четвертом факторе категории жизнестойкости сочетались с гуманистическими идеями милосердия и сострадания, правдивости и надежности, хорошими манерами. В целом этот фактор можно назвать фактором поведения человека в обществе, включая возможные конфликтные ситуации (максимальные нагрузки у утверждений — «Я стараюсь проявлять жизнестойкость» (0,705), «Я проявляю сострадание» (0,620)).

В семантическом пространстве заметна группировка позиций с атеистическими убеждениями и отсутствием интереса к религии, а также позиций с внеконфессиональной идентичностью и неопределенными религиозными взглядами (рис. 5, рисунок слева сверху). Отдельно выделялась позиция верующих, находившаяся в зоне максимально высоких значений по первому фактору (справедливости и ответственности), но негативных по второму фактору (самоконтроля и позитивного мышления). При сравнении второго и третьего факторов (рис. 5, справа сверху) позиции выстраивались практически в одну линию, что указывало на тесную взаимосвязь между содержанием факторов и религиозностью. И если по второму фактору наилучшие показатели имели нерелигиозные позиции, которые в сознании жителей Новосибирской области ассоциировались с удовлетворенностью жизнью, высокой жизнестойкостью и твердостью убеждений, а худшие — как раз позиции верующих, то по третьему фактору, в котором в концентрированном виде содержались все религиозные компоненты духовности (чувство священного, духовная сила, чистота мыслей и поступков, праведность), координаты позиций точно соответствовали заложенным в эксперимент грациям от веры к неверию.

Примечательно, что по четвертому фактору (рис. 5 внизу) позиции распределились совсем не в соответствии с градациями религиозности: максимальные положительные значения, соответствующие проявлению милосердия, альтруизма, сострадания и жизнестойкости, были у позиции «Я верю в Бога по-своему», позиции верующих и не интересующихся религией располагались возле нулевых значений, тогда как позиции атеистов и сомневающихся, напротив, были в зоне негативных значений.

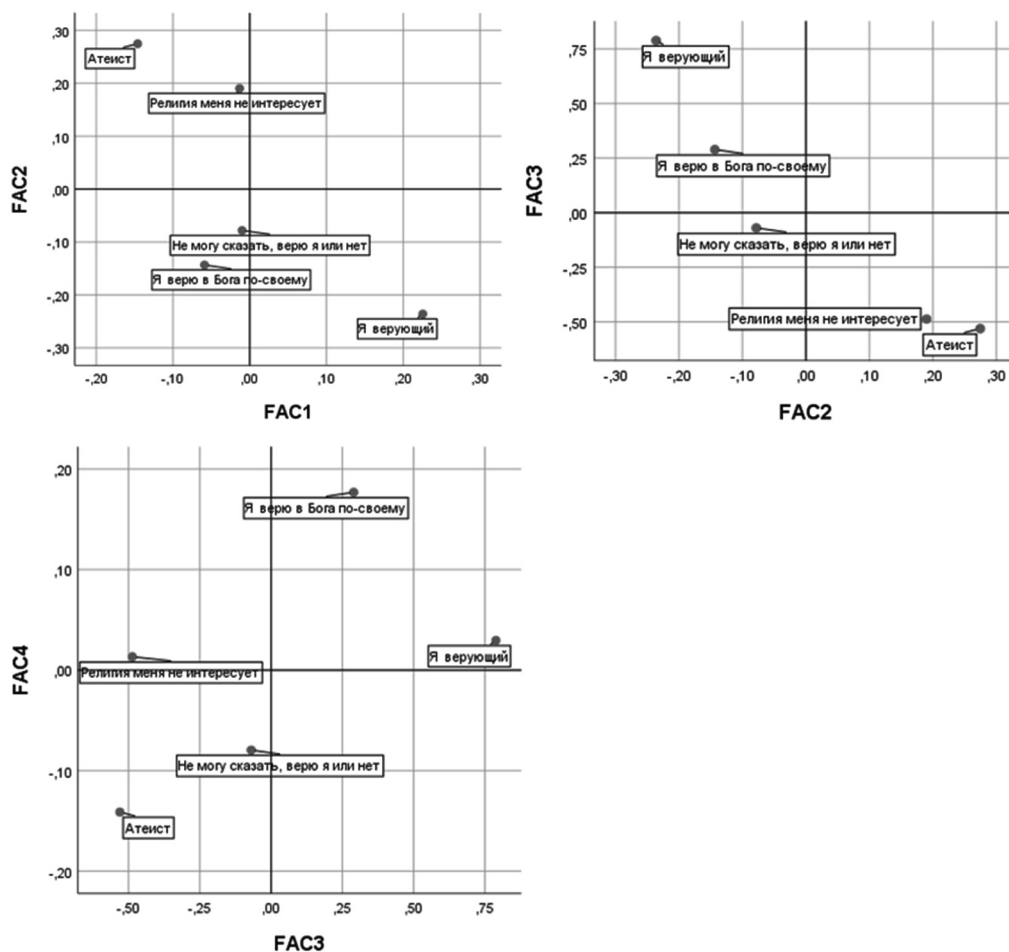

Рисунок 5 — Семантические пространства ролевых позиций по четырем факторам (Новосибирская область).

Figure 5 — Semantic spaces of role positions, the first four factors (the Novosibirsk Oblast).

Дискуссия и основные выводы исследования

Религиозная идентичность граждан России в современных условиях трансформируется под влиянием социокультурных процессов, имеющих глобальный

характер, часто принимает индивидуализированные формы и сочетается с практиками возрождения интереса к религии и ее охранительным, компенсаторным функциям в условиях неопределенности. Представления о религиозности и духовности меняются и приобретают новые значения и смыслы в свете изменяющихся социальных отношений между верующими и неверующими, возникающих новых практик и религиозных организаций, деятельности традиционных религий по сохранению своих ценностей и приверженцев. Анализ образов верующих, дифференцируемых по уровню религиозности (и отчасти мотивам), проведенный в рамках психосемантических экспериментов, был направлен на выявление особенностей восприятия религиозности сквозь призму качеств духовной личности, имеющих универсальный характер, содержания стереотипов и возможных линий противопоставления верующих и неверующих, а также семантических оснований, посредством которых происходит такое сравнение.

Гипотеза о существовании единой факторной структуры, определяющей специфику восприятия носителей религиозности, частично показала свою неадекватность исследованной реальности. С одной стороны, семантический каркас факторов сохранялся, с другой — в разных регионах имелись перекрестные нагрузки индикаторов, отчего факторы приобретали дополнительные смыслы. Менялось и количество факторов, что указывало на различный уровень когнитивной сложности регионального религиозного сознания. Так, факторные структуры, полученные на выборках в Республике Алтай и Алтайском крае, были близки и совпадали с общими трендами, выявленными на объединенных данных; на выборке для Новосибирской области было выявлено четыре фактора, тогда как в Республике Тыва, имеющей значительную специфику как по этническому составу, так и по вероисповеданию, — пять факторов. Полученные результаты указывают на то, что восприятие верующих происходит не только по инвариантным категориям, общим для всего населения, но и преломляется сквозь региональные системы значений, формируемые на основе этноконфессиональной палитры и межконфессиональных взаимодействий.

В Алтайском крае и Новосибирской области выраженность религиозности (по ролевым позициям) оценивалась прямо пропорционально фактору нравственных добродетелей и обратно — по уровню жизнестойкости и удовлетворенности жизнью. При этом в Алтайском крае позиции образовывали три кластера — атеистов, верующих, и всех остальных позиций, тогда как в Новосибирской области верующие воспринимались дистантно, атеисты — сходно с не интересующимися религией, а верящие в Бога «по-своему» — с не определившимися. В национальных республиках ситуация была принципиально иной. Во-первых, верующие оценивались только в позитивном ключе, тогда как все остальные позиции, в зависимости от выраженности религиозности, располагались в зоне отрицательных значений. В Республике Тыва позиция верующих занимала особое положение, а все другие позиции в свете двух основных факторов воспринимались практически как идентичные. В Республике Алтай позиция верующих сближалась с позицией внеконфессиональной веры и позицией сомневающихся,

представляя, по сути, инвертированную структуру Алтайского края. Результаты анализа, полученные на данном этапе, позволили в самом общем виде описать особенности регионального общественного сознания. Очевидно, что региональное общество не является гомогенным, в каждом регионе имеются преобладающие стереотипы и особые случаи, релевантные для отдельных социально-демографических и этноконфессиональных групп. Выявлению этих особенностей с учетом влияния иерархических уровней (территориальных, демографических, культурных, идентификационных) будет посвящена дальнейшая работа в рамках исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Артемьева Е. Ю. Психология субъективной семантики. М. : Изд-во ЛКИ. 2007. 136 с.
- Богачёв М. И. К вопросу о формировании интегрального подхода к концептуализации религиозности // Вестник Свято-Филаретовского института. 2016. № 18. С. 9–26.
- Иванов Р. В. Новая религиозность и религиозная идентичность среди молодежи // Религиозная идентичность и межкультурные коммуникации: материалы Всерос. науч. семинара / под общ. ред. А. П. Романовой, Д. А. Черничкина. Астрахань: Астраханский государственный университет, 2020. С. 137–143.
- Кубрякова Е. С., Демьянков В. З. (2007). К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 8–16.
- Лебедев С. Д. Религиозность: в поисках «рубикона» // Социологический журнал. 2005. № 3. С. 153–168.
- Митина О. В., Петренко В. Ф. Политическая психология: психосемантический подход. М. : Социум, 2018. 592 с.
- Митина О. В., Цой С. В. Психосемантический анализ представлений о ненависти // Цифровые технологии на службе педагогики и психологии: сб. ст. XVII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Коломна, 2021. С. 144–148.
- Ожиганова Г. В. Адаптация опросника «Духовная личность» на русскоязычной выборке // Experimental Psychology. 2019. Т. 1, № 12(4).
- Ожиганова Г. В. Духовно-нравственные качества личности и эмпатия как компоненты высших моральных способностей: верификация взаимосвязи на российской выборке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. №17 (4). С. 637–655.
- Петренко В. Ф., Митина О. В., Карицкий И. Н. К проблеме исследования ментальности // Историческая психология и социология истории. 2015. № 8 (2). С. 5–31.
- Петренко В. Ф. Основы психосемантики. СПб. : Питер, 2005. 480 с.
- Рыжова С. В. Особенности изучения религиозной идентичности россиян // Социологические исследования. 2016. №10 (10). С. 118–127.
- Рыжова С. В. Религиозность в контексте культуры доверия // Социологический журнал. 2017. № 3. С. 44–63. doi: 10.19181/socjour.2017.23.3.5363

Хухлаев О. Е., Шорохова, В. А. Социально-психологическое исследование религиозной идентичности у православной молодежи // *Социальная психология и общество*. 2016. № 7 (2). С. 35–50.

Чеснокова В. Ф. Воцерковленность: феномен и способы его изучения // *Десять лет социологических наблюдений*. М. : Фонд «Общественное мнение», 2003. С. 112–145.

Allport G. W., Ross J. M. Personal religious orientation and prejudice. *Journal of personality and social psychology*. 1967. Vol. 5, No. 4. P. 432–433.

Anas M., Husain A. Revision of Spiritual Personality Inventory // *Journal of the Indian Academy of Applied Psychology*. 2018. Vol. 44, No. 2, 288–295.

Hall H., Delport C. S. The young adult's perception of religion and formal structures: A postmodern perspective // *HTS: Theological Studies*. 2013. Vol. 69, No. 1. Art. #2016, 10 p. <http://dx.doi.org/10.4102/hts.v69i1.2016>.

Heise D. R. The semantic differential and attitude research // *Attitude measurement*. 1970. No. 4. P. 235–253.

Horley J. Personal construct theory and human values // *Journal of Human Values*. 2012. Vol. 18, No. 2. P. 161–171.

Howarth C. Identity in whose eyes?: the role of representations in identity construction // *Journal for the theory of social behaviour*. 2002. Vol. 32, No. 2. P. 145–162.

Huber S., Huber O. W. The centrality of religiosity scale (CRS) // *Religions*. 2012. Vol. 3, No. 3. P. 710–724.

Husain A., Luqman N. & Jahan M. *Spiritual Personality Inventory*. New Delhi: Prasad Psycho Corporation, 2012.

Kelly G. A. A brief introduction to personal construct theory / D. Bannister (Ed.), *Perspectives in personal construct theory*. New York: Academic, 1970. P. 1–29.

Lichterhan P. Religion and the construction of civic identity // *American Sociological Review*. 2008. Vol. 73, No. 1. P. 83–104.

Osgood C. E. Semantic differential technique in the comparative study of cultures // *American Anthropologist*. 1964. Vol. 66, No. 3. P. 171–200.

Pollack M. A. Constructivism, social psychology, and elite attitude change: Lessons from an exhausted research program // *Social Psychology, and Elite Attitude Change: Lessons from an Exhausted Research Program*, 1998. URL: <https://ssrn.com/abstract=2001812> (дата обращения: 15.12.2022). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2001812>.

Raskin J. D. Constructivism in psychology: Personal construct psychology, radical constructivism, and social constructionism // *American communication journal*. 2002. Vol. 5, No. 3. P. 1–25.

Turner B. S. Religion and contemporary sociological theories // *Current Sociology*. 2014. Vol. 62, No. 6. P. 771–788.

Van Camp D., Barden J., Sloan L. Social and individual religious orientations exist within both intrinsic and extrinsic religiosity // *Archive for the Psychology of Religion*. 2016. Vol. 38, No. 1. P. 22–46.

Vila P. *Border identifications: Narratives of religion, gender, and class on the US-Mexico border*. University of Texas Press, 2005. 302 p.

REFERENCES

- Artemyeva, E. (2007). *Psychology of subjective semantics*. Moscow: Izd-vo LKI. (In Russ.).
- Bogachev, M. I. (2016). On the formation of an integral approach to the conceptualization of religiosity. *Vestnik of the Svyato-Philaretovsky Institute*, 18, 9–26. (In Russ.).
- Ivanov, R. V. (2020). New religiosity and religious identity among young people. In: A. P. Romanova, D. A. Chernichkin (Eds.). *Religious Identity and Intercultural Communications, Materials of the All-Russian Scientific Seminar* (pp. 137–143). Astrakhan: Astrahanskij gosudarstvennyj universitet. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S., & Demyankov, V. Z. (2007). To the problem of mental representations. *Issues of Cognitive Linguistics*, 4, 8–16. (In Russ.).
- Lebedev, S. D. (2005). Religiosity: in search of the “Rubicon”. *Sociological Journal*, 3, 153–168. (In Russ.).
- Mitina, O. V., & Petrenko, V. F. (2018). *Political psychology: a psychosemantic approach*. Moscow: Socium. (In Russ.).
- Mitina, O. V., & Tsoy, S. V. (2021). Psychosemantic analysis of perceptions of hate. In: *Digital technologies in the service of pedagogy and psychology*. Collection of articles of the XVII All-Russian Scientific-Practical Conference with international participation (pp. 144–148). Kolomna. (In Russ.).
- Ozhiganova G. V. (2019). Adaptation of the questionnaire «Spiritual personality» in the Russian-speaking sample. *Experimental Psychology*, 1(12). (In Russ.).
- Ozhiganova, G. V. (2020). Spiritual and moral qualities of personality and empathy as components of higher moral abilities: verification of the relationship on the Russian sample. *Vestnik of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy*, 17(4), 637–655. (In Russ.).
- Petrenko, V. F., Mitina, O. V., & Karitsky I. N. (2015). To the problem of the study of mentality. *Historical psychology and sociology of history*, 8(2), 5–31. (In Russ.).
- Petrenko, V. F. (2005). *Fundamentals of psychosemantics*. St. Petersburg : Piter. (In Russ.).
- Ryzhova, S. V. (2017). Religiosity in the context of the culture of trust. *Sociological Journal*, 3, 44–63. doi: 10.19181/socjour.2017.23.3.5363. (In Russ.).
- Ryzhova, S. V. (2016). Peculiarities of studying the religious identity of Russians. *Sociological Studies*, 10(10), 118–127. (In Russ.).
- Khukhlaev, O. E., & Shorokhova, V. A. (2016). Socio-psychological study of religious identity in Orthodox youth. *Social Psychology and Society*, 7(2), 35–50. (In Russ.).
- Chesnokova, V. F. (2003). Votserkovlenie: Phenomenon and ways of its study. In: *Ten years of sociological observations* (pp. 112–145). Moscow : Fond «Obshchestvennoe mnenie». (In Russ.).
- Allport, G. W., & Ross, J. M. (1967). Personal religious orientation and prejudice. *Journal*

of personality and social psychology, 5(4), 432–433.

Anas, M., Husain, A. (2018). Revision of Spiritual Personality Inventory. *Journal of the Indian Academy of Applied Psychology*, 44(2), 288–295.

Hall, H., & Delport, C.S. (2013). The young adult's perception of religion and formal structures: A postmodern perspective. *HTS: Theological Studies*, 69(1), Art. #2016, 10 p. <http://dx.doi.org/10.4102/hts.v69i1.2016>.

Heise, D.R. (1970). The semantic differential and attitude research. *Attitude measurement*, 4, 235–253.

Horley, J. (2012). Personal construct theory and human values. *Journal of Human Values*, 18(2), 161–171.

Howarth, C. (2002). Identity in whose eyes?: the role of representations in identity construction. *Journal for the theory of social behaviour*, 32(2), 145–162.

Huber, S., & Huber, O. W. (2012). The centrality of religiosity scale (CRS). *Religions*, 3(3), 710–724.

Husain, A., Luqman, N. & Jahan, M. (2012). *Spiritual Personality Inventory*. New Delhi: Prasad Psycho Corporation.

Kelly, G. A. (1970). A brief introduction to personal construct theory / D. Bannister (Ed.), *Perspectives in personal construct theory*. New York: Academic, 1970. P. 1–29.

Lichterhan, P. (2008). Religion and the construction of civic identity. *American Sociological Review*, 73(1), 83–104;

Osgood, C.E. (1964). Semantic differential technique in the comparative study of cultures. *American Anthropologist*, 66(3), 171–200.

Pollack, M. A. (1998). Constructivism, social psychology, and elite attitude change: Lessons from an exhausted research program. *Social Psychology, and Elite Attitude Change: Lessons from an Exhausted Research Program*. <https://ssrn.com/abstract=2001812>, <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2001812>.

Raskin, J.D. (2002). Constructivism in psychology: Personal construct psychology, radical constructivism, and social constructionism. *American communication journal*, 5(3), 1–25.

Turner, B. S. (2014). Religion and contemporary sociological theories. *Current Sociology*, 62(6), 771–788.

Van Camp, D., Barden, J., & Sloan, L. (2016). Social and individual religious orientations exist within both intrinsic and extrinsic religiosity. *Archive for the Psychology of Religion*, 38(1), 22–46.

Vila, P. (2005). *Border identifications: Narratives of religion, gender, and class on the US-Mexico border*. University of Texas Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Дарья Алексеевна Омельченко — канд. социол. наук, доцент кафедры социальной и молодежной политики, Институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия.

Daria A. Omelchenko — Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor at the Department of Social and Youth Policy, Institute of Humanities, Altai State University, Barnaul, Russia.

Светлана Геннадьевна Максимова — д-р социол. наук, профессор, зав. кафедрой социальной и молодежной политики Института гуманитарных наук, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия.

Svetlana G. Maximova — Dr. Sci. (Sociology), Professor, head. Department of Social and Youth Policy, Institute of Humanities, Altai State University, Barnaul, Russia

Оксана Евгеньевна Ноянзина — канд. социол. наук, доцент, начальник информационно-аналитического отдела ГИВЦ Министерства культуры Российской Федерации, г. Москва, Россия.

Oksana E. Noyanzina — Cand. Sci. (Sociology), the Head of the Information and Analysis Department of the Main Computing Center of the Ministry of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 15.01.2023;
одобрена после рецензирования 01.02.2023;
принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted 15.01.2023;
approved after reviewing 01.02.2023;
accepted for publication 15.03.2023.

ГОСУДАРСТВО, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И СТАБИЛЬНОСТЬ

STATE, CIVIL SOCIETY AND STABILITY

Научная статья / Research Article

УДК 316.35

DOI: 10.14258/SSI(2023)1-03

Социальные медиа как новая институциональная структура осуществления коммуникаций молодежи

Зоя Николаевна Сергеева

Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия,
z.sergeeva@corp.nstu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4296-2008>

Аннотация. Роль социальных медиа в современных коммуникациях сложно недооценивать: из межличностных переписок контент, генерируемый пользователями, быстро перетек в социокультурный феномен. С одной стороны, можно говорить о расширении возможностей пользования глобальной сетью, а с другой, и это принципиально, социальные медиа стали самостоятельным средством массовой коммуникации, с гораздо более мультифункциональными инструментами «попадания» в ядро целевой аудитории.

Цель статьи — раскрыть феномен компьютерно-опосредованной коммуникации молодежи через использование социальных медиа и выявление их функций. На основе результатов анкетного опроса «Интернет-коммуникация как фактор формирования информационной культуры нового поколения молодежи» выдвинута гипотеза о том, что социальные медиа претендуют на позицию универсальной экосистемы. Институционализация социальных сетей предусматривает структурирование социальных практик, при этом критерием институционализации становится их структурная вариативность (система глобального сервиса, в которой возможно удовлетворить научно-образовательные, социокультурные, потребительские и иные потребности).

Замкнутая экосистема социальных медиа, развивая таргетированный подход в демонстрации пользовательского контента, в значительной степени управляет сознанием, формируя одновременно креативное и конформистское поведение, породив новое поколение людей — *generation social young*. Современная молодежь, на основе данных опроса, приоритизировала всю опосредованную коммуникацию в социальных сетях, связав онлайн-пространство с повседневностью. Новое — «цифровое» поколение переместило привычные социальные практики в социальные сети, институционализовав их. Помимо неформального общения социальные сети стали одним из основных каналов взаимодействия преподавателя и учащегося, несмотря на то что переписки через личные страницы не приветствуются администрацией образовательных учреждений ввиду нескольких причин. Формально такое общение остается вне системы корпоративных коммуникаций и может легко удаляться или становиться деструктивным. С другой стороны, общение в чате создает ощущение дружеской коммуникации, которая часто способствует развитию доверительных отношений и положительно влияет на процесс обучения.

В статье предпринята попытка научного осмысления социальных медиа с точки зрения хабиитуализации практик коммуникации молодежи в социальных сетях и их новой институциональной структуры. Выявленные и описанные функции социальных медиа («Общение», «Консолидация», «Тиражирование контента», «Состояние», «Нахождения», «Установление контактов», «Имиджевая»), вероятно, способствуют разработке теоретических социологических оснований исследования феномена институционализации социальных медиа.

Ключевые слова: социальные медиа, коммуникация, социальные сети, социальный капитал, молодежь, социальная практика, *social media marketing*, *generation social media*

Для цитирования: Сергеева З.Н. Социальные медиа как новая институциональная структура осуществления коммуникаций молодежи // *Society and Security Insights*. 2023. Т. 6, № 1. С. 56–65. doi: 10.14258/ssi(2023)1-03.

Social Media as a New Institutional Structure for Communication of Youth

Zoya N. Sergeeva

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia,
z.sergeeva@corp.nstu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4296-2008>

Abstract. The role of social media in modern communications is difficult to underestimate: from interpersonal correspondence, user-generated content quickly spilled over into a socio-cultural phenomenon. On the one hand, we can talk about expanding the possibilities of using the global network, and on the other hand, and this is fundamental, social media have become an independent means of mass communication, with much more multifunctional tools for “getting” into the core of the target audience.

The purpose of the article is to reveal the phenomenon of computer-mediated communication of young people through the use of social media and identify their functions. Based on

the results of the questionnaire survey “Internet communication as a factor in the formation of the information culture of a new generation of young people”, a hypothesis was put forward that social media claim the position of a universal ecosystem. The institutionalization of social networks provides for the structuring of social practices, while the criterion for institutionalization is their structural variability (a global service system in which it is possible to satisfy scientific, educational, sociocultural, consumer and other needs).

The closed ecosystem of social media, developing a targeted approach to the demonstration of user content, largely controls the mind, shaping both creative and conformist behavior, giving birth to a new generation of people — generation social young. Modern youth, based on survey data, has prioritized all mediated communication in social networks, linking the online space with everyday life. The new — “digital” generation has moved the usual social practices to social networks, institutionalizing them. In addition to informal communication, social networks have become one of the main channels of interaction between a teacher and a student, despite the fact that correspondence through personal pages is not welcomed by the administration of educational institutions for several reasons. Formally, such communication remains outside the system of corporate communications and can be easily removed or become destructive. On the other hand, chatting creates a feeling of friendly communication, which often contributes to the development of trusting relationships and has a positive effect on the learning process. The article attempts to scientifically comprehend social media from the point of view of the usual practices of youth communication in social networks and their new institutional structure. The identified and described functions of social media (“Communication”, “Consolidation”, “Replication of content”, “State”, “Finding”, “Establishing contacts”, “Image”) probably contribute to the development of theoretical sociological foundations for studying the phenomenon of institutionalization of social media.

Keywords: social media, communication, social networks, social capital, youth, social practice, social media marketing, generation social media

For citation: Sergeeva, Z.N. (2023). Social Media as a New Institutional Structure for Communication of Youth. *Society and Security Insights*, 6(1), 56–65. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2023)1-03.

Введение

Перманентно изменяющаяся среда под влиянием технологизации общества, цифровизации пространства постоянно расширяет границы социальных медиа. За короткий срок они встроились в теории коммуникации и станут важнейшим элементом традиционного комплекса интегрированных маркетинговых коммуникаций (ИМК): реклама, PR, личные коммуникации, маркетинг (Таненбаум, 2003: 103). Однако современные студенты — представители «поколения Z» с маркетинговой точки зрения являются «сложной» аудиторией. При высокой степени информационной культуры они имеют разрозненные интересы среди одной возрастной группы и способность к поиску, сравнению, анализу предложений.

Существует два подхода к феномену «социальные медиа». В рамках первого подхода социальные медиа — это технологии управления коммуникациями на всех уровнях: интраперсональной, межличностной, групповой и массовой; в другом понимании — разновидность сайтов глобальной сети. Пользователи

сети стали создателями содержательного базиса в виде социокультурного, востребованного контента, и, как результат глобальных коммуникаций, естественным образом возникли социальные медиа. Пользовательский контент, как говорят американцы, UGC (user generated content) — это всегда свободная диалоговая модель в противовес односторонней монологической модели традиционных СМИ. И это главное отличительное свойство нового типа медиа.

Предложенные в 1984 Дж. Грунигом и Т. Хантом (Grunig, Hunt, 1984) четыре модели коммуникации, классифицированные по степени обратной связи, с появлением социальных медиа можно было бы дополнить пятой. Так, двусторонняя симметричная модель, где симметрия достигается сбалансированностью связи получателя и отправителя, по сути ограничивалась пониманием последним эффективности восприятия аудитории и возможности коррекции сообщений. Новый тип отношений априори предполагает возможность аудитории не только высказывать мнение, но и не соглашаться с позицией субъекта, самому занимать место этого субъекта, формируя качественно новый контент. Такую модель можно было бы назвать «двусторонняя субъектно-симметричная», акцентируя внимание на том, что любой объект воздействия гипотетически способен стать субъектом и, используя ресурсы социальных медиа, оказывать влияние, привлекая дополнительную аудиторию и традиционные СМИ.

Интерактивный характер коммуникации — диалоговая стратегия, формирование пользовательских сообществ по разным интересам, возможность создавать, редактировать, обсуждать, распространять и популяризировать сообщение. В этом смысле можно привести определение Д. Торнли: «Социальные медиа — это онлайн-коммуникация, в которой индивидуум плавно и гибко меняет свою роль, выступая то в качестве аудитории, то в качестве автора» (Сун, 2017: 113). Роль социальных медиа в современных коммуникациях изучается в социологии, психологии, философии, педагогике. Если же трактовать социальные медиа как множество сайтов, то социальные медиа можно дифференцировать на: интернет-форумы, блоги, подкасты, вики-медиа, электронную почту, социальные сети, социальные агрегаторы, онлайн-игры.

Социальные медиа сегодня не присутствуют в жизни молодежи, а воспитывают ее с младенчества. Ребенок начинает пользоваться компьютером, смартфоном, другими гаджетами с возможностью выхода в интернет раньше, чем научается коммуницировать со сверстниками. В статье представлен новый подход в научном осмыслении функций социальных медиа, через выявление роли влияния цифровых технологий на процесс формирования личности представителя поколения «Z».

Особенности методики исследования

Социальные сети в структуре всех социальных медиа занимают главенствующую позицию ввиду охвата аудитории и распространенности, по этой причине понятия «социальные сети» и «социальные медиа» считают синонимичными, но это не так. Все типы социальных медиа объединяет принцип открытой комму-

никации, хотя во многих случаях она является мнимой и даже опасной: распространение ложной информации, кибербуллинг, склонение к суициду и насилию. С одной стороны, Интернет, и в частности социальные сети, ведут к упрощению коммуникации в случае, когда субъекты находятся на значительном расстоянии друг от друга, но с другой стороны — ведет к усложнению коммуникации в реальном мире. Проблема формируется на стыке противоречий: социальные медиа и социальные сети позволяют формировать высокую информационную культуру и социальную активность, но одновременно воспитывают конформистское поведение, инфантилизм и отсутствие нацеленности на долгосрочное планирование профессиональных и личных траекторий жизни. Общение в Сети, преобладающее перед личной коммуникацией, приводит к аутизации «поколения будущего»¹.

Эмпирическим объектом исследования выступает молодежь в возрасте 17–19 лет (11 класс школы — первый курс университета) г. Новосибирска. Согласно теории Хоува и Штрауса (Strauss, Howe, 1997) это люди, родившиеся в 2000–2020 гг., так называемое «поколение Z». Психологические и поведенческие характеристики этих людей формировались в условиях экономического кризиса, террористических угроз, пандемий и других рисков. Идеальное место для того, чтобы ощущать себя безопасно и свободно, для них — виртуальное пространство. При выходе же «из онлайн» «поколение Z» защитят родители, они «старательно сметают любое препятствие, которое лежит на пути. Это решает многие проблемы и сложности в жизни, но порождает инфантильность» (Goh, Lee, 2018: 20–28).

Исследование особенностей интернет-коммуникации молодежи в возрасте 17–19 лет г. Новосибирска в сети Интернет было проведено с 15 октября по 25 декабря 2022 г. Гипотеза исследования строилась на предположении о том, что современная молодежь обладает высоким уровнем информационной культуры за счет технических навыков работы с информацией и навыков осуществления коммуникации в сети Интернет, но не в полной мере осознает деструктивное влияние на личность и возможные угрозы в Сети.

Цель опроса лежит в плоскости выявления особенностей влияния интернет-коммуникаций на формирование информационной культуры нового поколения молодежи.

Выбор респондентов обусловлен возможностью изучить особенности информационной культуры людей, находящихся в процессе перехода на новый жизненный этап (окончание школы — начало обучения в высшем учебном заведении). Генеральная совокупность — 83 482 человека. При расчете выборочной совокупности был использован метод В. И. Паниотто (Паниотто, 1982). В исследовании приняли студенты НГТУ, НГУ, СИУ РАНХиГС, НГУАДИ, НГПУ, СГУПС, а также ученики школ: гимназия №16 «Французская», гимназия №15 «Содружество», гимназия №10, МБОУ СОШ 160, МБОУ СОШ 210, инженерный лицей НГТУ.

Для проведения исследования был выбран метод онлайн-анкетирования, вопросы анкеты составлены в соответствии с таблицей операционализации, по-

¹ Сычева А. Поколение Z: те, кто будет после: интервью с Марком Сандомирским. URL: <https://www.e-xecutive.ru/career/hr-management/1450249-pokolenie-z-te-kto-budet-posle>

строенной на основе когнитивного, эмоционально-ценностного и поведенческого уровней информационной культуры (Гендина, 2005).

Результаты исследования

Феномен компьютерно-опосредованной коммуникации, или, проще говоря, интернет-общение, рассматривают как электронный дискурс, специфику которого зачастую может понять только особое сообщество, обладающее общими ценностями, поведенческими и социально-демографическими характеристиками. «Поколение Z» широко известно как «Digital Natives», или «цифровое поколение», для которого наравне с родителями воспитание осуществляют цифровые технологии — хабиитуализируя их использование, по сути, проникновением в них самих. Такая хабиитуализация изменяет поведенческие характеристики современных студентов, тотально погружая в информационные технологии с самого рождения: от планшета с мультфильмами, полученного в 1,5–2 года, до использования к 17 годам до семи гаджетов в повседневной жизни. При некоторой степени закрытости поколения ряд коммуникаций, протекающих в социальных медиа, демонстрируют видимость транзитивности. Эти особенности возрастной группы определили выбор эмпирического объекта для исследования: респондентами выступили молодые люди в возрасте 17–19 лет, проживающие в Новосибирске (выборочная совокупность 400 человек). По результатам проведенного исследования на тему «Интернет-коммуникация как фактор формирования информационной культуры нового поколения молодежи» 51,7% респондентов в возрасте 17–19 лет регистрируются в Сети под собственным именем, 38,8% имеют реальный и фейковый аккаунты, 7,8% используют псевдоним. Верификация является условием использования социальных медиа, ресурсы запрашивают максимальное количество информации о социально-демографических характеристиках, географических, психографических, поведенческих. Зарегистрированные реальные или «фейковые» пользователи получают рекомендации по установке социальных связей с другими пользователями, и включается коммуникационный блок — развитие сети чатов, диалогов, бесед, «комнат», встреч и т. д. В данном случае можно говорить о нескольких видах коммуникации в социальных сетях: «сценическая» — публичная и «домашняя» — частная.

Однако именно частное общение в чате мессенджеров социальных сетей часто рождает коалиции, которые далее превращаются в закрытые чаты, далее в закрытые группы, нередко в публичные, и, получая общественное одобрение, выходят в пространство офлайн. Результаты опроса подтверждают факт выбора социальной сети для коммуникации со сверстниками как приоритетного канала общения — через социальные сети общаются 94% респондентов, 86,2% используют мессенджеры. В интернет-сообществах со сверстниками общаются 6,9% молодежи, 2,2% используют электронную почту. Не используют интернет для коммуникации со сверстниками 0,9% опрошенных.

Поиск социального капитала на основе опубликованного поста, твита позволяет найти единомышленников, тех, кто разделяет позицию автора. Хотя ча-

сто цель провокативной публичной записи направлена не на поиск соратников, а на возможность вызова оппозиции или ее втягивание в диалог, спор — своего рода это манипуляция. Однако «Общение» — это сегодня основная функция социальных сетей, тип этой коммуникации от делового (правительственные, административные органы часто используют этот инструмент для оперативной работы с подведомственными учреждениями, сетью сотрудников по стране и миру) до лично-интимных переписок. Именно эта особенность дифференцирует контент, получаемый студентами в разрезе деловых коммуникаций, реализуемый через многочисленные каналы коммуникации вуза: системы личных кабинетов, корпоративной почты, официального сайта, корпоративных печатных СМИ и др., — от контента социальных сетей. Социальные сети не носят приказного характера транслируемой коммуникации, этот контент рекомендует «по-дружески» обращать внимание, «по-товарищески» предостерегает, периодически смешит и «постит» хорошую музыку.

Функция «Консолидации» позволяет создавать чаты и сообщества, группы и «комнаты». Целей создания социальных групп для взаимодействия множество: личные знакомства, профессиональные интересы, общее хобби, деловые контакты, общие интересы, проблемы и др. Самым популярным среди молодежи способом распространения информации являются социальные сети и мессенджеры (96,3% респондентов). Учащиеся старших классов и студенты даже для коммуникации с преподавателем используют социальные сети — 60,3% опрошенных, 87,5% молодежи используют электронную почту, 54,7% — мессенджеры. Только 2,1% при наличии выбора осуществления коммуникации через перечисленные выше каналы интернет-коммуникации выбрали бы электронные средства дистанционного обучения, предоставленные учебным заведением, 3,9% предпочли бы личную коммуникацию.

Другая ключевая функция социальных медиа, и в частности социальных сетей, — это «Тиражирование контента». Преимущественно целью любого публичного сообщения является его распространение; частный пользователь, имеющий узкий круг подписчиков, внимательно следит за тем, кто именно прочитал его сообщение. Инфлюенсер — лидер общественного мнения следит уже не за реакцией частных лиц, а за количественными показателями: охватом аудитории, индикатором «Engagement Rate (ER)», который показывает коэффициент вовлеченности — среднее количество реакций на контент, совершенных одним среднестатистическим подписчиком, и др.

Функция «Состояния» позволяет показать аудитории текущее настроение человека: для этого существует несколько опций-возможностей, которые заставляют аудиторию обновлять страницы мессенджеров и социальных сетей еже часно, фактически превращая нахождение в них в параллельную реальность. Эти опции фиксируют статус пользователя на короткое время (чаще всего на сутки). Более 500 млн аккаунтов используют истории в запрещенной на территории РФ социальной сети компании Meta каждый день,¹ в среднем «герои» виртуального

¹ Facebook — запрещенная на территории РФ социальная сеть компании Meta. URL: https://web.facebook.com/business/marketing/instagram?_rdc=1&_rdr/

мира генерируют от трех до семи историй в день. А среднее время, проведенное пользователем в соцсети с мобильного возрастной категории 12–24 лет, — это время составило 57,1 минуты¹.

Другая функция позволяет осуществлять, с одной стороны, быстрый поиск нужных людей и товаров, с другой стороны, четко определяет географическое положение человека/организации — ее можно назвать функцией «Нахождения». Пользователи социальных медиа, используя встроенные сервисы по определению местонахождения — геолокацию, точно указывают местонахождение.

Функция «Установление контактов» позволяет по заданным пользователем характеристикам осуществлять поиск сотрудников, услуг в информационных агрегаторах или выстраивать личные/деловые/досуговые контакты в социальных сетях, блогах, почте и даже виртуальных играх. Поиск людей является важнейшим блоком, репрезентирующим необходимость выстраивания социальных связей средствами интернет-коммуникаций.

Следующая функция социальных медиа — «Имиджевая». Востребованность специалистов social media marketing подтверждается тем, что с 2019 г. в Министерстве юстиции Российской Федерации появился профессиональный стандарт — «Специалист по интернет-маркетингу»². Профессионалы этой сферы на основе рекламных сообщений различных форм (таргетированная, контекстная, баннерная, тизерная и др.) осуществляют продвижение бизнес-аккаунтов и публичных людей, формируя положительные имидж, репутацию, бренд, и наращивают публичный капитал.

Таким образом, можно выделить следующие функции социальных медиа: «Общение», «Консолидация», «Тиражирование контента», «Состояние», «Нахождение», «Установление контактов», «Имиджевая».

Социальные сети претендуют на позицию универсальной экосистемы, развивая систему глобального сервиса, в которой возможно удовлетворить научно-образовательные, социокультурные, потребительские и иные потребности. Замкнутая экосистема социальных медиа, развивая таргетированный, рекомендательный подход в демонстрации пользовательского контента, в значительной степени управляет сознанием и формирует конформистское поведение.

Заключение

Институционализация социальных сетей предусматривает социальные практики, связанные с повседневностью, поскольку в ней они и осуществляются: именно здесь они приобретают регулярность и ритмичность. Современная молодежь, на основе данных опроса, приоритизировала всю опосредованную коммуникацию в социальных сетях. Помимо неформального общения социальные сети стали одним из основных каналов взаимодействия преподавателя и учащегося,

¹ «ВКонтакте» подвела итоги первого квартала 2022 года. URL: <https://vk.com/press/q1-2022-results>

² КлассИнформ: справочник кодов российских классификаторов. URL: <https://classinform.ru/profstandarty/06.043-spetcialist-po-internet-marketingu.html>

несмотря на то что переписки через личные страницы не приветствуются администрацией образовательных учреждений ввиду нескольких причин. Формально такое общение остается вне системы корпоративных коммуникаций и может легко удаляться или становиться деструктивным. С другой стороны, общение в чате создает ощущение дружеской коммуникации, которая часто способствует развитию доверительных отношений и положительно влияет на процесс обучения.

Появление социальных медиа оказало революционное воздействие на процессы коммуникации — по масштабам влияния этот феномен вполне сопоставим с появлением телеграфа или интернета на предыдущих исторических этапах, породив новое поколение людей — generation social media.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Бесбогова М. С. Социальные сети как фактор формирования социальных установок современной молодежью. СПб. : Литера, 2016. 216 с.

Гендина Н. И. Концепция формирования информационной культуры личности: опыт разработки и реализации. М. : Библиосфера, 2005. 450 с.

Паниотто В. И. Количественные методы в социологических исследованиях. Киев: Наукова Думка, 1982. С. 168.

Сун Л. К. Разработка комплекса продвижения в социальных сетях методами маркетинга реального времени (real-timemarketing) для организаций малого бизнеса. СПб., 2017. 113 с.

Таненбаум Э., Уэзеролл Д. Компьютерные сети. 5-е изд. СПб. : Питер. 2012. 960 с.

Goh E., Lee C. A workforce to be reckoned with: The emerging pivotal Generation Z hospitality workforce // International Journal of Hospitality Management. 2018. Vol. 73. P. 20–28. <https://doi.org/10.1016/j.ijhm.2018.01.016>

Grunig J. E., Hunt T. Managing public relations. N. Y. : Holt, Rinehart & Winston, 1984. 550 p.

Kaplan A. M., Haenlein M. Users of the world, unite! The challenges and opportunities of Social Media // Business Horizons. 2010. No. 53 (1). P. 59–68. <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2009.09.003>

Strauss W., Howe N. The Fourth Turning: An American Prophecy — What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny. N. Y. : Broadway Books, 1997. 400 p.

Thornley J. What is «social media»? URL: <http://propr.ca/2008/what-is-social-media> (дата обращения: 1.12.2022)

REFERENCES

Besbogova, M. C. (2016). *Social networks as a factor in the formation of social attitudes of modern youth*. St. Petersburg : Litera. (In Russ.).

Gendina, N. I. (2005). *The concept of personal information culture: the experience of development and implementation*. Moscow: Bibliosfera. (In Russ.).

Paniotto, V. I. (1982). *Quantitative methods in sociological research*. Kiev: Naukova Dumka. (In Russ.).

Sun, L. K. (2017). *Development of a complex of promotion in social networks by real-time marketing methods (real-timemarketing) for small business organizations*. St. Petersburg. (In Russ.).

Tanenbaum, E., Uezeroll, D. (2012). *Computer networks*. 5th ed. St. Petersburg: Piter. (In Russ.).

Goh, E., & Lee, C. (2018). A workforce to be reckoned with: The emerging pivotal Generation Z hospitality workforce. *International Journal of Hospitality Management*, 73, 20–28. <https://doi.org/10.1016/j.ijhm.2018.01.016>

Grunig, J. E., & Hunt, T. (1984). *Managing public relations*. N.Y. : Holt, Rinehart & Winston.

Kaplan, A. M., & Haenlein, M. (2010). Users of the world, unite! The challenges and opportunities of Social Media. *Business Horizons*, 53(1), 59–68. <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2009.09.003>

Strauss W., & Howe, N. (1997). *The Fourth Turning: An American Prophecy — What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny*. N.Y. : Broadway Books.

Thornley, J. (n. d.). What is «social media»? <http://propr.ca/2008/what-is-social-media>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Зоя Николаевна Сергеева — канд. социол. наук, начальник Управления информационной политики, доцент кафедры социологии и массовых коммуникаций Новосибирского государственного технического университета, г. Новосибирск, Россия.

Zoya N. Sergeeva — Cand. Sci. (Sociology), Head of the Department of Information Policy, Associate Professor at the Department of Sociology and Mass Communication, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia.

Статья поступила в редакцию 10.02.2023;
одобрена после рецензирования 27.02.2023;
принята к публикации 27.02.2023.

The article was submitted 10.02.2023;
approved after reviewing 27.02.2023;
accepted for publication 27.02.2023.

Научная статья / Research Article

УДК 332.13

DOI: 10.14258/SSI(2023)1-04

Основные тенденции развития научно-технического и инновационного потенциала России: территориальные различия

Наталья Михайловна Полянская

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия,
natali_mz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6387-6494>

Аннотация. Вопросы научно-технического развития и технологического обеспечения воспроизводственного процесса сегодня для нашей страны как никогда актуальны и относятся к числу важнейших социально-экономических и политических проблем. Наука и технологии формируют важную основу деятельности любого общества и государства. Автор попытался по основным количественным и качественным характеристикам выявить различия в уровне развития научно-технического и инновационного потенциала территорий России. Обозначена вероятностная взаимосвязь между уровнем научного обеспечения территорий и такими явлениями, как достигнутая общественная производительность труда, уровень жизни населения, уровень инновационного развития. Федеральные округа заметно дифференцированы по уровню обеспечения институциональной базой научно-технического развития. Анализ параметров вложений в научно-техническое развитие показал наличие явных территориальных различий по инвестициям в основной капитал, отраслевой структуре инвестиций, внутренним затратам на научные исследования и разработки, а также по уровню инновационного развития. Статья носит аналитический характер, может быть интересна как исследователям-теоретикам по данной теме, так и практикам — субъектам научно-технической политики.

Ключевые слова: наука, технологии, потенциал, дифференциация, федеральные округа, разработки, научно-техническое развитие, отрасли, факторы, инновации, инновационное развитие, национальная безопасность

Для цитирования: Полянская Н.М. Основные тенденции развития научно-технического и инновационного потенциала России: территориальные различия // Society and Security Insights. 2023. Т. 6, № 1. С. 66–85. doi: 10.14258/ssi(2023)1-04.

The Main Trends in the Development of Scientific, Technical and Innovative Potential of Russia: Territorial Differences

Natalya M. Polyanskaya

Banzarov Buryat state University, Ulan-Ude, Russia,
natali_mz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6387-6494>

Abstract: The issues of scientific and technological development and technological support of the reproductive process are more relevant for our country today than ever and are among the most important socio-economic and political problems. Science and technology form the basis of the activities of any society and state. The author tried to identify differences in the level of development of scientific, technical and innovative potential of the territories of Russia by the main quantitative and qualitative characteristics. The probabilistic relationship between the level of scientific provision of territories and such phenomena as the achieved social labor productivity, the standard of living of the population, the level of innovative development is indicated. Federal districts are significantly differentiated by the level of providing the institutional base for scientific and technological development. The analysis of the parameters of investments in scientific and technical development showed the presence of obvious territorial differences in investments in fixed assets, the sectoral structure of investments, internal costs for research and development, as well as the level of innovative development. The article is analytical in nature and may be of interest to both theoretical researchers and practitioners-subjects of scientific and technical policy.

Keywords: science, technology, potential, differentiation, federal districts, developments, scientific and technical development, industries, factors, innovations, innovative development, national security

For citation: Polyanskaya, N.M. (2023). The Main Trends in the Development of Scientific, Technical and Innovative Potential of Russia: Territorial Differences. *Society and Security Insights*, 6(1), 66–85. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2023)1-04.

Введение

В современных условиях положение той или иной страны на мировых рынках товаров и услуг во многом определяется уровнем наукоемкости социально-экономических процессов, качественными и количественными параметрами научно-технического и технологического обеспечения. Наука, техника, технологии и новаторские подходы тесно взаимосвязаны. «Научная (научно-исследовательская) деятельность — деятельность, направленная на получение и применение новых знаний»¹. «Научно-техническая деятельность — деятельность, направленная на получение, применение новых знаний для решения технологических, инженерных, экономических, социальных, гуманитарных и иных проблем, обеспе-

¹ О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (в действующей редакции), ст. 2.

чения функционирования науки, техники и производства как единой системы»¹. Именно научное обоснование позволяет рациональнее использовать ограниченные ресурсы для более эффективного решения важнейших социально-экономических и политических задач.

На сегодняшний день, по мнению академика А. Г. Аганбегяна, актуальнейшими стратегическими вызовами для России являются сохранность народонаселения и переход «от стагнации и кризиса к устойчивому социально-экономическому росту как средству для сбережения народа и подъема его благосостояния» (2022: 14). Для этого «требуется технологическое перевооружение народного хозяйства страны при повышении экономической эффективности в два-три раза, что возможно за счет форсированного роста инвестиций в основной и человеческий капитал при проведении структурных реформ для создания благоприятных условий устойчивого развития по инновационному пути» (Аганбегян, 2022: 14).

Безусловно, в социально-экономическом развитии государства ведущее место занимает научно-техническая и инновационная политика (Фонотов, 2022). При этом в деле обеспечения конкурентоспособности и безопасности национальной экономики приоритетным направлением является инновационное развитие территорий. Основу инновационного развития в любой сфере составляют научно-технические и технологические разработки. Технологические инновации, внедряемые в отдельные отрасли народного хозяйства, способствуют росту производительности общественного труда, уровня жизни людей и, следовательно, повышению уровня конкурентоспособности отдельных территорий и всей страны. Технологии, разработанные в регионах, могут направляться для внутреннего использования, а также для продажи на международном рынке. В то же время при невозможности (по различным причинам) разработки необходимых технологий собственными силами территории вынуждены приобретать их за рубежом. Поэтому неперенным условием обеспечения прогрессивного социально-экономического роста всей страны является целенаправленное научно-техническое развитие каждой из ее территорий.

Информационное пространство содержит немало научных публикаций, посвященных исследованию вопросов научно-технического, технологического и инновационного развития территорий. Исследователи рассматривают различные аспекты обозначенных проблем, отмечая при этом ведущую политическую роль государства (Дробот и др., 2021; Иовлев, Голдина, 2021; Кадырова, 2021; Нечаев, Санду, 2022; Тронин, 2021) в формировании институциональной основы научного обеспечения и управлении трендами научно-технического и инновационного развития территорий. Ряд авторов ставят акценты на важности научного обоснования подходов к решению проблем структурного дисбаланса отечественной экономики (Комков и др., 2021), на необходимости оценки структурных сдвигов в экономике и ее импортоемкости (Стрижкова и др., 2021), проблем прогнозирования структуры и эволюции инновационных систем (Матризаев, 2021)

¹ О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (в действующей редакции), ст. 2.

и ряда других, в том числе сугубо региональных проблем (Абрамян, 2021; Голова и Суховой, 2020).

В целом вопросы научно-технического и инновационного развития страны и ее территорий относятся к приоритетным задачам стратегического социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности, поэтому привлекают немалый исследовательский интерес.

Цель данного исследования — определить основные тенденции и различия в уровне развития научно-технического и инновационного потенциала федеральных округов России. Для достижения цели решены следующие задачи:

- выполнена дифференциация федеральных округов по уровню обеспечения институциональной базой научно-технического развития;
- по формальным признакам выявлена взаимосвязь между уровнем научного обеспечения территорий и такими явлениями, как достигнутая общественная производительность труда, уровень жизни населения, уровень инновационного развития;
- дана оценка основных параметров вложений в научно-техническое развитие.

В ходе исследования использованы общенаучные методы. Информационную базу составили научные публикации, нормативные документы и статистические данные.

Результаты исследования могут быть полезны как научным изыскателям по данной тематике, так и уполномоченным специалистам госорганов, ответственным за разработку научно-технологической политики территорий и всей страны.

Основные факторы и результаты научного обеспечения территорий

В развитии социально-экономических систем большое значение имеет научно-технический и инновационный потенциал — способность научной системы вырабатывать научные и прикладные знания и определять основные направления их применения в производственной и социальной практике для улучшения жизни людей. Научный потенциал накапливается исторически и складывается из множества компонентов.

Для стабильного развития любой отрасли и сферы деятельности нужно соответствующее научное обеспечение как по количественным, так и по качественным параметрам. Одним из компонентов научно-технического и инновационного потенциала территорий являются научные организации и научные кадры, обеспеченность которыми формирует его институциональную базу. Статистика свидетельствует, что в последние годы наблюдается рост числа организаций, занятых исследованиями и разработками.

В рассмотренном периоде лишь в регионах Северо-Западного федерального округа сократилось число научных организаций, занятых научными исследованиями и разработками. В остальных округах произошел их рост. При этом наибольшее увеличение сложилось в Северо-Кавказском, Дальневосточном и Южном федеральных округах, в которых, несмотря на это, абсолютное число научных организаций сравнительно ниже, чем в других округах. Обеспеченность

научно-исследовательскими структурами в расчете на 100 тыс. жителей в федеральных округах заметно различается: от 4,0 единицы в регионах Центрального федерального округа до 1,5 единицы — в Северо-Кавказском (табл. 1).

Таблица 1.

Table 1.

Число организаций, занятых научными исследованиями и разработками, единиц

Number of organizations engaged in scientific research and development, units

Федеральные округа	На начало года:						Δ 2021 г. к 2006 г., %
	2006	2011	2016	2021			
				всего, ед.	на 100 тыс. жителей	место в рейтинге	
Центральный (ЦФО)	1393	1358	1523	1579	4,0	1	+13,4
Северо-Западный (СЗФО)	536	502	493	514	3,7	7	-4,1
Южный (ЮФО)	239	231	337	329	2,0	6	+37,7
Северо-Кавказский (СКФО)	71	92	162	147	1,5	8	+107,0
Приволжский (ПФО)	540	534	715	690	2,4	4	+27,8
Уральский (УФО)	226	207	274	262	2,1	5	+15,9
Сибирский (СФО)	392	378	455	419	2,5	3	+6,9
Дальневосточный (ДФО)	169	190	216	235	2,9	2	+39,1
РФ, всего	3566	3492	4175	4175	2,9	-	+17,1

Источник: расчеты автора по данным Росстата¹

Значимым фактором развития науки, технологий и важным условием создания научных разработок является труд — организованная, целенаправленная деятельность людей, занятых в данной профессиональной сфере. Статистика свидетельствует, что, как в целом по России, так и во всех округах (кроме Северо-Кавказского) на фоне роста абсолютного числа научных организаций происходит сокращение численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками (табл. 2).

По обеспеченности научно-исследовательским персоналом в расчете на 100 тыс. жителей лидируют Центральный, Северо-Западный, Уральский округа. Наименьшая обеспеченность — в регионах Северо-Кавказского, Южного и Дальневосточного округов.

За последние 15 лет во всех федеральных округах, кроме Северо-Кавказского, снизилось число персонала, занятого научными исследованиями и разработками. В большей мере, причем заметно выше, чем в среднем по стране, численность научных кадров снизилась в регионах Приволжского округа.

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 1112 с.

Таблица 2.

Table 2.

Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, человек

Number of personnel engaged in scientific research and development, people

Федеральные округа	на начало года:						Δ 2021 г. к 2006 г., %
	2006	2011	2016	2021			
				Всего, чел.	на 100 тыс. жителей	место в рейтинге	
Центральный	408 330	381 795	380 140	345 756	881	1	-15,3
Северо-Западный	104 752	95 826	98 062	87 411	627	2	-16,6
Южный	28 875	28 109	30 130	26 716	162	7	-7,5
Северо-Кавказский	5655	6053	7521	6816	68	8	+20,5
Приволжский	140 592	116 285	107 679	101 929	351	4	-27,5
Уральский	49 670	42 672	46 496	44 486	361	3	-10,4
Сибирский	59 246	51 750	53 384	52 304	308	5	-11,7
Дальневосточный	16 087	14 050	15 445	13 915	171	6	-13,5
РФ, всего	813 207	736 540	738 857	679 333	465	-	-16,5

Источник: расчеты автора по данным Росстата¹

Научное обеспечение выступает важнейшим комплексным условием развития человеческого капитала. Между тем исследователи отмечают, что «человеческий капитал как базовый ресурс российского общества используется нерационально. Происходит снижение его эффективности, своеобразное истощение и деградация» (Черепанова и др., 2021: 36). Однако, по мнению ученых, «имеющийся в стране научно-исследовательский потенциал смог бы стать мощным фактором человеческого развития» (Черепанова и др., 2021: 36). В формировании научного потенциала России значительная часть «драйверов человеческого развития — промышленности, науки и образования — сосредоточена в крупных сибирских центрах: Новосибирске, Томске, Омске, Красноярске, Барнауле, Иркутске, Улан-Удэ и др. Третья из „евразийских интермедий“, позднесоветская, состоявшаяся благодаря „оттепели“ середины XX в., позволила сформировать здесь академическую и образовательную, инновационные по своей сути инфраструктуры. В настоящее время сибирский макрорегион обладает всеми функциями второго ядра внутренней геополитической системы России» (Ерохина, 2022: 17). Можно заключить, что европейская и азиатская части страны обеспечены своей научной инфраструктурой.

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 1112 с.

Формализация и сопоставление полученных данных позволили дифференцировать в территориальном разрезе взаимосвязь между уровнем обеспеченности научными кадрами и общественной производительностью труда (трудоотдачей) (табл. 3). Так, в федеральных округах, располагающих более высокой обеспеченностью персоналом, занятым научными исследованиями и разработками, сложилась и более высокая общественная производительность труда, выражающаяся в душевом производстве валовой добавленной стоимости. Соответственно более низкая общественная трудоотдача сложилась в федеральных округах, где наблюдается более низкая обеспеченность научными кадрами. Очевидна пропорциональная взаимная связь: уровень социально-экономического развития определяется мерой научного обеспечения и развития человеческого капитала, которые, в свою очередь, зависят от достигнутого уровня развития общества и экономики.

Данные позволяют сделать предположение об определенном стохастическом влиянии параметров научно-технического обеспечения на результаты общественного производства.

Таблица 3.

Table 3.

Валовой региональный продукт на душу населения, тыс. руб.

Gross regional product per capita, thousand rubles

Федеральные округа	На начало года:				Место в РФ в 2020 г.
	2006	2011	2016	2020	
Центральный	164,9	350,2	580,7	835,9	2
Северо-Западный	130,8	289,6	520,3	752,8	3
Южный	67,6	168,8	283,9	400,9	7
Северо-Кавказский	39,1	94,9	176,4	232,0	8
Приволжский	91,6	190,7	339,1	480,5	6
Уральский	254,1	423,5	737,3	1070,6	1
Сибирский	103,3	222,9	369,3	535,3	5
Дальневосточный	113,0	287,7	487,9	730,1	4
Валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения по субъектам РФ (валовая добавленная стоимость в текущих основных ценах) — всего	125,7	263,8	449,1	646,1	-

Источник: расчеты автора по данным Росстата¹

Отдельный интерес вызывает отраслевая структура валовой добавленной стоимости в территориальном разрезе, анализ которой позволяет полнее понять причины сложившейся дифференциации. В целом по стране в структуре валовой добавленной стоимости наибольшая доля приходится на обрабатывающие производства, торговлю, добычу полезных ископаемых, деятельность по операциям

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 1112 с.

с недвижимостью. Федеральные округа, лидирующие по обеспеченности научными кадрами и по общественной производительности труда, в структуре своей валовой добавленной стоимости имеют преобладающую долю именно указанных видов экономической деятельности (табл. 4).

Таблица 4.

Table 4.

Отраслевая структура валовой добавленной стоимости
(на начало 2020 г., процент к итогу)

Industry structure of gross value added (at the beginning of 2020, % of total)

Виды экономической деятельности	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО	РФ
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	3,0	2,8	9,3	14,1	5,7	1,6	4,2	5,4	4,1
Добыча полезных ископаемых	0,8	7,3	5,9	0,6	15,7	44,1	17,7	28,7	13,5
Обрабатывающие производства	18,0	18,3	13,8	7,3	21,9	13,3	21,1	4,8	16,8
Обеспечение электроэнергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	2,8	2,9	2,8	2,7	2,9	2,5	3,5	3,0	2,9
Строительство	4,7	4,7	6,2	10,7	5,7	6,0	4,6	6,8	5,4
Торговля; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	22,0	11,8	13,6	15,8	10,9	6,0	9,3	9,2	14,2
Транспортировка и хранение	6,6	10,1	9,6	5,2	5,8	5,8	7,9	10,6	7,3
Деятельность в области информации и связи	4,7	3,5	2,2	2,0	2,3	1,2	1,9	1,4	3,0
Деятельность по операциям с недвижимостью	12,0	12,8	11,9	10,0	9,2	5,3	8,4	6,3	10,0
Деятельность профессиональная, научная и техническая	6,7	4,8	2,5	1,1	3,2	2,7	2,7	1,9	4,3
Госуправление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	5,8	5,9	6,7	11,0	4,7	3,1	5,6	8,3	5,6
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	3,5	5,1	5,2	7,2	4,0	2,7	4,4	4,7	4,0
Прочие	9,4	10,0	10,3	12,3	8,0	5,7	8,7	8,9	8,9

Источник: расчеты автора по данным Росстата¹

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 1112 с.

Обрабатывающие производства и добыча полезных ископаемых требуют значительных научно-технических и технологических разработок, в том числе инновационных, способствующих обеспечению конкурентоспособности работы отрасли. Впрочем, любые виды деятельности будут более эффективно работать и приносить большую отдачу, если их осуществлять с применением передовых технологий, экономящих природные, человеческие и иные ресурсы.

В социально ориентированном государстве актуальными являются вопросы повышения уровня жизни, и в первую очередь — денежных доходов населения (Полянская и др., 2022). Из федеральных округов России на начало 2021 г. в большей мере материально обеспеченными являются жители регионов Центрального, Северо-Западного, Уральского округов (т.е. лидеров по научному потенциалу и общественной производительности труда). В меньшей мере — регионов Южного, Северо-Кавказского, Приволжского федеральных округов — территорий, где научный потенциал и общественная производительность труда заметно ниже (рис. 1). Интересна взаимосвязь в Дальневосточном федеральном округе: при сравнительно невысокой обеспеченности научными кадрами сложилась средняя по стране общественная производительность труда и денежные доходы населения, превышающие общероссийские. Последнее, очевидно, связано с применяемыми в ряде регионов ДФО денежными доплатами ввиду суровости природно-климатических условий, сравнительно высокими заработными платами кадров алмазодобывающих и золотодобывающих предприятий и иными причинами.

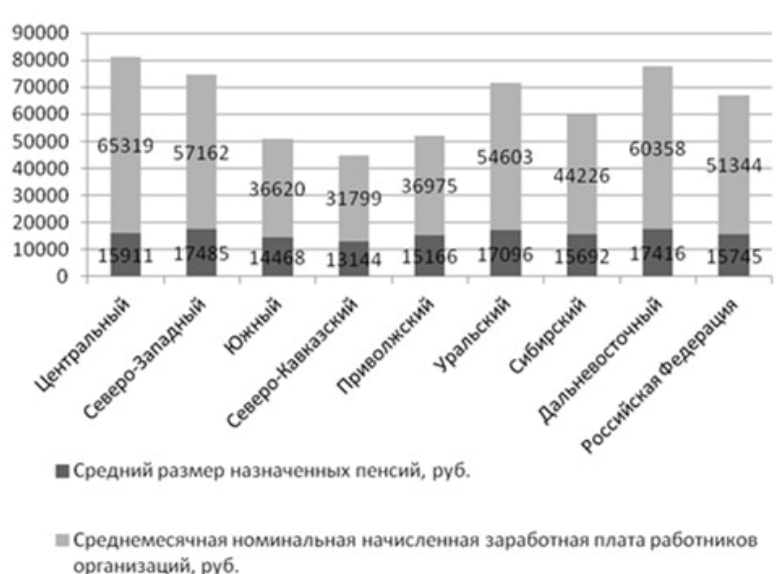

Рисунок 1 — Денежные доходы населения (на начало 2021 г.)

Figure 1 — Monetary income of the population (at the beginning of 2021)

Источник: составлено автором по данным Росстата¹

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 1112 с.

В структуре валовой добавленной стоимости в дальневосточных регионах 28,7% приходится на добычу полезных ископаемых, 10,6% — на транспортировку и хранение (в т.ч. ввиду значительной пространственной протяженности и более высокой потребности в транспортных услугах).

В регионах материально более «бедных» федеральных округов (Южный, Северо-Кавказский) в структуре валовой добавленной стоимости сложилась наивысшая доля сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства. Очевидно, это потому, что в указанные округа входят регионы, где преимущественно развиты аграрные отрасли, характеризующиеся сравнительно невысокой оборачиваемостью ресурсов и низкой рентабельностью из-за сравнительно большей ресурсоемкости, высоких производственно-коммерческих рисков и др. Именно в регионах двух указанных федеральных округов сложилась наименьшая обеспеченность научными организациями и научными кадрами. Таким образом, складывается прямая пропорциональная связь между общественной производительностью труда, уровнем жизни и институциональной базой научно-технического развития территорий, составляющей основу их научного потенциала.

Поэтому территориям, имеющим сравнительно невысокий уровень социально-экономического развития, необходимо на государственном уровне активизировать политику целенаправленной поддержки и стимулирования научно-исследовательской деятельности, а также усилить меры по воспроизводству научных кадров и укреплению институциональной базы научно-технического и инновационного развития территории.

Вложения в научно-техническое развитие территорий

Научно-техническое развитие и технологическое обеспечение воспроизводственного процесса в любой отрасли требует соответствующих капитальных вложений (реальных инвестиций). При увеличении суммы инвестиций в основной капитал возросла и среднедушевая их величина. Наибольший рост достигнут в Северо-Кавказском, Центральном и Сибирском округах, наименьший — в Дальневосточном, Северо-Западном и Приволжском (ниже среднероссийского уровня). Лидерами по среднедушевым инвестициям являются Уральский, Дальневосточный и Центральный округа, отстающими — Северо-Кавказский, Южный и Приволжский (табл. 5).

Своего рода предпосылками развития отраслей, формирования валовой добавленной стоимости, движущими силами социально-экономического роста являются отраслевые пропорции распределения инвестиций в основные фонды. Сложившиеся пропорции свидетельствуют о наличии прямой связи с отраслевой структурой валовой добавленной стоимости.

Действительно, отраслевая структура инвестиций в основной капитал схожа с отраслевой структурой валовой добавленной стоимости. Так, в целом по России вклад отрасли «Добыча полезных ископаемых» в валовой продукт составляет 13,5% при доле инвестиций в 19,3% от общего объема капвложений в основные фонды (табл. 6).

Таблица 5

Table 5

Инвестиции в основной капитал (в фактически действовавших ценах)

Investments in fixed assets (in actual prices)

Федеральные округа	На начало года:								По среднему душевым инвестициям:	
	2006		2011		2016		2021			
	всего, млрд руб.	на 1 жителя, тыс. руб.	всего, млрд руб.	на 1 жителя, тыс. руб.	всего, млрд руб.	на 1 жителя, тыс. руб.	всего, млрд руб.	на 1 жителя, тыс. руб.	2021 г. к 2006 г., раз	Место в РФ в 2021 г.
Центральный	964	25	2100	55	3578	92	6277	160	6,4	3
Северо-Западный	483	35	1134	83	1437	104	2205	158	4,5	4
Южный	245	18	908	66	1296	79	1450	88	4,9	7
Северо-Кавказский	93	10	313	33	476	49	708	71	7,1	8
Приволжский	609	20	1437	48	2463	83	2764	94	4,7	6
Уральский	593	49	1491	123	2358	192	3147	255	5,2	1
Сибирский	319	18	902	51	1271	72	1914	112	6,2	5
Дальневосточный	303	43	866	125	1018	146	1551	190	4,4	2
РФ, всего	3609	25	9151	64	13 897	95	20 016	137	5,5	–

Источник: расчеты автора по данным Росстата¹

Удельный вес обрабатывающих производств в валовом продукте составляет 16,8% при доле инвестиций в 17,2%. Исключение составляет торговля: на фоне сравнительно высокого вклада в формирование валовой добавленной стоимости (14,2%) удельный вес инвестиций в основной капитал данной отрасли составляет всего 2,5%.

Анализ в территориальном разрезе показал, что в федеральных округах, лидирующих по уровню научного обеспечения и общественной производительности труда, сложились неоднозначные показатели.

Так, в Центральном и Северо-Западном федеральных округах преобладающую долю занимают инвестиции в основной капитал отраслей «Транспортировка и хранение», «Обрабатывающие производства», а в Северо-Западном также высок удельный вес инвестиций в добычу полезных ископаемых. Однако существенно более высокий уровень капитальных вложений в основные фонды добывающих отраслей имеют регионы Уральского федерального округа — их доля составляет 61,3% (при вкладе данной отрасли в ВРП в размере 44,1%). Лидируя

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 1112 с.

по общественной производительности труда, а также имея третье место по обеспеченности научными кадрами, Уральский федеральный округ преобладающую часть своих вложений направляет на развитие основного капитала добывающих отраслей, являющихся «кормильцами» этих регионов, где вместе с тем денежные доходы населения выше среднероссийских.

Таблица 6

Table 6

Отраслевая структура инвестиций в основной капитал (на начало 2021 г., млрд руб.)

Industry structure of investments in fixed assets (at the beginning of 2021, billion rubles)

Виды экономической деятельности	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО	РФ
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	196	54	48	30	95	22	49	61	555
в процентах к итогу	4,1	3,1	4,7	9,5	5,0	0,8	3,3	4,2	3,6
Добыча полезных ископаемых	44	203	67	5	256	1706	381	312	2974
в процентах к итогу	0,9	11,6	6,5	1,6	13,6	61,3	25,7	21,7	19,3
Обрабатывающие производства	568	355	150	20	595	292	356	310	2646
в процентах к итогу	11,9	20,4	14,6	6,3	31,5	10,5	24,1	21,5	17,2
Обеспечение электроэнергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	287	160	131	73	128	90	101	86	1056
в процентах к итогу	6,1	9,1	12,7	23,0	6,8	3,2	6,8	6,0	6,8
Строительство	286	29	28	19	35	45	12	42	496
в процентах к итогу	6,0	1,7	2,7	6,0	1,9	1,6	0,8	2,9	3,2
Торговля; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	192	60	33	5	41	25	24	11	391
в процентах к итогу	4,0	3,4	3,2	1,6	2,2	0,9	1,6	0,8	2,5
Транспортировка и хранение	869	360	230	31	254	248	221	368	2581
в процентах к итогу	18,2	20,7	22,3	9,8	13,4	8,9	14,9	25,5	16,7
Деятельность в области информации и связи	436	57	34	10	89	37	56	49	768

Виды экономической деятельности	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО	РФ
в процентах к итогу	9,2	3,3	3,3	3,2	4,7	1,3	3,8	3,4	5,0
Деятельность по операциям с недвижимостью	438	142	59	6	86	95	54	19	899
в процентах к итогу	9,2	8,2	5,7	1,9	4,6	3,4	3,7	1,3	5,8
Деятельность профессиональная, научная и техническая	413	67	13	3	48	62	45	35	686
в процентах к итогу	8,7	3,8	1,3	0,9	2,5	2,3	3,0	2,4	4,4
Госуправление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	104	57	47	29	29	23	23	43	355
в процентах к итогу	2,2	3,3	4,6	9,1	1,6	0,9	1,6	3,0	2,3
Деятельность в сфере здравоохранения, социальных услуг	158	57	53	25	76	37	49	37	492
в процентах к итогу	3,3	3,3	5,1	7,9	4,0	1,3	3,3	2,6	3,2
Прочие	771	141	137	61	156	100	109	68	1543
в процентах к итогу	16,2	8,1	13,3	19,2	8,2	3,6	7,4	4,7	10,0
Итого по видам экономической деятельности	4762	1742	1030	317	1888	2782	1480	1441	15 442

Источник: расчеты автора по данным Росстата¹

В Сибирском и Дальневосточном федеральных округах в структуре инвестиций в основной капитал преуспевают отрасли «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Транспортировка и хранение» при соответствующем их вкладе в формирование валового регионального продукта.

Таким образом, в федеральных округах России значительно дифференцирована взаимосвязь между уровнем обеспеченности научными кадрами, общественной производительностью труда, уровнем жизни и вложениями в технологическое развитие отраслей экономики.

Важным индикатором, характеризующим уровень развития науки, технологий и инноваций, являются расходы на научно-исследовательскую деятельность. Для оценки используется показатель внутренних затрат. Под внутренними затратами на научные исследования и разработки понимаются «затраты на выпол-

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 1112 с.

нение исследований и разработок собственными силами организаций, включая текущие и капитальные затраты, в течение отчетного года независимо от источника финансирования»¹.

Высокие суммы затрат на науку имеют регионы Центрального, Северо-Западного, Приволжского округов; по удельному весу в ВРП так же именно эти округа лидируют (табл. 7). Заметно меньшие характеристики имеют Южный, Северо-Кавказский и Дальневосточный федеральные округа — в каждом из них при невысокой абсолютной величине внутренних затрат на научные исследования и разработки их доля в ВРП очень низка и не превышает 0,5%. В дальневосточных регионах наряду с этим сложился наименьший рост суммы таких затрат.

Таблица 7

Table 7

Внутренние затраты на научные исследования и разработки, млрд руб.

Internal research and development costs, billion rubles

Федеральные округа	На начало года:						2021 г. к 2006 г., раз
	2006	2011	2016	2021			
				млрд руб.	процент к ВРП	место в рейтинге	
Центральный	120,2	288,9	482,7	621,9	1,9	1	5,2
Северо-Западный	30,9	70,7	128,2	155,7	1,5	2	5,0
Южный	6,8	13,0	26,6	29,8	0,5	6	4,4
Северо-Кавказский	0,9	2,6	4,3	5,8	0,3	7	6,4
Приволжский	38,2	74,9	138,0	180,9	1,3	3	4,7
Уральский	13,7	29,4	55,4	74,5	0,6	5	5,4
Сибирский	14,7	33,3	62,8	86,5	0,9	4	5,9
Дальневосточный	5,2	10,4	16,6	19,4	0,3	7	3,7
РФ, всего	230,6	523,2	914,6	1174,5	1,2	–	5,1

Источник: расчеты автора по данным Росстата²

Заметно высокий относительный показатель затрат на науку имеют те группы регионов, в которых достигнута более высокая обеспеченность научными кадрами, более высокая общественная производительность труда и вложены не самые малые объемы инвестиций в основной капитал.

Уровень инновационного развития территорий

В современных условиях значимым фактором прогрессивного социально-экономического развития являются инновации, рациональное использование

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. С. 960.

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 1112 с.

которых способно повысить эффективность многих хозяйственных процессов. Поддерживая мнение ряда ученых (Крюков, Тесля, 2022: 17), отметим, что действительный «научный прогресс зависит от постоянного потока исследований и экспериментов с новыми идеями». Новаторство, как правило, является результатом научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности. Степень инновационного развития — следствие усилий, вложений и особого внимания в адрес науки, техники и технологий. В свою очередь, в результате применения инноваций зачастую обеспечивается совершенствование и технологический прогресс, влияющие на производительность труда.

Для оценки параметров инновационного развития используются соответствующие показатели, в том числе «уровень инновационной активности организаций» и «удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ и услуг». Уровень инновационной активности организаций исчисляется путем отношения числа организаций, осуществлявших инновационную деятельность, к общему числу обследованных в отчетном году организаций¹.

В связи с существенной дифференциацией социально-экономического развития российских территорий заметно различается и уровень инновационного развития (рис. 2).

Наивысший уровень инновационного развития достигнут в регионах Приволжского, Центрального и Северо-Западного федеральных округов. Регионы Южного, Северо-Кавказского и Дальневосточного округов имеют более низкие показатели инновационной активности при сравнительно невысокой доле инновационных продуктов в общем объеме отгруженных товаров, работ и услуг. Указанные территории имеют сравнительно низкий уровень общественной производительности труда и обеспеченности научными кадрами.

Развитие инновационной деятельности предопределяется результатами в сфере науки, техники и технологий. Вместе с тем ведущие ученые отмечают некоторые институциональные обстоятельства, которые замедляют прогрессивное развитие науки и инновационных разработок: «...современная практика применения наукометрических индикаторов в конечном счете ослабляет интерес к новаторской деятельности» (Крюков, Тесля, 2022: 22). Здесь речь идет о том, что такое явление, как «импактомания», сдерживает реальное развитие науки. В погоне за ростом индекса цитирования зачастую истинные исследовательские результаты остаются не у дел либо вовсе отсутствуют. Поэтому институты науки и инноваций нуждаются в серьезной трансформации, что сейчас постепенно и происходит. На территориальные институты, являющиеся своеобразными пазлами в науке и инновациях национального масштаба, возлагаются немалые задачи. Соглашаясь с точкой зрения отдельных авторов (Абрамян, 2021), подчеркнем, что территориальным органам власти следует способствовать наращиванию исследовательской и инновационной активности на подведомственной территории, что соответственно позволит повысить научно-технический и инновационный

¹ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science>

потенциал и укрепить конкурентоспособность экономики. Пока же федеральные округа остаются заметно дифференцированными по уровню научно-технического и инновационного развития и нуждаются в рациональном, комплексном управлении, нацеленном на достижение сбалансированности регионального развития.

Рисунок 2 — Уровень инновационного развития в федеральных округах России (на начало 2021 г.)

Figure 2 — The level of innovative development in the federal districts of Russia (at the beginning of 2021)

Источник: составлено автором по данным Росстата¹

Выводы

В социально-экономическом развитии отдельных территорий и всей страны ведущее место занимают институты науки и техники, передовые технологические разработки, позволяющие значительно повысить общественную производительность труда, уровень жизни людей, а также степень региональной и национальной конкурентоспособности и безопасности.

Значительная территориальная дифференциация обеспеченности научными институтами и научными кадрами способствовала также различиям в достигнутом уровне общественной производительности труда, уровне жизни населения, уровне инновационного развития в федеральных округах.

Непосредственное влияние на уровень социально-экономического развития территорий оказывают параметры инвестиций в основной капитал, отраслевая

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 1112 с.

и региональная структура которых идентична отраслевой структуре валовой добавленной стоимости. В федеральных округах значительно дифференцирована взаимосвязь между уровнем обеспеченности научными кадрами, общественной производительностью труда и капитальными вложениями в технологическое развитие отраслей экономики.

Существенно более высокие относительные внутренние затраты на научные исследования и разработки имеются в федеральных округах, где сложилась более высокая обеспеченность научными кадрами, более высокая общественная производительность труда и имеются не самые малые объемы инвестиций в основной капитал. Очевидна и такая связь: высокие капвложения и внутренние затраты на науку обеспечивают сравнительно большую производительность труда и научно-технический потенциал.

Для наращивания научно-технического и инновационного потенциала отдельных территорий и всей страны, для обеспечения прогрессивного социально-экономического развития необходимо на государственном уровне рационально организовать и связать такие процессы, как инвестиции, инновации, НИОКР и практическое внедрение их результатов. Для этого важно обеспечить эффективное государственное регулирование, координацию, строгий объективный контроль, учет и анализ всех процессов для выработки рациональных мер в рамках научно-технической политики.

Разумеется, в рамках одной публикации очень трудно раскрыть все аспекты исследуемой темы, однако поставленные задачи выполнить посылно. Проблемы развития научно-технического и инновационного потенциала России и ее отдельных территорий требуют дальнейших системных изысканий и всестороннего обсуждения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Абрамян Г. А. Особенности инновационной политики органов исполнительной власти в интересах повышения конкурентоспособности регионов (на примере Ростовской области) // Вопросы инновационной экономики. 2021. Т. 11, № 1. С. 131–140. doi: 10.18334/vines.11.1.111745

Аганбегян А. Г. Два главных вызова, стоящих перед Россией: по сокращению катастрофически высокой смертности при восстановлении сохранности народа и переходу к устойчивому социально-экономическому росту // Экономическое возрождение России. 2022. № 1 (71). С. 14–30.

Голова И. М., Суховой А. Ф. Методологические проблемы формирования дифференцированной стратегии инновационного развития регионов РФ // Региональная экономика: теория и практика. 2020. Т. 18, № 11. С. 2022–2048.

Дробот Е. В., Макаров И. Н., Колесников В. В., Назаренко В. С., Некрасова Е. А., Широкова О. В. Государственно-частное партнерство и квазипартнерские формы в инновационном развитии национальной промышленности: институциональный анализ // Вопросы инновационной экономики. 2021. Т. 11, № 3. С. 1135–1150. doi: 10.18334/vines. 11.3.113479

Ерохина Е. А. «Поворот на восток» и тренды современного регионального развития: сибирский вектор // *Society and Security Insights*. 2022. Т. 5, № 3. С. 13–25.

Иовлев Г. А., Голдина И. И. Инновационное развитие экономики России как одно из направлений развития экономической науки // *Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН*. 2021. № 3 (101). С. 112–125.

Кадырова Р. А. Роль инноваций, науки и государства в развитии экономики // *Universum: экономика и юриспруденция*. 2021. № 1–2 (77). С. 8–10.

Комков Н. И., Усманова Т. Х., Сутягин В. В. Возможности технологической модернизации российской экономики // *Проблемы прогнозирования*. 2021. № 6 (189). С. 84–94.

Крюков В. А., Тесля П. Н. Что замедляет научный прогресс // *ЭКО*. 2022. № 1 (571). С. 8–34. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-1-8-34

Матризаев Б. Д. Исследование механизмов определения структуры и эволюции инновационных систем // *Проблемы прогнозирования*. 2021. № 5 (188). С. 139–148.

Нечаев В. И., Санду И. С. Совершенствование государственной научно-технической политики в России: сущность и специфика формирования // *Экономика сельского хозяйства России*. 2022. № 1. С. 45–53.

Полянская Н. М., Колесняк А. А., Коваленко Е. И. Научный потенциал как фактор инновационного социально-экономического развития регионов // *Вопросы инновационной экономики*. 2022. Т. 12, № 1. С. 519–534. DOI: 10.18334/vines.12.1.114260

Стрижкова Л. А., Тишина Л. И., Селиванова М. В. Структурные сдвиги в экономике России и ее импортоспособности в 2014–2019 годах: анализ макроэкономической статистики // *Вопросы статистики*. 2021. Т. 28, № 5. С. 5–27. DOI: 10.34023/2313-6383-2021-28-5-5-27

Тронин С. А. Международный опыт государственного участия в развитии науки и инновационной деятельности // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2021. Т. 11, № 6–1. С. 330–335.

Фонотов А. Г. Инновации как системные коммуникации // *ЭКО*. 2022. № 1 (571). С. 54–76. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-1-54-76.

Черепанова М. И., Сафронова Е. Ю., Максимов М. Б., Илюшников К. К. Социально-экономические условия функционирования человеческого капитала в регионах России // *Society and Security Insights*. 2021. Т. 4, № 4. С. 31–43.

REFERENCES

Abramyan, G. A. (2021). Features of the innovation policy of executive authorities in the interests of increasing the competitiveness of regions (on the example of the Rostov region). *Voprosy innovacionnoj ekonomiki*, Vol. 11(1), 131–140. doi: 10.18334/vines.11.1.111745 (In Russ.).

Aganbegyan, A. G. (2022). Two main challenges facing Russia: to reduce catastrophically high mortality while restoring the safety of the people and the transition to sustainable socio-economic growth. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*, 1(71), 14–30. (In Russ.).

- Golova, I. M., Sukhovey, A. F. (2020). Methodological problems of the formation of a differentiated strategy of innovative development of the regions of the Russian Federation. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*, 18(11), 2022-2048. (In Russ.).
- Drobot, E. V., Makarov, I. N., Kolesnikov, V. V., Nazarenko, V. S., Nekrasova, E. A., Shirokova, O. V. (2021). Public-private partnership and quasi-partner forms in the innovative development of national industry: institutional analysis. *Voprosy innovacionnoj ekonomiki*, 11(3), 1135-1150. doi: 10.18334/vinec.11.3.113479 (In Russ.).
- Erokhina, E. A. (2022). «Turn to the East» and trends of modern regional development: Siberian vector. *Society and Security Insights*, 5(3), 13-25. (In Russ.).
- Iovlev, G. A., Goldina, I. I. (2021). Innovative development of the Russian economy as one of the directions of economic science development. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN*, 3(101), 112-125. (In Russ.).
- Kadyrova, R. A. (2021). The role of innovation, science and the state in the development of the economy. *Universum: ekonomika i yurisprudenciya*, 1-2(77), 8-10. (In Russ.).
- Komkov, N. I., Usmanova, T. H., Sutyagin, V. V. (2021). Possibilities of technological modernization of the Russian economy. *Problemy prognozirovaniya*, 6(189), 84-94. (In Russ.).
- Kryukov, V. A., Teslya, P. N. (2022). What slows down scientific progress. *EKO*, 1(571), 8-34. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-1-8-34 (In Russ.).
- Matrizaev, B. D. (2021). Investigation of mechanisms for determining the structure and evolution of innovative systems. *Problemy prognozirovaniya*, 5(188), 139-148. (In Russ.).
- Nechaev, V. I., Sandu, I. S. (2022). Improvement of the state scientific and technical policy in Russia: the essence and specifics of formation. *Ekonomika sel'skogo hozyajstva Rossii*, 1, 45-53. (In Russ.).
- Polyanskaya, N. M., Kolesnyak, A. A., Kovalenko, E. I. (2022). Scientific potential as a factor of innovative socio-economic development of regions. *Voprosy innovacionnoj ekonomiki*, 12(1), 519-534. DOI: 10.18334/vinec.12.1.114260 (In Russ.).
- Strizhkova, L. A., Tishina, L. I., Selivanova, M. V. (2021). Structural shifts in the Russian economy and its import intensity in 2014-2019: analysis of macroeconomic statistics. *Voprosy statistiki*, 28(5), 5-27. DOI: 10.34023/2313-6383-2021-28-5-5-27 (In Russ.).
- Tronin, S. A. (2021). International experience of state participation in the development of science and innovation. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*, 11(6-1), 330-335. (In Russ.).
- Fonotov, A. G. (2022). Innovations as system communications. *EKO*, 1(571), 54-76. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-1-54-76. (In Russ.).
- Cherepanova, M. I., Safronova, E. Yu., Maksimov, M. B., Ilyushnikov, K. K. (2021). Socio-economic conditions of human capital functioning in the regions of Russia. *Society and Security Insights*, 4(4), 31-43. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Наталья Михайловна Полянская — канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры прикладной экономики Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия.

Natalya M. Polyanskaya — Cand. Sci. (Economics), Associate Professor of the Department of Applied Economics, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia.

Статья поступила в редакцию 05.01.2023;
одобрена после рецензирования 20.02.2023;
принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted 05.01.2023;
approved after reviewing 20.02.2023;
accepted for publication 15.03.2023.

СОЦИАЛЬНЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

SOCIAL, CULTURAL RESEARCHES AND SECURITY

Научная статья / Research Article

УДК 316.3

DOI: 10.14258/SSI(2023)1-05

Культура повседневности: тенденции изменений

Ольга Леонидовна Сытых

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
sytykh@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8654-3986>

Аннотация. Общество — наиболее динамичная структура бытия. Определение направленности его изменений — путь к успеху планирования и реализации любых социальных инициатив и проектов. Повседневность — это сфера, изменения в которой лежат в основе многих социальных перемен, определяющих динамику социального развития. Выявление тенденций изменения культуры повседневности открывает возможности для научного планирования развития социума, улучшения качества жизни и удовлетворения потребностей индивидов, и в этом главная актуальность исследования. Основная цель исследования заключалась в выявлении основных тенденций изменения культуры повседневности на современном этапе развития российского общества. Диалектический метод и системно-структурный подход позволили определить, как изменилось повседневное общение людей в связи с внедрением в жизнь информационных технологий и цифровизации, как «визуальный поворот» определяет интересы людей и их повседневные контакты, как вслед за социальным расслоением российского общества, связанного с переходом страны на капиталистический путь развития, повседневная жизнь людей стала отличаться многообразием. Сформировались социальные группы, различающиеся по образу и стилю повседневной жизни. Все обозначенные явления имеют перспективы дальнейшего разви-

тия и выступают как основные тенденции изменения культуры повседневности, и в их выявлении, анализе и определенной систематизации состоит научная новизна и ценность исследования. Практическая значимость данной статьи видится в использовании ее результатов как в контексте организации повседневных мероприятий, так и в планировании дальнейших преобразований российского общества с учетом изменений, происходящих в культуре повседневности: цифровизации, визуализации, формирования многообразных стилей поведения и образов жизни. Использование исторического подхода и опора на социологический материал ВЦИОМ дали возможность показать, что вновь появившиеся тенденции существуют наравне с культурными традициями россиян, с их интересом к чтению, посещению театров, выставок, музеев, которые также составляют важную часть их жизни. Таким образом, инновации в культуре повседневности сочетаются с традициями повседневного бытия — такой вывод вытекает из данного исследования.

Ключевые слова: общество, культура, повседневность, культура повседневности, тенденции изменений, визуализация, информационные технологии, потребление, стиль жизни

Для цитирования: Сытых О.Л. Культура повседневности: тенденции изменений // Society and Security Insights. 2023. Т. 6, № 1. С. 86–95. doi: 10.14258/ssi(2023)1-05

The Culture of Everyday Life: Trends of Change

Olga L. Sytykh

Altai State University, Barnaul, Russia,
sytykh@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8654-3986>

Abstract. Society is the most dynamic structure of being. Determining the direction of its changes is the way to success in planning and implementing any social initiatives and projects. Everyday life is an area where changes underlie many social changes that determine the dynamics of social development. Identifying trends in the culture of everyday life opens up opportunities for scientific planning of the development of society, improving the quality of life and meeting the needs of individuals, that underlines the main relevance of the study. The main purpose of the study is to identify trends in the changing culture of everyday life at the present stage of the development of Russian society. The dialectical method and the system-structural approach allowed us to determine how people's daily communication has changed due to the introduction of information technologies and digitalization into life, how the "visual turn" determines people's interests and their daily contacts, how following the social stratification of Russian society associated with the country's transition to the capitalist path of development, the daily life of people has become diverse. Social groups that differ in the way and style of everyday life have been formed. All of these phenomena have prospects for further development and act as major trends in changing the culture of everyday life, and the scientific novelty and value of the study consists in their identification, analysis and a systematization. The practical significance of this article is seen in the use of its results in the context of the organization of both everyday events and in the planning of further transformations of Russian society, taking into account the changes occurring in the

culture of everyday life: digitalization, visualization, the formation of diverse styles of behavior and lifestyles. The use of a historical approach and the reliance on sociological material from VT-SIOM made it possible to show that the newly emerged trends exist on a par with the cultural traditions of Russians, with their interest in reading, visiting theaters, exhibitions, museums, which also constitute an important part of their lives. Thus, innovations in the culture of everyday life are combined with traditions of everyday life—such a conclusion derives from this study.

Keywords: society, culture, everyday life, culture of everyday life, trends of change, visualization, information technology, consumption, lifestyle

For citation: Sytykh, O.L. (2023). The Culture of Everyday Life: Trends of Change. *Society and Security Insights*, 6(1), 86–95. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2023)1-05.

Введение

Долгое время повседневная жизнь человека была довольно стабильной, в ней редко происходили изменения. Каждое новое поколение опиралось на опыт предков и брало на вооружение давно существующие повседневные практики. Но в быстро изменяющемся мире, который образно назван З. Бауманом «текучей современностью» (Бауман, 2008), динамичной стала и повседневность человека. Именно поэтому она привлекает все большее внимание ученых-гуманитариев, которые дополняют уже существующие представления. Повседневность исследуется как зарубежными, так и отечественными учеными. На Западе о ней писали П. Бергер, Ф. Бродель, М. Вебер, Э. Гуссерль, А. Шюц, Т. Лукман и др. В нашей стране ей посвящали свои труды М. М. Бахтин, А. Я. Гуревич, Г. С. Кнабе, Ю. М. Лотман, Б. А. Романов и др.

Под повседневностью понимается в русском языке будничность, обычность, обыденность, каждодневность, в противоположность праздничности, торжественности и необычности.

Повседневность предстает как «естественное» условие человеческой жизнедеятельности.

Культура повседневности включают в себя мир повседневной жизни человека, повседневные практики людей, обычаи и нормы, обряды, ритуалы, нравы, традиции, верования, уклад жизни, стиль и образ жизни отдельных социальных групп и народа в целом на определенном этапе исторического развития.

Повседневная культура любого народа имеет определенные традиции и всегда характеризуется появлением чего-то нового, близкого или далекого от общемировых изменений.

Цель данной статьи — выявить основные тенденции изменения культуры повседневности. Это может стать основой для составления и корректировки планов развития российского общества, в различных сферах социальной жизни, так как именно повседневные практики, используемые обществом, показывают, что для него приемлемо, а что может вызвать возражение и поэтому трудно осуществимо.

Об общемировых тенденциях изменения культуры повседневности

Современный мир имеет глобальный характер, и изменения, происходящие в нем, имеют много общего. Это касается различных сфер жизни, в том числе культуры повседневности.

Важным фактором, влияющим на повседневную жизнь людей во всем мире, в различных странах является развитие и использование информационных технологий. Подчеркивая важность информации для духовного и интеллектуального развития человека, научный руководитель Лаборатории нейронаук и поведения человека ПАО «Сбербанк» Андрей Курпатов, выступая перед Советом Федерации, отметил: «На физическом уровне мы состоим их тех молекул, которые потребляем с пищей. Но на информационном уровне, на ментальном уровне мы состоим из той информации, которую мы потребляем»¹.

Под влиянием информационной революции происходят глубокие и противоречивые изменения во всех сферах жизни. Информационная цивилизация формирует новые ценности и приоритеты. Среди них: новое социальное пространство, новый тип коммуникации, новые условия социального бытия.

«Способ существования человека с точки зрения истории характеризуется следующими отношениями: человек — инструмент — технология. ... Когда нарушается гармония с технологией (она развивается быстрее, чем моральные ресурсы общества), то происходит дегуманизация различных аспектов существования человека» (Иоселиани, 2020).

Информационные технологии и ресурсы сейчас находятся в этом режиме. Благодаря им человек многое может сделать быстро и легко. Многие функции уже переданы от человека к компьютеру. Дегуманизация «общения человека с информационными ресурсами» приводит к неожиданным и весьма негуманным результатам. В качестве примера сошлемся на исследование Андрея Курпатова, который отмечает, что особенность выбора информации в том, что человек выбирает из ряда возможных наиболее простую. Таким образом, более сложная, а чаще всего и более ценная информация оказывается непопулярной для читателей. И в результате «создатели контента вынуждены соревноваться друг с другом, чтобы создавать все более и более примитивный контент»², а потребители информации оказываются погруженными в эту простоту и примитивность. Гуманность как необходимость повышения интеллектуального уровня и развития интеллекта не принимается во внимание. Законы бизнеса (а главный — получение прибыли) перекрывают нравственные основы бытия человека и гуманности.

Другим следствием формирующегося цифрового общества является изменение коммуникации. Сегодня формируется и искусственная социальная псевдосреда. Люди живут в этой среде, общаются в ней, в результате общения нередко находят свои «вторые половинки», формируют и развивают бизнес, вступают в сообщества по интересам, выкладывают свои фотографии и видео на конкурс или просто так, стремясь заявить о себе и своих взглядах и т.д. И эта виртуальная реальность многим заменяет живое общение. Андрей Курпатов, ссылаясь на данные лаборатории Касперского, отмечает: «*Наши и американские дети, про евро-*

¹ Трансформация человека в цифровую эпоху: Доклад Андрея Курпатова, научного руководителя лаборатории нейронаук и поведения человека ПАО «Сбербанк» перед Советом Федерации 12 февраля 2020 г. URL: https://ai-news.ru/2021/04/transformaciya_cheloveka_v_cifrovuu_epohu_doklad_andreya_kurpatova_v_sovete.html

² Там же.

пейских так сказать нельзя, до 10 лет практически 40% детей постоянно находятся онлайн ... К 14–18 годам, и в Европе эта тенденция продолжается, и весь мир, все подростки мира — 60–70% молодых людей практически постоянно находятся онлайн». А по данным за 2020 г. 85% детей не представляют своей жизни без гаджетов. А к смартфонам и гаджетам детей приучают с 4–5 лет 92% родителей¹. Как доказывают исследователи, сокращение живого общения ведет к снижению интеллектуального и творческого уровня человека, ибо для его формирования необходимы непосредственные контакты человека с человеком и живое общение.

Интернет сегодня многое определяет в повседневной жизни не только детей и подростков, но и взрослых людей. Интернет расширяет границы времени и пространства. Человек экономит время, осуществляя банковские платежи, оплату коммунальных услуг, покупку билетов на самолеты, автобусы, в кино и театры. Он покупает необходимые товары в Интернет-магазинах. Сегодня возможности Интернета люди успешно используют в различного рода консультациях (медицинских, правовых, психологических и т.д.), при проведении финансовых операций и, конечно, в поиске информации и т.д.

Общение в рамках сетевых сообществ («Одноклассники», «ВКонтакте», «Мой мир», «В кругу друзей», «Мир тесен» и др.) стало частью повседневной жизни людей всех возрастов. Интернет становится средой обитания человека, формой личного общения. С одной стороны, идет расширение коммуникативного пространства и человек становится сопричастным определенным сообществам и мировым событиям, с другой стороны, человек уходит в виртуальный мир и живет в нем, получая наслаждение несомненно большее (как ему представляется), чем от «общения вживую». Интернет предоставляет человеку новые возможности как в деловом и личном общении, так и в сфере многочисленных развлечений: просмотре телепередач и фильмов, в бесконечных играх, многообразии которых не знает границ, а выбор партнеров не зависит от расстояний, и т.д.

Не только Интернет, но и мобильная телефония оказывает значительное влияние на изменение культуры повседневности. Мобильная связь — неотъемлемая часть жизни современного человека, не только молодых, но и людей всех возрастов. Если раньше пожилой человек чувствовал себя беспомощным, выйдя без очков, то сегодня он становится «не уверенным в себе», оказавшись вдали от своего мобильного телефона. По телефону родители следят за передвижением детей (в школе они или уже вышли из нее?), контролируют здоровье и состояние своих пожилых родителей. Мобильные телефоны сегодня снабжены кнопками «SOS» и для мобильной связи предоставляется много различных ресурсов, пользование которыми стало частью повседневной жизни современного человека (это сервисы такси, программы с картами, позволяющими следить за передвижением общественного транспорта, службы доставки и т.п.). Благодаря мобильным

.....
¹ Трансформация человека в цифровую эпоху: Доклад Андрея Курпатова, научного руководителя лаборатории нейронаук и поведения человека ПАО «Сбербанк» перед Советом Федерации 12 февраля 2020 г. URL: https://ai-news.ru/2021/04/transformaciya_cheloveka_v_cifrovuu_epohu_doklad_andreya_kurpatova_v_sovete.html

телефонам сформировались новые практики взаимодействия между людьми: SMS-сообщение, голосовые сообщения, MMS-сообщение и др. Мобильная связь придала коммуникативному взаимодействию большую подвижность. А это влечет за собой новые правила социального взаимодействия (Колмогорова, 2009).

Под влиянием Интернета и мобильной телефонии меняются границы личного, публичного и приватного пространства. То, что было личным еще «вчера», — становится публичным и «в ожидании лайков» выставляется напоказ.

Другой важной мировой тенденцией изменения культуры повседневности является увеличение визуальной составляющей в различных формах повседневного взаимодействия. Мир современного человека заполнен образами. Его окружают рекламные щиты с картинками. Пытаясь выразить свои эмоции, молодежь широко использует смайлики. Иллюстрированные журналы тоже пользуются большим вниманием у молодежи, любящей рассматривать их, выискивая стандарты моды и стиля одежды и поведения «для себя». Привлекательными сегодня являются не просто выставки музейных текстовых документов, но выставки документов с использованием материалов фотосъемок, картин, шаржей и т.п. Остается увлекательным занятием у молодежи чтение исторических книг. Но есть еще и новое увлечение — участие в реконструкции событий прошлого. В результате визуального поворота формируется визуальная культура.

По мнению С. М. Даниэля, визуальная культура представляет собой частную область понятия «культура». Она направлена на развитие способностей воспринимать визуальные образы и интерпретировать их, работать с ними, сопоставляя, анализируя и создавая нечто новое. «Визуальная культура сегодня охватывает такие объекты культуры, как кино, телевидение, фотография, концептуальное искусство, „publicart“, рисунок, фотография, живопись, видео-арт, реклама, дизайн, web-дизайн, видеоигры, мода, граффити и т.д.» (Даниэль, 2006: 113). Визуальные данные сегодня — и отражение процессов, происходящих в природе и социуме, и способ представления социальных практик, структур, действий и т.д. (Колодий, 2010: 146).

В современную эпоху многократно увеличилась востребованность иллюстрированных журналов. И даже редакции научно-популярных журналов, стремясь привлечь внимание читателей, все чаще дополняют содержание картинками, фотографиями и т. д.

Динамика культуры повседневности: специфика России

Помимо общемировых тенденций изменения культуры повседневности, затронувших Россию, в ней проявляются некоторые специфические тенденции, обусловленные как переходом к капиталистической экономике и формированием общества потребления, так и вытекающим из этого фактора расслоением общества, формированием социальных групп, имеющих разный уровень доходов и отсюда — разные возможности организации своего повседневного быта. М. К. Горшков отмечает, говоря о ценностях, значимых для россиян, и соответственно об их потребностях к организации повседневного времяпрепровождения: несмотря на изменение социально-экономического строя, по-прежнему ценными

для российских граждан остаются семья, работа, свободное время для организации досуга (Горшков, 2010).

С отказом от социалистического пути развития с его четким планированием и «приблизительно равными» доходами населения, с переходом к рыночной экономике в России начался процесс резкого расслоения общества. Разница в уровне доходов богатых и бедных слоев населения по официальным данным значительна.

Например, если взять 2019 г., то доходы верхних 10% населения были в 15 раз выше, чем доходы нижних 10%. По мнению К. В. Кетовой и И. Г. Русяк, исследовавших эту проблему, «ситуация в распределении денежных доходов населения за период 2000–2019 годы практически не изменилась» (Кетова, 2020).

Несомненно, потребление, с которым тесно связан повседневный быт людей, зависит от доходов. Уровень потребления, исходя из доходов, будет различным, а соответственно и стиль жизни. Для одних (самых бедных) он включает потребительскую корзину и покупки в магазинах «у дома», для других — потребление «по желанию», а последнее «по воображению». И кроме продуктов питания, конечно, дорогостоящих и высшего качества, в потребление уже включаются занятия в фитнес-залах, сауны, массажисты, театры, выставки и т.п. И день также проходит по-разному: в тяжелом труде (часто на жаре и на холоде) для одних или в достаточно комфортных условиях в офисах — для других. Отметим, что различие в условиях существования и труда были всегда и везде. Здесь же хочется подчеркнуть огромную разницу в доходах в России, соответственно и в возможностях, определяющих повседневность человека.

Не беря крайние полюсы потребления (богатства и бедности), отметим еще несколько важных моментов, характерных для развития рыночной экономики, влияющих на повседневную жизнь большинства населения России. В каждом городе и во многих районных центрах построены гипермаркеты и происходит рост числа новых торговых точек. Гипермаркеты выполняют сегодня не только свою основную функцию — продажи товаров, но и выступают, как правило, центрами различного рода развлечений. Они включают в себя и игровые комнаты для детей, и кинотеатры, и даже спортивные площадки (с теннисными столами, ледяным катком для катания на коньках) и т.д. Выставочные залы для картин, скульптур и фотографий — это тоже не редкость для гипермаркета. Посещение подобных мест всей семьей в контексте будничного времяпровождения — часть современной жизни. Особенно в тех городах, в которых объекты культуры — явление единичное и редкое.

Но к новым тенденциям развития торговли следует отнести Интернет-торговлю, развитие сетей Интернет-магазинов. Заказ товаров через Интернет сегодня стал частью будничной жизни многих людей, и в первую очередь — молодежи. Желая сэкономить время на посещении магазинов и выбрать товары, которые не всегда есть в местных магазинах, молодежь обращается к заказам из иных городов, часто покупая их непосредственно у производителей. Это порождает и новые виды работы, связанной с упаковкой, сортировкой и доставкой товара (в постама-ты, офисы магазинов или на дом). И из будничной жизни многих россиян пома-

леньку уходит посещение магазинов. Представляется, что это становится одной из примет нового времени и этот процесс (переключение торговли из обычных магазинов в Интернет) будет продолжаться и увеличиваться в масштабах.

В крупных городах, где с объектами культурного досуга относительно нормально, сохраняется тенденция времяпровождения своего досуга традиционным и давно сложившимся способом.

ВЦИОМ в июне 2022 г. провел опрос среди россиян на предмет изменения их культурного досуга за последние 30 лет. И выяснилось, что посещение книжных магазинов сократилось. Если в 1992 г. 37% российских граждан были посетителями книжных магазинов, то в 2022 г. — 26%. В Москве и Петербурге и сегодня эти цифры значительны — 37%. Среди посетителей книжных магазинов большая доля лиц с высшим образованием (34%), молодежи (42–35% ежемесячно), учащихся (54%). Приведенная цифра сокращения числа посетителей книжных магазинов еще не свидетельствует о сокращении числа читающих россиян, так как многие перешли на электронные библиотеки и цифровое чтение.

По данным этого же опроса у граждан России сохраняется интерес к театру. Более того, он даже увеличивается. Так, на театральных постановках раз в год и чаще (по этому же опросу 2022 г.) бывают 36%, в то время как в 1992 г. театр посещали 31% граждан. Доля ежемесячных посетителей театров в наши дни достигла 7% против 5% в 1992 г.

За три десятилетия в 1,5 раза увеличили свою аудиторию музеи и выставки. Если в 1992 г. раз в год и чаще их посетителями были 29% россиян, то в 2022 г. — 43%. Причем очень много здесь молодежи: 25–34-летние (51%) заходят туда раз в год и чаще, граждане с высшим образованием также часто посещают эти места культурного отдыха (60%). Большинство посетителей — это люди с хорошим материальным положением (51%)¹. Таким образом, в повседневной культуре россиян сильны традиции, ярко выраженные в стремлении к духовной культуре и проявляющиеся в посещении театров, выставок, в чтении литературы.

Заключение

Культура повседневности, длительное время остававшаяся стабильной, становится все более динамичной. Она меняется под действием ряда факторов, носящих как мировой, так и региональный характер.

Информационные технологии, «визуальный поворот» влекут за собой новые формы взаимодействия между людьми, меняют коммуникативные процессы во всем мире. Возникающий в результате использования и развития информационных технологий «цифровой мир» является уже не столько частью социальной жизни, сколько его важной чертой развития на современном этапе. Многие социальные практики существуют и развиваются благодаря сетевому информационному взаимодействию. А мир реальный и мир виртуальный имеют тенденцию к все большему сближению, и информационная среда становится средой повседневности.

¹ Тренды культурного досуга: данные опроса ВЦИОМ. Июнь 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trendy-kulturnogo-dosuga-1992-2022>

Значимые изменения происходят в обществе и под влиянием «визуального поворота». Восприятие реальности через образы не только дополняет рационально-логическое понимание реальности, но и для некоторых индивидов становится главным «окном» в мир, воспринимаемый ими как мир образов, несущих главную жизненную повседневную информацию.

Повседневная жизнь в России отличается множеством стилей поведения, резкими различиями в образе жизни и ежедневных практиках. Российская жизнь в этом плане следует за мировыми державами и определяется социальным расслоением общества и формированием социальных групп, различающихся уровнем доходов, соответственно повседневной культурой быта. Специфично здесь скорее то, что в России, являющейся «богатой» страной, остается много бедного населения, имеющего ограниченные возможности для организации своей повседневной жизни.

В культуре повседневной жизни российских граждан сохраняются, развиваются и традиционные элементы, дополняемые сегодня новыми технологиями. Выявление проблем, возникающих в связи с новыми тенденциями в повседневной жизни человека, — это важный ориентир для корректировки политики, направленной на развитие социума, использования социальных практик. Неизбежность инноваций, повлекших за собой изменение повседневности, требует дальнейшего вдумчивого изучения тенденций этого изменения. Особенно если речь идет об изменении социально-антропологических и психологических характеристик человека.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

Горшков М.К. Российская повседневность: состояние и проблемы в условиях кризиса // Россия: региональная власть в условиях экономического кризиса. 2010. № 2010. С. 45–64.

Даниэль С. М. Искусство видеть. М. : Амфора, 2006. 206 с.

Иоселиани А.Д. Особенности повседневной жизни человека в цифровом мире // Манускрипт. 2020. Т. 13, № 4. С. 115–119.

Кетова К.В., Русяк И.Г. Анализ степени дифференциации населения Российской Федерации по уровню доходов // E-Scio. 2020. № 6 (45). С. 367–378.

Колмогорова А.В. Аргументация в речевой повседневности. М.: Флинта, Наука, 2009. 148 с.

Колодий Н.А., Колодий В.В. Визуальный поворот и его влияние на социальное познание // Известия Томского политехнического университета. 2010. № 6. С. 146–152.

REFERENCES

- Bauman, Z. (2008). *Fluid modernity*. St. Petersburg : Piter. (In Russ.).
- Gorshkov, M. K. (2010). Russian everyday life: the state and problems in a crisis. *Russia: regional power in the conditions of economic crisis, 2010*, 45–64. (In Russ.).
- Daniel, S. M. (2006). *The art of seeing*. Moscow : Amphora. (In Russ.).
- Ioseliani, A. D. (2020). Features of a person's daily life in the digital world. *Manuscript*, 13(4), 115–119. (In Russ.).
- Ketova, K. V., & Rusyak, I. G. (2020). Analysis of the degree of differentiation of the population of the Russian Federation by income level. *EScio*. 6(45), 367–378.
- Kolmogorova, A. V. (2009). *Argumentation in everyday speech*. Moscow: Flint, Nauka. (In Russ.).
- Kolodiy, N. A., & Kolodiy, V. V. (2010). Visual turn and its influence on social cognition. *Proceedings of Tomsk Polytechnic University*, 6, 146–152. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ольга Леонидовна Сытых — д-р филос. наук, профессор кафедры социальной и молодежной политики Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия.

Olga L. Sytykh — Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Department of Social and Youth Policy, Altai State University, Barnaul, Russia.

Статья поступила в редакцию 17.01.2023;
одобрена после рецензирования 15.02.2023;
принята к публикации 27.02.2023.

The article was submitted 17.01.2023;
approved after reviewing 15.02.2023;
accepted for publication 27.02.2023.

Научная статья / Research Article

УДК 316.2

DOI: 10.14258/SSI(2023)1-06

Социология мест лишения свободы и проблема исправления осужденных в социологических воззрениях Н. М. Ядринцева

Александр Викторович Головинов¹,
Юлия Владимировна Головинова²

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
alex-golovinov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8493-2902>

²Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия,
yu.golovinova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6190-4511>

Аннотация. Цель настоящего исследования — реконструировать и показать проблему исправления осужденных в фокусе социологии мест лишения свободы по социологическим взглядам сибирского демократического регионалиста — Н. М. Ядринцева.

Актуальность обращения к концепту исправления заключенных в идейно-социологическом наследии сибирского просветителя обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, социологические воззрения видного представителя областничества изучены фрагментарно, в частности социология мест лишения свободы недостаточно представлена в современном научном дискурсе социальных наук. Во-вторых, исследование может позитивно повлиять на дальнейшую разработку теоретико-методологического аппарата специальной отрасли знания — пенитенциарной социологии. В-третьих, имея в целом теоретическое содержание, данная работа в той или иной мере может иметь значение для определения доктринальных основ практической деятельности в сфере социальной работы с осужденными в целях развития социально полезных связей заключенных.

С помощью герменевтической методологии авторами установлено, что, рассматривая проблематику социологии мест лишения свободы, Н. М. Ядринцев вышел на центральную задачу социальной пенитенциарной политики — перевоспитание осужденных, которое, согласно его социологическим взглядам, может быть достигнуто посредством социальной самоорганизации тюремных сообществ.

Авторы приходят к выводу о том, что в социологических воззрениях Н. М. Ядринцева отчетливо прослеживается рефлексия об организации жизненного пространства осужденных преступников с акцентом на общинные начала. Именно институт общины, по учению известного сибиряка, может способствовать установлению социально полезных связей для дальнейшей интеграции арестантов в законопослушное общество.

Ключевые слова: социология мест лишения свободы, пенитенциарная социология, история социологической мысли, осужденные, Н. М. Ядринцев, сибирское областничество, тюремная община

Для цитирования: Головинов А.В., Головинова Ю.В. Социология мест лишения свободы и проблема исправления осужденных в социологических воззрениях Н.М. Ядринцева // *Society and Security Insights*. 2023. Т. 6, № 1. С. 96–106. doi: 10.14258/ssi(2023)1-06.

Sociology of Places of Detention and the Problem of Correction of Confirmed in the Sociological Views of N. M. Yadrintsev

Alexandre V. Golovinov¹,
Yulia V. Golovinova²

---

¹Altai State University, Barnaul, Russia,
alex-golovinov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8493-2902>

²Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia,
yu.golovinova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6190-4511>

Abstract. The purpose of this study is to reconstruct and show the problem of correction of convicts in the focus of sociology of places of deprivation of liberty according to the sociological views of the Siberian democratic regionalist N. M. Yadrintsev.

The relevance of addressing the concept of correction of prisoners in the ideological and sociological heritage of the Siberian enlightener is due to several circumstances. Firstly, the sociological views of a prominent representative of the regionalism have been studied in fragments, in particular, the sociology of places of deprivation of liberty is not sufficiently represented in the modern scientific discourse of the social sciences. Secondly, the study can positively influence the further development of the theoretical and methodological apparatus of a special branch of knowledge — penitentiary sociology. Thirdly, having a generally theoretical content, this work, to one degree or another, may be important for determining the doctrinal foundations of practical activities in the field of social work with convicts in order to develop socially useful ties among prisoners.

Guided by the hermeneutic methodology, the authors found that considering the problems of the sociology of places of deprivation of liberty, N. M. Yadrintsev came to the central task of social penitentiary policy — the re-education of convicts, which, according to his sociological views, can be achieved through social self-organization of prison communities.

The authors come to the conclusion that in the sociological views of N. M. Yadrintsev there is a clear reflection on the organization of the living space of convicted criminals with an emphasis on community principles. It is the institution of the community, according to the famous Siberian, that can contribute to the establishment of socially useful ties for the further integration of prisoners into a law-abiding society.

Keywords: sociology of places of deprivation of liberty, penitentiary sociology, history of sociological thought, convicts, N. Yadrintsev, Siberian regionalism, prison community

For citation: Golovinov, A.V., Golovinova, Yu.V. (2023). Sociology of Places of Detention and the Problem of Correction of Confirmed in the Sociological Views of N.M. Yadrintsev. *Society and Security Insights*, 6(1), 96–106. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2023)1-06.

Введение

В социологических взглядах основоположника движения сибирских демократических регионалистов (областников) Н. М. Ядринцева проблемы социального бытия мест лишения свободы занимали важное место. Прежде всего нарратив организации жизни и деятельности тюремных сообществ был характерен для раннего этапа идейного наследия Н. М. Ядринцева. Наибольшее количество социологических наблюдений сибирского просветителя в области тюремоведения пришлось на 1870-е гг. Личный опыт пребывания в местах заключения и актуальность для общественности пенитенциарной проблематики в связи с попытками во 2-й половине XIX в. реформировать уголовно-исполнительную систему сопутствовали рассмотрению идеологом областничества уголовной политики как важной части социальной политики отечественного государства.

В настоящее время данный фрагмент идейного мира адепта сибирского регионализма мало исследован в рамках истории социологической мысли. Поэтому обращение к проблематике социологии мест лишения свободы в наследии Н. М. Ядринцева представляется актуальным.

С практической точки зрения обращение к теоретико-методологическим истокам социологии мест лишения свободы в идейном наследии Н. М. Ядринцева также видится актуальным, так как отечественный законодатель в «Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 г.» в качестве одной из базовых мер по исправлению осужденных отмечает развитие и сохранение социально полезных связей заключенных. Стоит полагать, что опыт социологической рефлексии в области пенитенциаристики, представленный в идейном наследии лидера движения областников, который в своем интеллектуальном творчестве делал акцент именно на пользе социальных связей и самоорганизующем и исправительном значении общины, вполне может быть полезен при доктринальной проработке и совершенствовании механизмов социальной работы в учреждениях исполнения наказания.

На сегодняшний день можно выделить пока лишь одно специальное социологическое исследование, посвященное наследию Н. М. Ядринцева и областничества в целом: это работа А. Э. Зайнутдинова, выполненная в социологическом институте РАН (Зайнутдинов, 2012). Также благодаря подвижнической деятельности профессора А. А. Козловского социологическое наследие лидеров областнического движения было представлено на страницах «Журнала социологии и социальной антропологии» в разделе «История социальной мысли России» (2013, №1). Это работы А. В. Малинова, С. А. Троицкого и одного из авторов настоящей статьи — А. В. Головинова (Малинов, 2013; Троицкий, 2013; Головинов, 2013). Других попыток специальных теоретико-социологических исследований идейного наследия областников пока нет.

В то же время программные положения областнической идеологии используются и в самых современных философских и социологических работах. Так, некоторые отсылки к социально-философскому учению Н. М. Ядринцева представлены в новейших публикациях Е. А. Ерохиной и А. В. Иванова (Ерохина, 2022; Иванов, 2022).

Справедливости ради отметим, что общие аспекты философско-публицистического и социологического наследия сибирского просветителя представлены в работах отечественных философов, историков, социологов и психологов, таких как О. А. Бороноев, В. А. Должиков, В. П. Поздняков, М. В. Шиловский, Т. П. Христоролюбова, Ю. Б. Костякова (Бороноев, 2004; Должиков, 2018; Костякова, 2019; Поздняков, 2020; Христоролюбова, 2021; Шиловский, 2019).

Интерес к общим вопросам идеологии областничества, и в частности к взглядам ее основоположника Н. М. Ядринцева, прослеживается также в среде зарубежных ученых. Прежде всего можно выделить исследования Н. Перейры, Д. Рэйнбоу, А. Юргенсона (Pereira, 1988; Rainbow, 2013; Jurgenson, 2007) и др.

Как видно, несмотря стабильно высокий интерес к социальной и философской мысли Н. М. Ядринцева, специальных работ, в которых реконструировались бы воззрения публициста в сфере тюрьмоведения, пока недостаточно. В восполнении данной исследовательской лакуны как раз видится цель настоящего исследования.

Обращение к проблематике тюрьмоведения в социальной философии Н. М. Ядринцева может способствовать также разработке теоретико-методологических оснований активно развивающейся в наши дни междисциплинарной области знания — пенитенциарной социологии. Тем более что, как отмечает современный автор, методология качественных исследований предмета пенитенциарной социологии остается практически за пределами внимания российских ученых — социологов и правоведов (Щукина, 2021).

Методология исследования

Преимущественно исследование базируется на инструментарии герменевтической методологии. Текстологический контент-анализ позволяет установить отдельные положения социологических взглядов Н. М. Ядринцева, в частности реконструировать и показать проблематику исправления арестантов в фокусе социологии мест лишения свободы.

Результаты и их обсуждение

Итак, комплексная попытка постижения тюремного мира в фокусе социального бытия лиц, отбывающих наказание, была осуществлена адептом сибирского регионализма в рамках крупного научно-исследовательского и публицистического произведения «Русская община в тюрьме и ссылке» (1872 г.). Вполне понятно, что в этом вопросе Н. М. Ядринцев не был первооткрывателем. Авторитетные публицисты-интеллектуалы Ф. М. Достоевский и С. В. Максимов одними из первых в истории отечественной социологической мысли широко рефлексировали о законах социальной жизни в местах лишения свободы.

Не умаляя достижений данных авторов, справедливым полагаем отметить, что Николай Михайлович Ядринцев избрал несколько иной исследовательский путь. Лидер движения областников отчетливо осознавал, что штрафная колонизация отчего края, имея преимущественно негативные последствия для «восточ-

ной окраины», напрямую обусловлена пенитенциарной политикой Российской Империи. Потому сибирский просветитель стремился всесторонне подойти к «тюремному вопросу». Он позволил себе выйти на уровень научно-теоретических обобщений с привлечением зарубежных идей и иностранной уголовно-исполнительной практики.

Без лишней скромности Н. М. Ядринцев пытался определить свою роль и значение в социальной науке и литературе о каторге и тюрьме. Провинциальный мыслитель по этому поводу замечал: «С Записок из Мертвого Дома Ф. М. Достоевского началось у нас более внимательное изучение социальной жизни и положения преступников, появилось немало разных очерков, записок, повестей, наконец, даже романов, посвященных исследованию острожной жизни и истории преступлений. К сожалению, значительная часть этих произведений, хотя и претендует на изображение действительной жизни, <...> на самом деле принадлежит к романтической школе» (Ядринцев, 1872: 170–171).

С критических начал сибирский просветитель характеризовал тюремно-ведческий труд С. В. Максимова. «Двойственность взгляда, — оценивая произведение, посвященное каторге, писал Н. М. Ядринцев, — нередко встречается в обширных, наполовину беллетристических, наполовину этнографических произведениях С. В. Максимова. В первой части своего труда „Сибирь и Каторга“ он описывает с глубоким сочувствием к человеческой личности несчастья и страдания наказанных преступников. <...> Вторую часть своего труда автор посвящает истории преступления. Собирая факты преступлений, автор поражается рядом злодейств, которые совершает личность». В целом позитивно оценивая книгу «Сибирь и каторга», на которую известный сибиряк часто ссылался, он резюмировал: «Максимов взял труд не по силам, он захотел быть ученым исследователем, когда он только художник, поэтому-то он никак не мог сам в себе примирить два противоположных воззрения на преступника» (Ядринцев, 1872: 176).

При текстуальном анализе работ Н. М. Ядринцева, посвященных тюремному вопросу, можно обнаружить, что данные произведения стали для провинциального мыслителя хорошим подспорьем, о чем свидетельствуют частые сноски на отмеченных авторитетных авторов. В своей критической оценке, свойственной мировоззрению сибирского областника, Н. М. Ядринцев просто пытался найти свою нишу в деле обличения оттенков и нюансов социальной жизни пенитенциариев дореволюционной России.

В настоящее время среди главных практических вопросов социологии мест лишения свободы особое место занимает проблема перевоспитания осужденных. Именно так, вполне по-современному, мыслитель-областник рассматривал основную задачу деятельности исправительных учреждений — исправление арестантов. Цели политики государства в сфере исполнения наказания сибирский общественный деятель связывал не столько с карательно-устрашительными началами, сколько с нравственно-исправительными основами. Акцент делался на развитии положительных социально-интегративных связей личности в местах отбывания наказания. Сибирский просветитель отмечал, что правиль-

ная и адекватная система исправления преступников должна быть направлена на формирование так называемых социальных инстинктов. Согласно социологическим воззрениям Н. М. Ядринцева их развитие наиболее действенно способствует социализации бывших арестантов в обществе. Тем самым идеолог областничества придавал ключевое значение не столько внешней дисциплине тюрьмы, сколько развитию самодеятельности и самовоспитания осужденных. Так, отводя ведущую роль социальным механизмам в деле исправления преступников, он отмечал: «Система исправления должна быть основана на порядке воспитания социальных и симпатических инстинктах, то есть на рациональном применении общежития, с условиями взаимных обязательств и взаимных услуг, через применение общественного самоуправления и самопомощи в различных общинных учреждениях» (Ядринцев, 1872: 716).

Незаменимым инструментом в тонком процессе самовоспитания заключенных для Н. М. Ядринцева, как и для русских народников, выступала община. Здесь свою роль сыграл личный опыт арестанта. Напомним, что Н. М. Ядринцев отдал несколько лет жизни Омскому острогу, кстати, тому самому тюремному учреждению, в котором в свое время отбывал наказание Ф. М. Достоевский.

Погружение в онтологию тюремных застенков ярко проиллюстрировало провинциальному мыслителю, как успешно тюремная община может дисциплинировать арестантов. «Опыт тюремной жизни, в нашем отечестве, — писал мыслитель-областник, — показывает нам, как превосходно тюремная община может быть употреблена для дисциплинирования личности с помощью собственных сил и взаимодействия» (Ядринцев, 1872: 711).

Рассуждая о мотивах человеческих поступков, лидер движения областников обнаруживал, что сдерживать людей можно не одним только внешним законом, но и давлением силы общества. «Наша связь с обществом, — замечал просветитель, — так ощутительна и так сильно дает о себе знать, что в какой бы среде мы ни являлись, мы обязаны подчиняться его мнению. Преступник, являясь в тюрьму, старается приноровиться к товарищам, иначе ему жизнь будет невыносима» (Ядринцев, 1872: 712).

Таким образом, рассматривая проблематику социологии мест лишения свободы, Н. М. Ядринцев вышел на центральную задачу социальной пенитенциарной политики — перевоспитание осужденных, которое, согласно его социологическим взглядам, может быть достигнуто посредством социальной самоорганизации тюремных сообществ.

Рационально оценивая роль общины в этом поистине нелегком деле, он отмечал, что тюремная администрация, конечно, не должна все пускать на самотек. Напротив, тюремный персонал, содействуя разумной общинной самоорганизации, будет способствовать сохранению порядка в стенах пенитенциариев. Н. М. Ядринцев предлагает весьма подробную формулу: «Когда в старой тюрьме существовал положительный разлад с начальством, то относиться к нему враждебно и принимать участие в борьбе с ним обязывалась и каждая личность общественным мнением, но то, что порождало зло при прежних порядках, при иных

условиях может быть применено и в обратную сторону; общественным влиянием на каждую отдельную личность можно воспользоваться и совершенно обратно; для этого нужно только крепко и искусно связать поведение отдельной личности с выгодами самой общины, которая и будет ее обуздывать» (Ядринцев, 1872: 712).

Такой гуманистический подход к перевоспитанию осужденных может быть объясним тем, что сибирский областник очень часто апеллировал к зарубежным социально-философским учениям. Так, размышляя о сущности и природе исправления преступников, он усердно изучал зарубежные и отечественные доктрины. Авторитетными в идейном смысле для сибирского интеллектуала становятся имена Ш. Л. Монтескье, Ч. Беккариа, И. Бентама, Г. Спенсера и многих французских просветителей и энциклопедистов. Именно отсылки к гуманистическим парадигмам, высказанным данными мыслителями, в огромном количестве можно обнаружить в его книге, посвященной исследованию жизни общины в тюремных условиях, а также в объемной публикации «Условия прогресса в сфере наказаний» (Ядринцев, 1871).

Гуманизм и нравственность как базовые концепты в деле исправления преступников как раз и сформировались в мировоззрении сибирского областника под действием западной социальной философии. Так, обличая противостественный и патологический характер смертной казни, Н. М. Ядринцев полностью разделял гуманистическую философию Ш. Л. Монтескье и Ч. Беккариа. «Монтескье, — замечал он, — в своем историческом исследовании первый высказывается против жестоких казней. В своем труде о духе законов он говорит, что опыт доказывает, что в государствах, где наказания кротки, дух народа столь же ими обуздывается, сколько в других местах наказаниями жестокими. <...> Другой замечательный ученый, — продолжал мыслитель-областник, — следовавший по пути, проложенному Монтескье, Беккариа издал книгу специально о преступлениях и наказаниях, которая в свое время составила эпоху. Он положительно отвергает смертную казнь, как ненужную жестокость» (Ядринцев, 1872: 137).

Отсюда в мировоззрении Н. М. Ядринцева и оформился концепт нравственного отношения к личности правонарушителя. Без нравственного подхода исправление арестанта, по учению сибирского публициста, практически не возможно.

Заключение

Итак, можно констатировать, что, не будучи профессиональным правоведом и социологом, на уровне эксперта и мыслителя-публициста сибирский общественный деятель основательно рефлексировал о социологии мест лишения свободы в Российской Империи. Неподдельный интерес со стороны адепта идеологии областничества к политике в области тюремного содержания объясним практическими задачами. Данный вопрос был тесно связан с одним из базовых тезисов социально-политической программы областников — отменой каторги и ссылки в Сибирь. Потому Н. М. Ядринцев использовал любые возможности гласного обсуждения «сибирских вопросов», и дискуссии в связи с тюремной реформой во 2-й половине XIX в. этому благоприятствовали.

В целом социально-философские взгляды лидера движения сибирских областников в сфере тюрьмоведения отражают некоторые направления социологии мест лишения свободы. В идейном наследии просветителя заключенные понимались как особая социальная группа, а исправительные учреждения и кадровый персонал тюрем — как институт воздействия, что свидетельствует о социологическом подходе мыслителя к тюрьмоведению. В концепции Н. М. Ядринцева отчетливо прослеживается рефлексия по поводу организации жизненного пространства осужденных преступников с акцентом на общинные начала. Именно институт общины, по учению известного сибиряка, может способствовать установлению социально полезных связей для дальнейшей интеграции арестантов в законопослушное общество. В социологическом и публицистическом творчестве сибирского регионалиста рассматриваются особенности жизни и деятельности тюремной субкультуры и осмысляется проблема перевоспитания осужденных и их социальная адаптация посредством самовоспитания и силы общественного мнения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Бороньев А. О. Сибирская идентичность: становление и содержание // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2004. № 3(36). С. 152–159.
- Головинов А. В. Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев: через патриотическое просветительство к межэтнической социальной интеграции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16, № 1. С. 53–59.
- Должиков В. А. Н. М. Ядринцев об этнокультурном взаимодействии крестьян-старообрядцев Русского Алтая с аборигенным населением // Народы и религии Евразии. 2018. № 15(2). С. 78–85.
- Ерохина Е. А. «Поворот на восток» и тренды современного регионального развития: сибирский вектор // Society and Security Insights, 2022. Т. 5, № 3. С. 13–25. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2022\)3-01](https://doi.org/10.14258/ssi(2022)3-01)
- Зайнутдинов А. Э. Сибирское областничество (историко-социологический анализ): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Санкт-Петербург, 2012. 22 с.
- Иванов А. В. Цивилизационная миссия Сибири: пространственный и временной аспекты // Личность. Культура. Общество. 2022. Т. 24, № 2(114). С. 63–69. DOI 10.30936/1606_951X_2022_24_2_63_69
- Костякова Ю. Б. Публикаторская деятельность Н. М. Ядринцева в ссылке: причины и результаты (по письмам к Г. Н. Потанину за 1872–1873 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 62. С. 19–24.
- Малинов А. В. Областничество в истории русской мысли // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16, № 1. С. 41–52.
- Позняков В. П. Эмпирические исследования в русской науке второй половины XIX — начала XX века как предпосылки становления исторической психологии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. № 1. С. 116–133. <https://doi.org/10.38098/ipran.sep.2020.17.1.004>.

Троицкий С. А. Областничество в Российской гуманитарной научной литературе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16, № 1. С. 60–77.

Христолюбова Т. П. Идеи сибирского областничества в художественной жизни дореволюционного Томска // Манускрипт. 2021. Т. 14, № 3. С. 34–37. DOI 10.30853/mns210114

Шиловский М. В. Вопросы истории региона в книге Н. М. Ядринцева «Сибирь как колония» // Ядринцевские чтения: вып. 6. 2019. С. 72–77.

Шукина Н. П. К вопросу об инвентаризации пенитенциарной социологии в российском дискурсе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. №4 (64) С. 77–81. https://doi.org/10.52452/18115942_2021_4_43

Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. Исследования и наблюдения за жизнью тюремных, ссыльных и бродяжеских общин. Сравнение различных систем наказания у нас и в Западной Европе. Основа новой рациональной системы исправления согласно выводам пенитенциарной науки и опыту русской тюремной общины. Санкт-Петербург, 1872. 768 с.

Ядринцев Н. М.. Преступники по изображению романтической и натуральной школы // Дело: учёно-литературный журнал. 1872. № 6. С. 130–191.

Ядринцев Н. М. Условия прогресса в сфере наказаний // Дело: учёно-литературный журнал. 1871. № 6. Отд. 1. С. 137–242.

Pereira N. G. O. Regional consciousness in Siberia before and after October 1917. Canadian Slavonic Papers. (March). 1988. Vol. 30, № 1. P. 112–133

Rainbow D. Siberian Patriots: Participatory Autocracy and the Cohesion of the Russian Imperial State, 1858–1920. Ph.D. thesis. Department of History, New York University. 2013. 268 p.

Jurgenson Aivar. Siberlaste Identiteedi Kujunemine ja Selle uks poliitillisi Avaldumisvorme oblastnike Liikumine. Acta Historica Tallinnensia. 2007. № 11. P 31–40.

REFERENCES

Boronoev, A. O. (2004). Siberian identity: formation and content. *Vestnik Rossijskogo humanitarnogo nauchnogo fonda*, 3, 152–159. (In Russ.)

Golovinov, A. V. (2013). G. N. Potanin and N. M. Yadrintsev: through patriotic enlightenment to interethnic social integration. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, 1, 53–59. (In Russ.)

Dolzhikov, V. A. (2018). N. M. Yadrintsev about the ethno-cultural interaction of the Old Believer peasants of the Russian Altai with the aboriginal population. *Narody i religii Evrazii*, 15(2), 78–85. (In Russ.)

Erokhina, E. A. (2022). “Turn to the East” and trends of modern regional development: the Siberian vector. *Society and Security Insights*, 5(3), 13–25. [doi.org/10.14258/ssi\(2022\)3-01](https://doi.org/10.14258/ssi(2022)3-01) (In Russ.)

Zainutdinov A. E. (2012). *Siberian regionalism (historical and sociological analysis)* (Phd of Sociology. Sciences). St. Petersburg.

- Ivanov A. V. (2022). Civilization mission of Siberia: spatial and temporal aspects. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*, 2(114), 63–69. DOI 10.30936/1606_951X_2022_24_2_63_69 (In Russ.).
- Kostyakova Yu. B. (2019). Publication activity of N. M. Yadrintsev in exile: causes and results (according to letters to G. N. Potanin for 1872-1873). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 62, 19–24. (In Russ.).
- Malinov A. V. (2013). Regionalism in the history of Russian thought. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, 1, 41–45. (In Russ.).
- Poznyakov, V. P. (2020). Empirical research in Russian science in the second half of the 19th - early 20th centuries as prerequisites for the formation of historical psychology. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya*, 5, 1(17), 116–133. <https://doi.org/10.38098/ipran.sep.2020.17.1.00> (In Russ.).
- Troitsky S. A. (2013). Regionalism in the Russian Humanitarian Scientific Literature. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, 1, 60–77 (In Russ.).
- Khristolyubova T. P. (2021). Ideas of Siberian regionalism in the artistic life of pre-revolutionary Tomsk. *Manuscript*, 14(3), 34–37. DOI 10.30853/mns210114 (In Russ.).
- Shilovsky M. V. (2019). Questions of the history of the region in the book of N.M. Yadrintsev “Siberia as a colony”. *Yadrincevskie chteniya*, 6, 72–77. (In Russ.).
- Shchukina, N. P. (2021). On the inventory of penitentiary sociology in Russian discourse. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki*, 4(64), 77–81. https://doi.org/10.52452/18115942_2021_4_43 (In Russ.).
- Yadrintsev, N. M. (1872). *Russian community in prison and exile. Research and observation of the life of prison, exile and vagrant communities. Comparison of different punishment systems in our country and in Western Europe. The basis of a new rational system of correction according to the conclusions of penitentiary science and the experience of the Russian prison community*. St. Petersburg, 768 p. (In Russ.).
- Yadrintsev N.M. (1872). Criminals in the image of the romantic and natural school. *Delo: uchono-literaturnyj zhurnal*, 6, 130–191. (In Russ.).
- Yadrintsev N.M. (1871). Conditions for progress in the sphere of punishments. *Delo: uchono-literaturnyj zhurnal*, 6 (1), 137–242. (In Russ.).
- Pereira N. G. O. (1988). Regional consciousness in Siberia before and after October 1917. *Canadian Slavonic Papers. (March)*, 30(1), 112–133.
- Rainbow D. (2013). *Siberian Patriots: Participatory Autocracy and the Cohesion of the Russian Imperial State, 1858–1920*. (Ph.D. thesis). Department of History, New York University, 268 p.
- Jurgenson Aivar (2007). Siberlaste Identiteedi Kujunemine ja Selle uks poliitillisi Avaldumisvorme oblastnike Liikumine. *Acta Historica Tallinnensia*, 11, 31–40.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Александр Викторович Головинов — канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия

Alexandre V. Golovinov — Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor at the Department of Constitutional and International Law of the Altai State University, Barnaul, Russia.

Юлия Владимировна Головинова — канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры правоведения и методики преподавания социально-экономических дисциплин Алтайского государственного педагогического университета, Барнаул, Россия

Yulia V. Golovinova — Cand. Sci. (History), Associate Professor at the Department of Law and Methods of Teaching of Socio-Economic Disciplines, Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia.

Статья поступила в редакцию 12.01.2023;
одобрена после рецензирования 04.03.2023;
принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted 12.01.2023;
approved after reviewing 04.03.2023;
accepted for publication 15.03.2023.

Научная статья / Research Article

УДК 159.9

DOI: 10.14258/SSI(2023)1-07

Особенности Я-концепции и копингового поведения у людей с алкогольной зависимостью

Татьяна Васильевна Милаева

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми
научного центра Уро РАН, Сыктывкар, Россия,
Tasha20012001@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1675-2915>

Аннотация. Несмотря на то что к настоящему времени алкоголизм как негативное социальное явление достаточно широко исследован учеными разных направлений, проблема продолжает оставаться одной из актуальных и трудноразрешимых. Это негативное социальное явление наносит обществу огромный урон, пагубно влияет на здоровье людей, уменьшает продолжительность жизни, снижает трудоспособность, тем самым ухудшая качество человеческих ресурсов и ограничивая социально-экономическое развитие. Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что социально-психологический анализ проблемы остается на данное время крайне недостаточным. Обычно в ее изучении основное место принадлежит исследованиям клинико-психологического характера. В то же время в рассматриваемой проблеме явно просматривается социально-психологический аспект. Он связан с изучением Я-концепции и интерперсональной коммуникации как значимых ресурсов преодоления жизненных трудностей. При этом копинг и механизмы психологической защиты личности, зависимой от психоактивных веществ, их специфика и взаимосвязь, равно как и сам по себе феномен Я-концепции, также окончательно не изучены и требуют более тщательного рассмотрения. В связи с этим в статье предпринята попытка обобщить и проанализировать теоретико-методологические подходы к определению понятия Я-концепции здорового человека, особенности Я-концепции и причины ее искажения у человека с аддикцией, а также рассмотреть модели копингового поведения, используемые людьми с алкогольной зависимостью, что может предоставить теоретические основания для создания эффективных программ профилактики алкогольной зависимости и помочь формированию активного проблеморазрешающего поведения, позволяющего справиться с патологическим влечением к алкоголю.

Ключевые слова: Я-концепция, стресс, алкогольная зависимость, аддикция, копинг-стратегии, совладающее поведение

Финансирование: исследование выполнено в рамках НИР «Человеческие ресурсы северных регионов России: потенциал развития или ограничение экономического роста» (№ ГР 122012700169-9, 2022–2024 гг.)

Для цитирования: Милаева Т.В. Особенности Я-концепции и копингового поведения у людей с алкогольной зависимостью // Society and Security Insights. 2023. Т. 6, № 1. С. 107–124. doi: 10.14258/ssi(2023)1-07.

Features of the Self-Concept and Coping Behavior of People with Alcohol Addiction

Tatiana V. Milaeva

Institute for Socio-Economic & Energy Problems of the North, Komi Science Centre,
Ural Branch, RAS, Syktyvkar, Russia,
Tasha20012001@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1675-2915>

Abstract. Despite the fact that by now alcoholism as a negative social phenomenon has been widely studied by scientists of various fields, the problem continues to be one of the most urgent and intractable. This negative social phenomenon causes enormous damage to society, adversely affects people's health, reduces life expectancy, reduces working capacity, thereby worsening the quality of human resources and limiting socio-economic development. The relevance of this study is determined by the fact that the socio-psychological analysis of the problem remains extremely insufficient at this time. Usually, the main place in its study belongs to clinical and psychological research. At the same time, the socio-psychological aspect is clearly visible in the problem under consideration. It is connected with the study of the Self-concept and interpersonal communication as significant resources for overcoming life difficulties. At the same time, coping and the mechanisms of psychological protection of a person dependent on psychoactive substances, their specifics and interrelation, as well as the phenomenon of the Self-concept itself, have also not been fully studied and require more careful consideration. In this regard, the article attempts to generalize and analyze theoretical and methodological approaches to the definition of the concept of the Self-concept of a healthy person, the features of the Self-concept and the causes of its distortion in a person with addiction, as well as to consider coping behavior models used by people with alcohol dependence, which can provide theoretical grounds for creating effective programs to prevent alcohol addiction, as well as to help form an active problem-solving behavior that allows people to cope with a pathological attraction to alcohol.

Keywords: Self-concept, stress, alcohol addiction, addiction, coping strategies, coping behavior

Financial Support: the study was carried out within the framework of the research project "Human resources of the northern regions of Russia: development potential or limitation of economic growth" (No. GR 122012700169-9, 2022–2024).

For citation: Milaeva, T.V. (2023). Features of the Self-Concept and Coping Behavior of People with Alcohol Addiction. *Society and Security Insights*, 6(1), 107–124. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2023)1-07.

Введение

Одной из характеристик современного мира является глобальный характер происходящих в нем социальных изменений. Быстро изменяющийся мир предъявляет повышенные требования к субъектности человека, привлекая внимание ученых к анализу влияния социальных изменений на выбор человеком стратегий социального поведения.

Социальная неопределенность и нестабильность, характеризующие актуальный процесс общественного развития в мире в целом и в России в частности, предъ-

являют повышенные требования к адаптивным возможностям человека, ставят перед ним задачу совладания с трудностями. Какие факторы обуславливают поведение человека в субъективно сложных жизненных ситуациях? Какими способами он преодолевает те обстоятельства жизни, которые он сам обозначает как трудные?

Максимальную выраженность эти вопросы приобретают в условиях не сдающей своих позиций пандемии COVID-19. Следовательно, возрастает важность исследования личностных возможностей и ресурсов людей, поиска ими способов совладания с ситуацией стресса, страха и неопределенности, а также моделей самосохранительного поведения.

Особый интерес представляет копинговое поведение представителей стигматизированных групп населения, которые не часто становятся объектом социально-психологического анализа. Несмотря на имеющиеся данные, копинг и механизмы психологической защиты личности, зависимой от психоактивных веществ, их специфика и взаимосвязь на данный момент остаются недостаточно изученными.

Таким образом, актуальность темы исследования определяется высокой социальной значимостью изучения личностных факторов совладания со сложными жизненными ситуациями, а также постоянно растущей наркотизацией молодежи в нашей стране. Наблюдается устойчивая тенденция снижения возраста начала употребления психоактивных веществ. Она характерна как для городской, так и для сельской молодежи. Широкое распространение зависимостей от психоактивных веществ, в свою очередь, многократно увеличивает риск заболеваемости гепатитом, ВИЧ-инфекцией и СПИДом (Москаленко, Шевцов, 2001; Козлов, Рохлина, 2001).

Одной из наиболее распространенных зависимостей является злоупотребление алкоголем. Алкоголизация молодежи является на сегодняшний день серьезной социальной проблемой. Согласно Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г.¹ решение задач по сокращению уровня материнской и младенческой смертности, укреплению репродуктивного здоровья населения, здоровья детей и подростков включает в себя: профилактическую работу по предупреждению алкоголизма, наркомании, табакокурения; разработку мер, направленных на снижение количества потребляемого алкоголя, регулирование производства, продажи и потребления алкогольной продукции. В то же время в городах Республики Коми и других регионов РФ мы наблюдаем заметный рост числа точек продажи алкогольных напитков. Нередка ситуация, когда в густонаселенном квартале в жилых многоквартирных зданиях одновременно располагаются сетевые профильные магазины «Бристоль», «Черное и Белое», «Империя Вин», не считая «Магнита» и «Пятерки» с алкогольными отделами. В шаговой доступности разного рода питейные заведения — «Алкополисы», «Пенные напитки», «Алкотеки», «Вина в розлив» и т.д., предлагающие огромный выбор алкогольных напитков в широком ценовом диапазоне и в любое время суток.

.....
¹ Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 (с изменениями и дополнениями). URL: https://base.garant.ru/12172220/#block_1000

Доступность алкогольных напитков, социальные и экономические факторы, психологическая напряженность, неорганизованность досуга и отдыха способствуют росту алкоголизации населения.

Алкогольная зависимость оказывает влияние на ценностные ориентации, структуру мотивации, взаимоотношения с окружающими, позицию в социальных группах и на другие социально-психологические характеристики, определяющие образ жизни личности в обществе.

Однако социально-психологический анализ проблемы остается еще крайне недостаточным. Обычно в ее изучении основное место принадлежит исследованиям клинико-психологического характера. В то же время в ней явно просматривается социально-психологический аспект, связанный с изучением Я-концепции и интерперсональной коммуникации как значимых ресурсов преодоления жизненных трудностей (Морокова, 2013).

В отечественной психологической науке системные исследования защитно-совладающего поведения при алкогольной зависимости, включающего защитные механизмы и поведенческие стереотипы личности, встречаются крайне редко. В основном авторы рассматривают данные явления по отдельности, фокусируя внимание на изучении одного из них.

В связи с актуальностью проблемы целью данного исследования является изучение и анализ особенностей Я-концепции и совладающего поведения у людей с алкогольной зависимостью. Для реализации цели поставлены и решены следующие задачи:

- изучить теоретические подходы к толкованию понятия Я-концепции здорового человека;
- проанализировать особенности Я-концепции и причины ее искажения у человека с аддикцией;
- рассмотреть модели копингового поведения, используемые людьми с алкогольной зависимостью;
- наметить направления для психокоррекции, способствующие созданию эффективных программ профилактики алкогольной зависимости, а также направленные на формирование активного проблеморазрешающего поведения, позволяющего справиться с патологическим влечением к алкоголю.

Теоретические подходы к толкованию понятия Я-концепции здорового человека

В качестве копинг-ресурсов личности можно рассматривать адекватный уровень «Я-концепции», позитивную самооценку, локус контроля, темпераментные характеристики, гибкость мыслительной деятельности, систему ценностных ориентаций, психологические защитные механизмы и др. (Антонова, 2011).

При этом Я-концепция является основным личностным ресурсом совладания и ее содержание и структура у разных людей существенно различаются.

В зарубежной литературе (Р. Уайли, М. Розенберг) термин «Я-концепция» (англ. *self-concept*) обозначает «совокупность всех представлений индивида о себе» (Соколова, 1989).

Я-концепция как научная категория является объектом междисциплинарных исследований: общественных, биологических, психологических, медицинских и других наук.

Исторический анализ позволил установить, что интерес к феномену берет начало в философских трудах (Г. Гегель, Р. Декарт, И. А. Ильин, И. Кант, А. Камю, А. Ф. Лосев, В. С. Соловьев, И. Г. Фихте, Д. Юм и др.)

Первые теоретические разработки в области Я-концепции бесспорно принадлежат У. Джемсу, разделившему глобальное, личностное Я (Self) на взаимодействующие Я-сознающее (I) и Я-как-объект (Me), которые автор разделил на глобальное и личностное, на взаимодействующие «Я-сознающее» и «Я-как-объект», которое подразделяется на три компонента: материальное, социальное, духовное. Материальное Я обозначает тело, одежду, собственность. Социальное Я рассматривает оценку человека окружающими. Каждый человек имеет несколько «социальных Я». Их количество зависит от того, сколько имеется групп, мнение которых значимо для человека. Духовное Я — совокупность психических особенностей. В этой модели социальное — такой же важный компонент «Я», как физическая организация (Джемс, 1991).

Роджерс (1951) и Стейнс (1954) уточнили понятие. Согласно их взглядам Я-концепция состоит из представлений о собственных характеристиках и способностях, о возможности взаимодействовать с другими людьми и с окружающим миром. Она позволяет включаться в различные ситуации в соответствии с представлениями о целях, идеях, которые могут иметь позитивную или негативную направленность (Роджерс, 1995).

По Стейнсу Я-концепция — существующая в сознании система представлений, образов, оценок, относящихся к самому индивиду. Она включает одиночные представления, возникающие в результате реакций на самого себя, а также представления о том, как человек выглядит в глазах других людей. Это определенный образ Я. Он включает представления о себе, описание содержания, характера, сложности и дифференцированности этих представлений, их субъективной значимости для личности, а также внутренней целостности и последовательности, согласованности, преемственности и устойчивости во времени.

Специфика понятий Я-концепции и самосознания точно не определена. Часто их употребляют как синонимы. Основа самосознания — умение человека отличать мысли, чувства от практической жизнедеятельности, осознанно относиться к собственным потребностям, влечениям, мотивам поведения, способностям, переживаниям, мыслям. Требуется умение сформулировать и обозначить собственные качества, дать эмоционально-смысловую оценку своих возможностей, которые выступают основанием оценки целесообразности действий и поступков. Я-концепция рассматривается как результат, итоговый продукт проявления элементов самосознания.

Интерес различных отраслей знания к проблеме не позволяет однозначно сформулировать объяснительный и описательный термин, адекватно раскрывающий научное содержание феномена. Это находит выражение в генетически род-

ственных терминах: «самосознание», «самоотношение», «самооценка», «образ Я», «идентичность» и др. Все понятия взаимосвязаны, но их соотношение и значимость в разных научных подходах неодинаковы. Со временем возникло понятие «идентичность». Э. Эриксон и его последователи (Эриксон, 1995) считают термин наиболее адекватным и оперируют им. Идентичность личности, являясь синонимом Я-концепции, рассматривается как интегрирующее начало, дающее человеку ощущение обязательной связи с окружающим миром. Идентичность по Эриксону — результат особенностей определенной конкретной культуры и возможностей человека. Идентичность формируется в процессе взаимодействия личности с социокультурным окружением. Ее источником является «культурно значимое достижение». Это картина, существующая в сознании человека как самостоятельное явление или фон, которая складывается из оценки собственного Я, позитивных и негативных ценностей, отношений, в которые человек может вступать. На основе последних формулируются представления о том, каким человек хотел бы быть и как он должен себя вести. При самовосприятии человек фиксирует свои внешние данные, личные качества, черты, роли, социальный статус и т.п. В результате создаются установки на отношение к себе, их оценка.

В современных отечественных исследованиях проблемы отмечается, что «различные теоретические конструкции и методологические подходы к изучению Я-концепции не соотносятся друг с другом, поскольку разные ученые, отпавляясь в своих исследованиях от разных целей и задач, приходят к противоречивым взглядам на данную категорию, ее структурные и содержательные составляющие» (Иващенко, 2002). В научной литературе, как отечественной, так и зарубежной, нет единой трактовки этого понятия.

Я-концепцию представляют в виде иерархической структуры. Вершиной является глобальная Я-концепция, конкретизирующаяся в совокупности установок личности на себя. Эти установки имеют различные модальности: реальное Я, идеальное Я, зеркальное Я. Каждая из этих модальностей включает ряд аспектов — физическое Я, социальное Я, умственное Я.

В зависимости от того, на каком уровне (организма, социума, личности) проявляется активность человека, в Я-концепции выделяют физический Я-образ и социальную идентичность, которая отражает половую, возрастную, этническую, гражданскую, ролевую функцию. Образ Я характеризует и дифференцирует знание о себе в сравнении с другими людьми. Он придает индивиду ощущение собственной уникальности и обеспечивает реализацию потребности в самоопределении и самореализации.

Социальное Я индивида — это его представления о том, что о нем думают другие люди. Эти представления, в свою очередь, влияют на мысли человека о себе. В Я-концепции отдельно рассматриваются идеальное и реальное Я. Идеальное Я — каким человек хотел бы стать. Эти представления могут быть реалистичными, заниженными или завышенными. Заниженное идеальное Я препятствует достижениям; завышенный образ идеального Я может привести к фрустрации и снижению самооценки. Идеальное Я представлено набором желаемых качеств,

которыми человек хотел бы обладать, и рассматривается как образ, которым человек хочет или надеется стать. Это совокупность свойств, которые необходимо иметь для достижения адекватности, а иногда и совершенства. В идеальном Я заложены цели, устремленные в будущее.

Реалистическая Я-концепция способствует принятию себя, достижению реалистических целей, психическому здоровью.

Нередко реальное и идеальное практически не совместимы.

Выделены и другие составляющие явления: динамическое Я (как, по моим представлениям, я изменяюсь, развиваюсь, каким стремлюсь стать), представляемое Я, Я-маска, фантастическое Я, зеркальное. В каждом явлении присутствуют физические, социальные, интеллектуальные элементы.

М. Розенберг дает наиболее подробный перечень составляющих: настоящее Я — каким индивид видит себя в действительности в данный момент; динамическое Я — каким человек желает стать; фантастическое Я — каким следует быть в соответствии с моральными нормами; будущее Я или возможное Я — каким человек может стать. Это не обязательно положительный образ: человек может видеть себя героем и в то же время понимать, что превращается в обывателя. Идеализированное Я — каким приятно себя видеть. Этот образ может включать в себя компоненты и настоящего, и идеального, и будущего Я. Изображаемые Я — образы и маски, которые человек выставляет напоказ, чтобы скрыть отрицательные черты реального Я (Rosenberg, 1979).

Существуют индивидуальные временные или переходящие Я-концепции, которые зависят от настроения, ситуации, прошлых или текущих переживаний.

Образ Я связывают с системой установок. Выделяют несколько автономных формальных измерений, которые используются в психологических исследованиях при сравнении уровня самосознания у разных людей или одного и того же человека на разных стадиях его развития.

Социальные установки облегчают личности приспособление к среде (установка закрепляет то, что способствует удовлетворению потребностей субъекта), познание (установка систематизирует предшествующий опыт взаимодействия субъекта с объектом), самореализацию (устойчивая система социальных установок — необходимая предпосылка творческой активности личности, самовоспитания и т.п.), психологическую самозащиту (наличие определенной системы установок позволяет индивиду уклониться от осознания таких аспектов действительности, которые могли бы поколебать устойчивость его личности).

Среди последних публикаций по проблеме наиболее подробное описание Я-концепции содержится в монографии О.Б. Дутчиной. Автор рассматривает многие теоретические подходы к пониманию социально-психологического феномена «Я-концепция». Отмечается, что описания, суждения, обобщения весьма многозначны, размыты, неоднозначны. Попытки упорядочить их пока не привели к понятному, доступному однозначному подходу.

Неоднократно предпринимались попытки системного описания Я-концепции. Из них можно сделать вывод, что феномен, как любая глобальная система,

состоит из множества элементов. Авторы акцентируют отдельные из них. Совокупность элементов обозначена как образ Я. В него включили: осознание своих особенностей, наличие или отсутствие у себя тех или иных черт (Б. Г. Ананьев, Р. Бернс, В. С. Мерлин, А. Г. Спиркин и др.). Они (черты) обозначены как структурные компоненты, которым дали название: «Я-реальное», «Я-идеальное», «Я-демонстрируемое» и т.п. (У. Джемс, И. С. Кон, К. Роджерс, М. Розенберг, В. В. Столин, И. И. Чеснокова, Э. Эриксон и др.). Многочисленные попытки определить содержание понятия пока размыты и далеки от завершения (Дутчина, 2017).

Я-концепция может быть позитивной и негативной. Позитивная Я-концепция занимает важнейшее место в структуре личности, являясь фактором личностного самоопределения, саморазвития, самоуправления и психического здоровья. Особенности внутренней динамики самосознания, структура и специфика отношения личности к собственному «Я» оказывают регулирующее влияние практически на все аспекты поведения и деятельности человека: участвуют в регуляции познавательных процессов и психических состояний, влияют на эмоционально-волевые процессы, обеспечивают целенаправленное управление поведением и деятельностью.

Формирование позитивной Я-концепции личности представляет собой сложный, динамичный, противоречивый и достаточно длительный процесс, сопряженный с проблемами как субъективного, так и объективного характера. На особенности динамики изменения эмоционально-ценностного отношения к себе накладывают отпечаток своеобразие современной социальной ситуации развития и возрастные характеристики личности.

Под позитивной Я-концепцией понимается индивидуально-личностная сторона осознания и понимания своего «Я», выступающая фактором саморазвития, самосовершенствования, самоуправления, саморегуляции и самоактуализации, что определяет успешность личностно-профессионального становления. Психологическая модель позитивной Я-концепции личности включает в себя следующие блоки: блок самопознания — Я-понимание (когнитивная сторона); блок самоотношения — Я-отношение (эмоционально-оценочная сторона); блок саморегуляции — Я-поведение (поведенческая сторона).

В результате теоретических обобщений и эмпирическим путем определены и уточнены базовые психологические условия развития позитивной Я-концепции личности: развитие самопонимания, уверенности в себе, эмоциональной устойчивости.

Развитие Я-концепции и личностный рост являются двумя взаимосвязанными процессами. Нестандартные, специально организованные условия способствуют разрушению стереотипных моделей мышления и навыков поведения, что приводит к принятию образа Я, создавшегося в результате осмысления и переосмысления ситуаций, собственных потребностей, а также оснований и последствий собственных действий. Развитие самопонимания, уверенности в себе и эмоциональной устойчивости оказывает влияние на специфику самоотношения, что само по себе является показателем позитивности Я-концепции.

Особенности Я-концепции и причины ее искажения у человека с аддикцией

Очевидно, что большая разница между компонентами Я-концепции Я-реальное и Я-идеальное приводит к социально-психологической дезадаптации, обусловленной недостижимостью идеала. Противоречивая и искаженная Я-концепция значительно влияет на социальное поведение личности, одним из вариантов которого выступает аддиктивное поведение (Идрисова, 2018). В русском языке для обозначения такого поведения чаще употребляется слово «пристрастие», оно созвучно слову «аддикция» и понимается как сильная страсть к чему-либо. В зарубежных исследованиях аддикция понимается как зависимость, следовательно, аддиктивное поведение — это зависимое поведение.

Аддиктивное поведение (addictive behavior), или зависимое поведение, представляет собой серьезную социальную и общественную проблему, так как проявляется в таких последствиях, как социальная дезадаптация, нарушение контактов с окружающими, совершение правонарушений.

Проблемой аддиктивного поведения на протяжении всей истории развития психологической науки и практики занимались зарубежные и отечественные ученые (В. Н. Мясищев, А. Ф. Лазурский, А. Н. Леонтьев, К. К. Платонов, З. Фрейд, А. Адлер, К. Юнг, Э. Фромм, Б. Ф. Скиннер, А. Маслоу и др.), но к общему мнению о природе аддиктивного поведения так и не пришли.

Смысл аддиктивного поведения заключается в том, что люди пытаются путем применения психоактивных веществ уйти от реальности, изменить свое психическое состояние, что дает им иллюзорное ощущение безопасности, восстановления равновесия.

Нужно отметить, что аддиктивное поведение является аутодеструктивным поведением и негативной формой самосохранительного поведения, зависимости пагубно влияют на человека и общество в целом, так как это является проблемой не только отдельного индивида, но и всего социума.

Такое поведение затрагивает все сферы жизни человека и приводит к деформации профессиональных, семейных, личных и социальных отношений. Со своей стороны, общество оказывает давление на таких людей, и оно достаточно интенсивно. Люди пытаются подстроиться под требования общества и играть нужные роли. Как правило, им это удается, но роли исполняются формально.

Вопрос о детерминантах аддиктивного поведения остается до настоящего времени слабо изученным. В психологии имеются немногочисленные исследования взаимосвязи Я-концепции с разными формами аддиктивного поведения. Я-концепция формируется под воздействием различных социальных внешних стимулов. Особенно важными из них являются общение со значимыми людьми и вхождение в референтные группы, которые создают представления человека о самом себе. Дисбаланс в отношениях со значимыми другими и нарушенное самовосприятие приводят к попыткам получить положительные эмоции через аддиктивные средства, что еще более усугубляет нарушение контактов с окружающими (Шпаковская, 2016).

Многие авторы, занимающиеся проблемой употребления психоактивных веществ, приходят к выводу о том, что оно тесно связано со стрессовыми событиями.

ями и неумением личности справляться с ними. Вследствие этого можно предположить о существовании взаимосвязи между неумением личности совладать со стрессом и развитием у нее дезадаптивного копинг-поведения, одной из разновидностей которого является аддиктивное поведение (Копытов, 1991).

В частности, Ц. П. Короленко полагает, что фактором, влияющим на развитие аддиктивности, является сниженная переносимость трудностей, обусловленная наличием гедонистической установки (стремлением к немедленному получению удовольствия, удовлетворению своих желаний). Это сочетается с выраженной обидчивостью, подозрительностью, что влечет за собой частые конфликты. Характерный для аддиктивной личности скрытый комплекс неполноценности проявляется в частых сменах настроения, избегании ситуаций, в которых их способности могут быть объективно проверены.

Поверхностный характер контактности и ее ограниченности во времени сочетается с выраженным стремлением производить на окружающих положительное впечатление.

Кроме того, для аддиктов характерна стереотипичность поведения. Иногда наблюдается пассивность, отсутствие самостоятельности, стремление к получению поддержки, тревожность, наличие базовых трудностей в саморегуляции (Короленко, 1991).

Можно предположить, что для таких людей алкоголь является средством компенсации, облегчающим процесс адаптации в социуме, даже таким деструктивным способом.

Люди со склонностью к аддиктивному поведению придают большое значение идеальному Я и малое — реальному Я, показывают недостижимость Идеала Я при важной его значимости, тогда как реальное Я преуменьшают. Люди, не имеющие аддиктивных склонностей, проявляют нейтральное и благоприятное отношение к идеальному Я и реальному Я.

Устоявшееся аддиктивное поведение затрудняет формирование адекватного образа Я, что особенно ярко проявляется в детском и подростковом возрасте, в связи с неустойчивостью Я-концепции. Взрослые люди с более устойчивой Я-концепцией и выраженным аддиктивным поведением не критичны к себе, мнение окружающих не имеет для них большого значения, и это становится препятствием к изменению Я-концепции (Идрисова, 2018).

При алкогольной зависимости происходят серьезные нарушения в самооценке, которая является одним из важнейших компонентов системы Я-концепции личности. Самооценка больных алкоголизмом утрачивает пластичность, гибкость, адаптивность, часто она неадекватно завышается или занижается, при этом общепринятые критерии высокой самооценки игнорируются, заменяются самооценочными критериями, принятыми в асоциальных, ориентированных на злоупотребление алкоголем группах. Неадекватно повышается уровень притязаний, развивается манипулятивное поведение, снижается способность перестраивать свои отношения в соответствии с реально изменившимися обстоятельствами и согласовать личные притязания с изменившимися, зачастую

значительно сниженными возможностями. Следует отметить, что неадекватная самооценка у больных алкоголизмом очень трудно поддается психологической коррекции (Александровский, 2007). Нарушения направленности личности при алкоголизме тем более опасны, что именно эта характеристика личности является системообразующим фактором для всей структуры личности.

Е. А. Морокова считает, что нарушения самосознания и самооценки являются основной предпосылкой личностных нарушений больных алкоголизмом и нередко являются предшественниками обращения к алкоголю. По результатам ее исследования «Я-концепция больных алкоголизмом» (Морокова, 2013) выявлено, что большинство из них испытывает явную неудовлетворенность прожитой частью жизни, а также своей жизнью в настоящее время. Однако при этом они не имеют осмысленных целей по ее изменению в будущем. Это связано с неверием в возможность своими силами контролировать события собственной жизни и с уверенностью в бессмысленности сознательного контроля над ней.

Люди с алкогольной зависимостью склонны к зависимому положению от окружающих, спонтанности поведения, сензитивности. Они обладают повышенной тревожностью, впечатлительностью, склонностью к продолжительному переживанию прошедших или предстоящих событий, чувством собственной недостаточности, заниженным уровнем притязаний. Личность таких людей неустойчива и противоречива.

По мнению автора, своевременное выявление нарушений Я-концепции личности людей с алкогольной зависимостью даст возможность провести их коррекцию, что поможет разрешить внутриличностные конфликты и создаст благоприятную почву для длительной ремиссии.

Психологический подход к пониманию причин возникновения и впоследствии развития алкогольной зависимости рассматривает явление в тесной взаимосвязи с проблематикой защитно-совладающего поведения личности в условиях стресса (Чхиквадзе, 2018).

Копинг — одно из основных понятий в сфере психологии стресса и адаптации. Это понятие позволяет осмыслить суть адаптивности и дезадаптивности поведения человека, поскольку не только стресс является причиной снижения продуктивности, дисфункциональности его состояния, но и то, как человек справляется со стрессом и трудностями. Стресс представляет собой ситуацию дискомфорта, при которой индивид понимает, что его ресурсов не хватает для решения поставленной перед ним задачи. При этом только он сам может обозначать какую-то ситуацию для него как стрессовую или нет. Определив наличие стресса, личность старается преодолеть его теми или иными способами.

Понятие *coping* в переводе с английского означает «преодоление». Определение подразумевает индивидуальный осознанный способ совладания человека с затруднительной ситуацией в соответствии с ее значимостью для него и с его личностно-средовыми ресурсами, которые во многом определяют его поведение (Копытов, 2010).

Разработка теории о копинге изначально принадлежит американским психологам. Точно не установлено, кто впервые начал применять термин «копинг-стратегии». Возможно, это была Л. Мэрфи, которая наблюдала, как дети преодолевают возрастные кризисы, либо А. Маслоу. Маслоу применял его в изучении поведения взрослых в экстремальных ситуациях. Одним из первых ученых, говоривших о копинг-стратегиях, был также Ричард Лазарус. В подходе, разработанном Р. Лазарусом и С. Фолькманом и (Folkman, Lazarus, 1984), *coping* понимают как динамический процесс и рассматривают его как когнитивные и поведенческие усилия личности, направленные на снижение влияния стресса. В теории стресса и копинга Р. Лазаруса и С. Фолькмана большое значение придается механизмам преодоления стресса. Копинг-поведение — это стратегии действий, которые человек предпринимает при возникновении психологической угрозы физическому, личностному и социальному благополучию. Стратегии реализуются в когнитивной, эмоциональной и поведенческой сферах функционирования личности и ведут к более или менее успешной адаптации. Авторы отмечают ведущую роль психологических факторов в регулировании результатов поведения в стрессе.

Существует множество классификаций стратегий копинга. Все группы и стили копинг-поведения подразделяются психологами на активную его форму и пассивную. Эта классификация имеет довольно обобщенные границы, но из нее можно понять, как именно настроен человек и что он обычно делает в стрессовой ситуации.

Активная форма копинг-поведения представляет собой целенаправленные активные действия, направленные на устранение или изменение влияния стрессовой ситуации. Сюда относится и изменение своего личного отношения к проблеме, если она не несет реальной угрозы для жизни и здоровья человека. При пассивном копинг-поведении много сил уходит на подмену понятий, старания игнорировать стрессор, что иногда бывает эффективным, но на недолгое время. Также наблюдается отстранение от внешнего мира и уход в себя. Это интрапсихические способы совладания со стрессом, которые направлены на снижение эмоционального напряжения, а не на изменение стрессовой ситуации (Folkman, Lazarus, 1984). Пассивный копинг малоэффективен, если человек сталкивается с реальной угрозой.

По мнению некоторых отечественных исследователей, заниженный уровень самосознания и самооценки предопределяет выбор пассивных копинг-стратегий, усложняя адаптацию к сложным ситуациям (Сирота, 1990), а совладающая способность личности в целом зависит от способности Я-реального меняться и проявлять гибкость в разных трудных ситуациях (Налчаджян, 1988).

Одна из самых известных классификаций копинга также принадлежит Р. Лазарусу. Он выделяет две основные функции копинга: копинг, «сфокусированный на проблеме», и копинг, «сфокусированный на эмоциях». Проблемно-фокусированные стратегии насчитывают 11 возможных действий; эмоционально-фокусированные стратегии предполагают 62 копинговых действия.

В теории копинг-поведения, основанной на работах Р. Лазаруса и С. Фолькмана (Amirkhan, 1994), выделяются базисные копинг-стратегии («разрешение

проблем», «поиск социальной поддержки», «избегание») и базисные копинг-ресурсы (Я-концепция, локус контроля, эмпатия, аффилиация и когнитивные ресурсы).

Модели копингового поведения у людей с алкогольной зависимостью

Многие зарубежные исследователи считают, что использование психоактивных веществ является для человека еще одним способом снятия тревожности в сложных ситуациях. Такого же мнения придерживаются и некоторые отечественные ученые. В то же время в имеющихся клинико-психологических исследованиях указывается, что люди, прибегающие к формам саморазрушающего поведения, в основном используют неэффективные и однотипные копинг-стратегии (Сирота, Ялтонский, 1995).

А. В. Копытов и Д. Е. Виринская (2010) также полагают, что часто употребление психоактивных веществ вызвано неумением справиться с жизненными стрессовыми ситуациями и выбором неадаптивных копинг-стратегий.

Человек переходит от эпизодического потребления алкоголя к частому и регулярному, когда переживает какой-либо кризисный период, требующий трансформации системы ценностей, моделей поведения, деятельности, отношений (Короленко, Завьялов, 1987). Личность, не способная к эффективному преодолению кризиса, испытывает высокое психоэмоциональное напряжение вследствие невозможности удовлетворения актуальных потребностей. Для его снижения человек использует деструктивные, саморазрушительные формы поведения, в частности, употребление алкоголя. Действие алкоголя как средства ослабления переживания стресса проявляется в изменении способа восприятия проблемной ситуации, что создает иллюзию ее разрешения. Так формируется аддиктивный вариант совладания, направленный не на устранение стрессора, а на достижение искусственного облегчения эмоционального состояния (Чхиквадзе, 2018).

Выявление особенностей защитно-совладающего поведения, которые формируют дезадаптивные формы реагирования, препятствующие успешному преодолению жизненных трудностей и адекватному функционированию личности, приобретают высокую значимость для работы по повышению эффективности терапии алкогольной зависимости (Сирота Ялтонский, 2012; Соколова, 1989).

Совладающее поведение зависимой личности наиболее подробно рассматривают в своих работах В. М. Ялтонский и Н. А. Сирота. Авторы считают, что аддиктивное копинг-поведение формируется по причине недостаточности развития личностно-средовых копинг-ресурсов и навыков активного решения проблем, низкого уровня эффективности социальной поддержки с направленностью социальных взаимодействий в сторону людей с алкогольной зависимостью, широкого использования инфантильных копинг-стратегий и механизмов психологической защиты, а также преобладания пассивной копинг-стратегии «избегание» (Сирота, Ялтонский, 2012).

Попытка выйти из затруднительного положения путем употребления алкоголя представляет собой пассивную реакцию на сложную ситуацию, избегание ее, что ведет к еще большему напряжению и затрате внутренней энергии.

Алкогольное опьянение способствует повышению эмоциональной оценки, удовольствия и ощущению контроля над ситуацией, позволяет временно воздействовать на внешние обстоятельства. Когда действие алкоголя прекращается, состояние человека ухудшается, он понимает, что реальная ситуация остается прежней, и у него снова возникает потребность в употреблении алкоголя. Количество проблем увеличивается, и человек попадает в замкнутый круг, из которого не видит выхода. Таким образом, зависимость от алкоголя возникает на фоне продолжительного стрессового воздействия из-за недостаточности психологических механизмов совладания.

В этом случае употребление алкоголя по любому поводу становится основным способом преодоления эмоционального дистресса, ухода от жизненных проблем и достижения мнимого благополучия. Стрессогенные факторы увеличивают частоту употребления алкоголя, когда недоступны альтернативные ресурсы копинга, но доступен алкоголь, а также тогда, когда человек верит, что алкоголь помогает ему снять стресс.

А. В. Копытов и Д. Е. Виринская (2010) отмечают, что при алкоголизме также часто используется стратегия «поиск социальной поддержки», но при этом она имеет пассивный характер. Ее применение обычно сопровождается неуверенностью в успешном исходе такого поиска и часто ориентируется на избегание неудач. Мотивация поиска социальной поддержки определяется мотивацией поиска алкоголя, а не целью найти реальную поддержку в избавлении от алкогольной зависимости. Алкозависимым свойственно принимать социальную поддержку со стороны таких же зависимых от алкоголя людей, которые имеют некоторые возможности для приобретения алкоголя и его употребления. В данном случае можно обнаружить причинно-следственную взаимосвязь между алкоголем и стрессом, т. е. неконтролируемый продолжительный стресс увеличивает риск возникновения связанных с алкоголем проблем, и в то же время употребление алкоголя вызывает дополнительные стрессы.

Г. Г. Аванесян (2003) рассматривает поиск и употребление алкоголя аддиктами как активное, но асоциальное совладание на эмоциональном уровне, как активную, но негативную копинг-стратегию. Люди с алкогольной зависимостью иначе воспринимают и сами проблемные ситуации — часто отсутствие в доступе психоактивного вещества само по себе воспринимается ими как трудная ситуация. Результаты проведенного автором эмпирического исследования показали, что внутренний и внешний копинг-ресурсы аддиктов приводят к саморазрушающему поведению: их Я-концепция в значительной степени изменена, а социальная поддержка оценивается неадекватно высоко. Оба этих фактора обуславливают недифференцированность выбора копинг-стратегий в проблемных ситуациях.

Заключение и выводы

На основе анализа отечественных и зарубежных исследований относительно взаимосвязи Я-концепции и копингового поведения людей с алкогольной зависимостью можно сделать выводы, что их Я-концепция и копинг-стратегии

имеют свои особенности. Содержание и структура Я-концепции как основного копинг-ресурса личности различны у аддиктов и здоровых людей. В частности у лиц с алкогольной зависимостью не разделены образы Я-реальное и Я-идеальное, идеальный образ Я не сформирован и соединяется с реальным Я. Недостаточность представлений о себе приводит к недифференцированности представлений о возможных вариантах совладания с трудными жизненными ситуациями (Аванесян, 2003). Алкозависимые люди в большей степени склонны к выбору дезадаптивной копинг-стратегии «избегание», а также стратегии «поиск социальной поддержки». То есть и личностный, и средовой копинг-ресурсы располагают к саморазрушающему поведению: Я-концепция у аддиктов значительно искажена, а общий уровень социальной поддержки оценивается неадекватно высоко. Они имеют высокий уровень самопринятия и низкий уровень критичности в оценивании себя, для общения предпочитают чаще всего тех, кто также употребляет психоактивные вещества. Для них характерен высокий уровень стресса и тревожности, который выражается в напряженности, чувстве страха, мнительности и волнении, что проявляется в поведении.

Очевидно, что, несмотря на то что к настоящему времени алкоголизм как негативное социальное явление достаточно широко исследован учеными разных направлений, накоплен большой материал по профилактике, клинике, реабилитации, медико-социальным, экономическим его аспектам, — социально-психологический аспект проблемы остается недостаточно изученным и требует дальнейших научных исследований.

В частности, перспективным направлением может стать изучение субъективного значения трудных жизненных ситуаций для людей с алкогольной зависимостью. Оно поможет прийти к более четкому пониманию роли психоактивных веществ в ситуации стресса и выявить максимальный спектр способов, применяемых аддиктами в различных жизненных ситуациях.

Имеет смысл провести исследование некоторых других Я-образов, например Я-зеркальное или Я-возможное, что позволит специалистам выявить дополнительные способы социально-психологической адаптации данной группы лиц, увеличить спектр профилактических мероприятий, найти более эффективные и результативные методы взаимодействия с ними в реабилитационном процессе.

Основными направлениями для психокоррекции, способствующими разработке эффективных программ профилактики алкогольной зависимости, могут стать действия, имеющие своей целью формирование активного проблеморазрешающего поведения, которое поможет справиться с влечением к алкоголю.

При алкоголизме у человека формируется неадекватная форма копингового поведения, которая приводит к сокращению выбора копинг-стратегий и снижению личностных копинг-ресурсов. Поскольку копинг не зависит от наследственности, а представляет собой осознанный психологический процесс, который развивается на основе жизненного опыта, возможное обучение лиц с алкогольной зависимостью эффективным навыкам поведения, которые позволят увеличить выбор индивидуальных стратегий совладания со стрессом, развивать и исполь-

зовать имеющиеся ресурсы личности, а также коррекция социального окружения с обеспечением соответствующей социальной поддержки могут стать актуальным направлением процесса реабилитации и способствовать снижению количества людей, страдающих алкогольной зависимостью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Аванесян Г. Г. Особенности стратегий совладания и Я-концепции у людей, зависимых от психоактивных веществ: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2003.

Александровский Ю. А. Пограничные психические расстройства. М. : Просвещение, 2007. 251 с.

Антонова Е. А. Эмоциональная устойчивость как фактор педагогической деятельности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2011. № 11 (1). С. 100–104.

Джемс У. Психология. М., 1991.

Дутчина О. Б. Проблема развития Я-концепции личности студента. Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. унта, 2017. 100 с.

Иващенко А. В., Агапов В. С., Барышникова И. В. Проблемы Я-концепции личности в отечественной психологии // Мир психологии. 2002. № 2. С. 17–29.

Идрисова Е. В. Я-концепция аддиктивной личности // Образование и наука в России и за рубежом. 2018. № 5 (Vol. 40).

Козлов А. А., Рохлина М. П. Зависимость формирования наркоманической личности от предрасполагающих факторов. // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2001. № 5.

Копытов А. В., Виринская Д. Е. Копинг-стратегии у лиц подросткового и молодого возраста, страдающих алкогольной зависимостью // Медицинский журнал. 2010. № 4 (34). С. 80–85.

Короленко Ц. П. Аддиктивное поведение. Общая характеристика и закономерности развития // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. 1991. № 1. С. 8–15.

Морокова Е. А. Я-концепция больных алкоголизмом // Известия Иркутского государственного университета Серия: Психология. 2013. Т. 2, № 1. С. 66–73.

Москаленко В. Д., Шевцов А. В. Антиципация в семьях больных алкоголизмом и наркоманией (диады сын — отец) // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2001. № 4.

Налчаджян А. А. Социально-психическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии). Ереван : Изд-во АН Армянской ССР. 1988.

Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1995.

Сирота Н. А., Ялтонский В. М. Применение и внедрение программ реабилитации и профилактики зависимого поведения как актуальная задача российской клинической психологии // Медицинская психология в России. 2012. № 2. URL: http://mprj.ru/archiv_global/2012_2_13/nomer/nomer05.php (дата обращения: 02.12.2022).

Соколова Е. Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М., 1989.

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

Чхиквадзе Т. В., Беляева Е. Н. Особенности копинга и механизмов психологической защиты у лиц с алкогольной зависимостью // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15, № 1. С. 94–108.

Шпаковская Е. Ю. Исследование факторов психологической устойчивости к возникновению компьютерной игровой аддикции // Аспекты психологического здоровья в современных условиях: коллективная монография. Уфа : Аэтерна, 2016. С. 136–166.

Amirkhan J. H. Criterion validity of a coping measure // J. Pers. Assess. 1994. Vol. 62, № 2. P. 242–261.

Folkman S., Lazarus R. S. Coping as a mediator of emotion // Journal of Personality and Social Psychology. 1984. Vol. 54. P. 466–475.

Rosenberg M. Conceiving the Self. N. Y., 1979.

REFERENCES

Avanesjan, G. G. (2003). *Features of coping strategies and Self-concepts in people addicted to psychoactive substances*. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Sciences. Moscow. (In Russ.)

Alexandrovsky, Yu. A. (2007). *Borderline mental disorders*. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.)

Antonova, E. A. (2011). Emotional stability as a factor of pedagogical activity. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika*, 11(1), 100–104. (In Russ.)

Dzhems, U. (1991). *Psychology*. Moscow. (In Russ.)

Dutchina, O. B. (2017). *The problem of the development of the student's Self-concept of personality*. Khabarovsk : Izdatel'stvo Tihoookeanskogo gos. universiteta. (In Russ.)

Ivashchenko, A. V., Agapov, V. S., Baryshnikova I. V. (2002) Problems of Self-concept of personality in Russian psychology. *Mir psihologii*. No. 2, 17–29. (In Russ.)

Idrisova, E. V. (2018). Self-concept of an addictive personality. *Obrazovanie i nauka v Rossii i za rubezhom*. No. 5 (Vol. 40). (In Russ.)

Kozlov, A. A., Rokhlina, M. P. (2001). Dependence of the formation of a drug addict personality on predisposing factors. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S. S. Korsakova*, 5. (In Russ.)

Kopytov, A. V., Virinskaya, D. E. (2010). Coping strategies in adolescents and young people suffering from alcohol addiction. *Medicinskij zhurnal*, 4(34), 80–85. (In Russ.)

Korolenko, C. P. (1991). Addictive behavior. General characteristics and patterns of development. *Obozrenie psikiatrii i medicinskoj psihologii* 1, 8–15. (In Russ.)

Morokova, E. A. (2013). Self-concept of alcoholism patients. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psihologiya*, 2(1), 66–73. <https://cyberleninka.ru/arti>

cle/n/ya-kontsepsiya-bolnyh-alkogolizmom/viewer (In Russ.)

Moskalenko, V. D., Shevtsov A. B. (2001). Anticipation in families of patients with alcoholism and drug addiction (dyads son father). *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S. S. Korsakova*, 4. (In Russ.)

Nalchajyan, A. A. (1998). *Socio-psychological adaptation of personality (forms, mechanisms and strategies)*. Yerevan : Izdatel'stvo AN Armjanskoj SSR. (In Russ.)

Rogers, K. (1995) *A look at psychotherapy. The formation of man*. Moscow. (In Russ.)

Sirota, N. A., Yaltonskiy, V. M. (2012). Application and implementation of rehabilitation and prevention programs of dependent behavior as an urgent task of Russian clinical psychology. *Medicinskaja psihologija v Rossii*, 2. URL: [http://mprj.ru / archiv_global/2012_2_13/nomer/nomer05.php](http://mprj.ru/archiv_global/2012_2_13/nomer/nomer05.php) (In Russ.)

Sokolova, E. T. (1989). *Self-awareness and self-esteem in personality anomalies*. Moscow. (In Russ.)

Erickson E. (1996). *Identity: youth and crisis*. Moscow. (In Russ.)

Chikvadze, T. V., Belyaeva, E. N. (2018). Features of coping and psychological defense mechanisms in people with alcohol dependence. *Vestnik RUDN. Seriya: Psihologiya i pedagogika*, 15(1), 94-108. (In Russ.)

Shpakovskaya, E. Y. (2016). *Investigation of factors of psychological resistance to the emergence of computer gaming addiction. Aspects of psychological health in modern conditions: a collective monograph*. Ufa.: Aeterna, 136–166. (In Russ.)

Amirkhan, J. H. (1994). Criterion validity of a coping measure. *J. Pers. Assess.* Vol. 62, No. 2, 242–261.

Folkman, S., Lazarus, R. S. (1984). Coping as a mediator of emotion. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 54, 466–475.

Rosenberg, M. (1979). *Conceiving the Self*. N.Y.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Татьяна Васильевна Милаева — канд. психол. наук, доцент, старший научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, г. Сыктывкар, Россия.

Tatiana V. Milaeva — Cand.Sci. (Psychology), Associate Professor, Senior Researcher, Institute for Socio-Economic & Energy Problems of the North, Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS, Syktyvkar, Russia.

Статья поступила в редакцию 12.01.2023;
одобрена после рецензирования 04.03.2023;
принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted 12.01.2023;
approved after reviewing 04.03.2023;
accepted for publication 15.03.2023.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ И ПЕРВЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОПЫТ

BRIEF MESSAGES AND FIRST RESEARCH EXPERIENCE

Научная статья / Research Article

УДК 316.7 316.325

DOI: 10.14258/SSI(2023)1-08

Социальное и культурно-правовое значение «Чжоу И» («Книги Перемен»)

Шао Юйпэй¹,

Оксана Юрьевна Каплун²

---

¹Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия,
479294963@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-6481-4420>

²Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия,
kaplun.oi@dvvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1150-4269>

Аннотация. Статья посвящена обзору самой знаменитой и оригинальной китайской классической книги «Чжоу И» («Книги Перемен»). Актуальность работы заключается в том, что содержательная ценность «Чжоу И» давно и всесторонне изучена китайскими учеными, однако для читателей, не владеющих китайским языком, многие аспекты уникальной классической книги остаются малоизвестными. Показано, что текст «Чжоу И» гораздо более содержателен, чем комбинации гексаграмм для гаданий. Авторы статьи указывают, что «Чжоу И» использовали для обсуждения многих культурно-правовых вопросов. В «Книге Перемен» содержатся записи о проблемах упорядочивания вопросов собственности и других имущественных отношений. Такое обсуждение способствовало не только

урегулированию вопросов управления имуществом, но и закрепляло древнюю традицию следования путем морали и добродетели. В статье представлено, что сфера брачно-семейных отношений, основанная на обряде помолвки и нашедшая отражение в «Книге Перемен», легла в основу всей будущей брачной системы Китая на многие поколения вперед. Авторы показывают, что отдельная глава «Чжоу И» посвящена правилам наследования дел. Именно в данном разделе «Книги Перемен» говорится о том, что в Китае основополагающим принципом становится наследование по мужской линии. Большое внимание в «Книге Перемен» уделяется формам, видам и способам исполнения наказания, а также системе приведения доказательств. В статье подчеркнута значимость социальных и культурно-правовых ценностей «Чжоу И», во многом обусловивших специфику правовой системы Китая.

Ключевые слова: Китай, Книга перемен, И цзин, Чжоу И, философия права, наказание, брак и семья, безопасность

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда ДВФУ и Дальневосточного федерального университета (проект № 22-08-06-006. Философия права: соотношение преступления и наказания как проблема социальной справедливости и эффективности в эпоху глобализации).

Для цитирования: Шао Юйпэй, Каплун О.Ю. Социальное и культурно-правовое значение «Чжоу И» («Книги Перемен») // Society and Security Insights. 2023. Т. 6, № 1. С. 125–134. doi: 10.14258/ssi(2023)1-08.

The «Zhou Yi» («Book of Changes») in the Social and Cultural Context

Shao Yupei¹,
Oksana Yu. Kaplun²

¹Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia,
479294963@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-6481-4420>

²Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia,
kaplun.oi@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1150-4269>

Abstract. The article deals with the tradition of classical Chinese text «The Book of Changes». The relevance of the work lies in the fact that the value of “Zhou Yi” has been thoroughly studied by Chinese scientists, but for readers who do not speak Chinese, many aspects of the unique classic book are little known. It is shown that the text of «Zhou Yi» is much more meaningful than combinations of hectograms. The authors of the article point out that “Zhou Yi” was used to discuss many cultural and legal issues. The “Book of Changes” contains entries about the problems of ordering property issues. Such discussion contributed not only to the settlement of property management issues, but also consolidated the ancient tradition of following the morality and virtue. The article presents that the sphere of marriage and the family relations, based on the engagement ceremony, formed the basis of the entire future marriage system of China for many gener-

ations. The authors show that a separate chapter “Zhou Yi” is devoted to the rules of inheritance. In this section of the “Book of Changes” inheritance in the male line becomes the fundamental principle in China. This article emphasizes that much attention in the “Book of Changes” is paid to the forms, types and methods of execution and punishment, as well as the system of evidence. The article provides an analysis of the social, cultural and legal ideas of «Zhou Yi», which determined the specifics of the Chinese legal system.

Keywords: China, the Book of Changes, I Ching, Zhou Yi, Philosophy of Law, Punishment, Marriage and Family, security

Financial Support: the work was supported by the Far Eastern Federal University Foundation, Project № 22-08-06-006 The Philosophy of law: crime and punishment as a problem of the social justice and efficiency in the era of globalization.

For citation: Yupei, Shao, Kaplun, O. Yu. (2023). The «Zhou Yi» («Book of Changes») in the Social and Cultural Context. *Society and Security Insights*, 6(1), 125–134. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2023)1-08.

Введение

«Чжоу И» — «Книга перемен» — древнейший памятник китайской науки и культуры. Известный исследователь Востока А.И. Кобзев считает, что «Книга перемен» — китайская «книга книг», наиболее авторитетное и оригинальное произведение канонической и философской литературы, стоящее во главе конфуцианского «Пятиканония» («У цзин») и неоконфуцианского «Тринадцатиканония» («Ши-сань цзин»), оказавшее фундаментальное духовное воздействие на всю синическую цивилизацию, т.е. самого Китая и культурно зависимых стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, а также одно из величайших и наиболее загадочных творений человечества — самый древний и почитаемый в мире оракул, одновременно считающийся родоначальником современных компьютерных технологий» (Кобзев, 1994). Кроме того, исследователи считают, что «в Китае и соседних странах „Чжоу И“ играл такую же роль, как труды Аристотеля в средневековой Европе».¹

Что касается оригинального названия книги 《周易》 («Чжоу И»), то, по мнению ученых, каждый из двух иероглифов, составляющих название «Чжоу И», может быть понят по крайней мере трояко (Кобзев, 1994). Так, «Чжоу» — это 1) имя династии, правившей в Китае, и хронологическое обозначение данной эпохи; 2) слово, имеющее значение «оборот, круг, цикл»; 3) слово со значением «езде, повсюду, полный, исчерпывающий». Иероглиф «и» — 1) «легкий, нетрудный»; 2) «перемена, метаморфоза»; 3) «неизменность, твердость» (Кобзев, 1994). Таким образом, сочетание этих двух иероглифов и дало название книги, которое на русский язык чаще всего переводят как «Книга Перемен», встречается также название «Канон перемен».

Что касается разделов книги, то в отечественной научной литературе принято выделять две части текста. Так, А.И. Кобзев отмечает, что «Чжоу И» состоит из двух частей. Первая часть — «И цзин» включает в себя каноническую часть (в двух разделах), вторая часть — «И чжуань» — содержит комментарии (Кобзев, 1994).

¹ Тракта́т «Чжоу И» – Книга перемен («И цзин»). URL: <https://vikent.ru/enc/1556/>

В англоязычной литературе встречается указание на то, что трактат «Чжоу И» состоит из трех частей: два канонических раздела «И цзин» и один комментирующий — «И чжуань». Так, в Стэнфордской философской энциклопедии указано, что «Книга перемен» представляет собой составной текст, состоящий из трех отдельных разделов. Первый раздел состоит из восьми триграмм и 64 гексаграмм. Второй частью являются комментарии о гексаграммах. Третий раздел, по мнению зарубежных исследователей, включает в себя семь фрагментов преданий, разделенных на десять сегментов (отсюда и название «Десять крыльев»). В энциклопедии также указано, что к 125 г. до н.э. эти три раздела были объединены (Hon Tze-Ki, 2019).

Древний трактат, традиционно привлекающий внимание востоковедов, в последние годы стал центром изучения представителей многих других наук. Так, математиков интересует нумерологический принцип, логико-математическая схема представления комбинаций гектограмм. Авторы труда «Принцип нумерации гексаграмм в Книге Перемен» отмечают, что, согласно преданиям, Книга была создана около 5000 лет назад первым китайским императором Фу Си — исследователем природы вещей и явлений, существующих на небе и на земле. Именно этот китайский император, как гласят древнекитайские исторические хроники, познав законы бытия и развития вещей и явлений, увидел, что они имеют общий алгоритм (Фомюк, 2006: 6).

Исследователи трактата «Чжоу И» считают, что развитие вселенной ярко изображается в восьми триграммах и 64 гексаграммах. Например, триграммы представляют собой графическое представление смещения космических сил «инь» и «ян» (Шашин, 2011: 20). Различные комбинации прямой линии (—), представляющей энергию «инь», и прерывистой линии (— —), представляющей силу «ян». С двумя триграммами гексаграмма символизирует взаимодействие двух наборов конфигурации «инь» и «ян», демонстрируя множество способов, которыми силы «инь» и «ян» взаимодействуют и трансформируют друг друга. Такие триграммы символизируют постоянное обновление космоса и сотворение им бесчисленного множества вещей (Hon Tze-Ki, 2019).

Известный физик, популяризатор науки Фритьоф Капра подчеркивает ценность «Чжоу И» и отмечает, что, согласно этому трактату, все явления имеют динамический характер. «Важнейшее послание «Книги Перемен» — представление о непрерывных и бесконечных превращениях и преобразованиях всего сущего» (Капра, 2017: 181). В основе философии и перемен «Чжоу И» лежит представление о том, что космос — процесс без начала и конца. Как процесс космос напоминает великий поток, в котором «все части принадлежат одному органическому целому и взаимодействуют как участники единого спонтанно самопорождающегося процесса» (Ту, 1986). Соответственно у космоса есть три характеристики: непрерывность, целостность и динамизм. Великий поток непрерывен, потому что никогда не останавливается в обновлении; целостен, потому что включает в себя всё во вселенной и проникает во все аспекты жизни; динамичен, потому что полон движения и движения, все время порождая энергию и силу. В этом космическом

потоке нет различия между миром природы и миром людей, наблюдающим субъектом и наблюдаемым объектом, внутренним и внешним миром (Ту, 1986). Все является частью всеобщих перемен, которые никогда не прекращаются.

Итак, «Чжоу И» — это значительно больше, чем настольная гадальная книга. В Древнем Китае гексаграммы использовали для обсуждения космических явлений, сложностей человеческого существования, взаимоотношений между человеком и природой. Кроме того, идеи великой книги «Чжоу И» оказали влияние на построение социально-правовой системы древнекитайского общества. Однако именно эти идеи, социальные и культурно-правовые ценности, изложенные в «Книге перемен», все еще остаются малоизученными. Восполним этот пробел, отметим некоторые идеи «Чжоу И», которые оказали влияние на построение социально-правовой системы древнекитайского общества.

Методология исследования

Основным методом выполнения данного исследования стал метод диалектики как общенаучный метод познания, позволяющий изучать явления и процессы окружающей действительности в их историческом развитии, а также частнонаучные методы, в том числе социально-психологический, историко-юридический, системно-правовой в их различных сочетаниях. Вместе с тем в работе использовался рецептивный метод. Российские ученые подчеркивают, что рецепция — один из важнейших концептов современной гуманитарной науки, который позволяет пролить свет на ретроспективный процесс восприятия и его соотношение с современной интерпретацией артефактов культуры (Мельникова, 2012: 239). В данном исследовании рецепции был подвергнут текст самой знаменитой и оригинальной китайской классической книги «Чжоу И» («Книги Перемен»).

Результаты и их обсуждение

Идеи «Чжоу И» («Книги перемен»), оказавшие влияние на развитие гражданского права

Во-первых, в «Чжоу И» содержатся записи о системе собственности. Строка «Вся земля под необъятным Небом принадлежит императору» (кит. “溥天之下，莫非王土”) указывает на то, что земля является собственностью Чжоу Тяньцзы, или Сына неба. В Книге упоминается о распространении и закреплении системы управления землей, при котором все в стране принадлежало Верховному Правителю, феодалы получали уделы от Сына Неба. Российские исследователи отмечают, что эпоха Западного Чжоу развивала частные правоотношения, передавая землевладения в индивидуальную собственность. Кроме того, существовала система общинного землепользования, система совместной обработки земли («колхозные поля») (Щанкин, 2020: 42).

Кроме записей о распоряжении землей, в «Чжоу И» содержится информация об управлении движимым имуществом. В то время право собственности на движимое имущество появлялось при получении его в подарок, купле-продаже, благодаря рыбалке и охоте, а также захвату в качестве военного трофея. При этом

люди, пленники тоже считались имуществом хозяина (Ye, 2013) Захваченных пленников можно было использовать в качестве слуг, работников, наложниц.

Особое внимание в «Чжоу И» уделяется возвращению потерянного (кит. “迷复归”), предполагается, что в случае побега потерянный крупный рогатый скот или другое утраченное имущество будет возвращено первоначальному владельцу. В Книге в части «Фу Шанью» (кит. 复上六) есть упоминание: «невозврат утерянного классифицируется как преступление» (кит. “迷复, 凶”). Данный отрывок напрямую указывает, что нашедший может получить вознаграждение от первоначального владельца, в противном случае, если обнаруживший не вернет чужое утерянное имущество, то будет осужден. Таким образом, тексты «Чжоу И» поощряют людей возвращать то, что они нашли, тем самым поддерживать установленный древними ритуалами социальный порядок.

Во-вторых, «Чжоу И» содержит записи, регулирующие коммерческую деятельность, ведение торгового дела. В «Книге перемен» есть тексты, которые современные люди назвали бы мотивирующими. В части «Кунь» (кит. 坤) записано: «Благородный муж долго ожидает — сначала теряет, потом приобретает» (кит. “君子有攸往, 先迷后得主, 利”). Иными словами, новички, которые только начинают заниматься бизнесом, сначала не имеют никакого опыта, но, научившись у других, они получают преимущества, разного рода выгоду (Yang, 2016: 25). Кроме того, в «Чжоу И» есть фрагменты, в которых, по мнению некоторых ученых, описывается своеобразный прообраз современного договора купли-продажи, содержащий описание последовательности действий при сделках: «пока соглашение не достигнуто, продавцу не нужно нести обязательств по перемещению товара, а покупателю не нужно платить до тех пор, пока товар не будет увиден» (Yang, 2016: 26).

В-третьих, идеи «Книги перемен» охватывают область семьи и брака. В династии Чжоу соблюдалась моногамия, но позволялось иметь множество наложниц. При этом в одной из записей Книги есть упоминание «скот, прислуга и наложницы — это счастье» (кит. “畜臣妾吉”). Такое задокументированное однородное перечисление наложниц в одном ряду с домашним скотом показывает, что социальный статус женщин в основном был очень низким. Хотя допускались исключения, в некоторых семьях к наложницам могли относиться как к достойным женам, если они рожали детей, особенно если удавалось родить мальчика — продолжателя династии.

В Древнем Китае существовала особая брачная система — сорорат, согласно которой сестры, тети и племянницы могли выходить замуж за одного и того же человека. Так, в «Книге перемен» (“归妹六三”) описывается случай, когда старшая и младшая сестры вышли замуж за одного и того же мужчину и обе были покинуты им (кит. “归妹以须, 反归以娣”). Это довольно типичная ситуация для того времени, в котором женщины были обязаны быть преданными мужу, а мужчины могли иметь несколько партнерш. Такое положение вещей, на наш взгляд, свидетельствует о невысоком социальном статусе женщин в то время.

Однако в целом система семьи и брака, заложенная в древности и нашедшая отражение в «Книге перемен», стала эталоном для последующих поколе-

ний, она существует и в настоящее время (Huang, 2000: 130). Так, мужчина, желающий жениться на женщине, должен прислать дары семье невесты, принятие подарков является согласием на брак и становится первым из шести древних ритуальных обрядов, которые и по сей день, в большей или меньшей степени, соблюдаются до заключения брака. Еще один принцип, заложенный в глубокой древности, – это то, что решение о браке принималось родителями молодых: «решение родителей, слова свахи» (кит. “父母之命, 媒妁之言”). Иными словами, родители выбирали брачного партнера, а от свахи требовалось активное участие на всех этапах заключения брака. Именно на основе этого принципа создавались почти все семьи во времена феодального Китая. Однако в «Чжоу И» описаны некоторые ситуации, которые не соответствуют этому принципу. В древнем писании «Гуань Люэр» (кит. 观·六二) есть строка: «подглядывание принесло пользу целомудрию» (кит. “窥观, 利女贞”). Здесь говорится о женщине, которая, тайно понаблюдав за человеком, который хочет на ней жениться, самостоятельно принимала решение, выходить ей за него замуж или нет. Таким образом, в начале династии Чжоу свадебные обычаи и ритуалы были более свободными.

Четвертое — идеи о порядке наследования. Интересно отметить, что в «Чжоу И» есть гексаграммы, связанные с наследованием. В главе-триграмме “Гу” (кит. 蛊) рассказывается о правилах наследования дел семьи, которые четко требуют, чтобы дети унаследовали профессию от своего отца, а не от матери (кит. 在《蛊·九二》中记载: “干母之蛊, 不可贞”). Таким образом, в «Книге Перемен» отражен переход от раннего матрилинейного к патрилинейному обществу; патриархальный принцип сменил матриархальный в системе наследования.

Идеи, содержащиеся в «Чжоу И» («Книге Перемен»), оказавшие влияние на развитие уголовного права

Во-первых, в «Чжоу И» подчеркивается, что наказание следует применять обдуманно и осторожно (кит. 《旅·象》当中记载: “君子以明慎用刑”).

Во-вторых, в «Книге перемен» обозначены основные виды наказания, в том числе смертная казнь. В Китае с древности наказание являлось воздаянием за совершенное преступление и использовалось с целью устрашения. С. И. Кучера отмечает, что действовала «довольно жестокая пенитенциарная система, рассчитанная на наведение порядка путем страха и запугивания» (Кучера, 2014: 60).

Для обозначения понятия «наказание» в Древнем Китае использовали иероглиф «син» (кит. 刑). О. Г. Моисеева отмечает, что «син» состоит из фонемы «цзин» и семантемы «нож» (Моисеева, 2018: 43). В Древнем Китае сложилась система наказания «у син», которая включала в себя клеймение (татуирование), отрезание носа, отрубание одной или обеих ног (ступней), кастрацию и смертную казнь. На практике применяемые наказания были гораздо разнообразнее (Моисеева, 2018: 44). У каждого вида наказания была конкретная форма исполнения. Наиболее широко были распространены телесные наказания. Чаще всего применялось снятие кожи, отрезание носа, а также отрубание конечностей. При этом рекомендовалось сначала отрезать нос, затем — пальцы на ногах. Кроме того, при-

менялись разные виды порок: наказание плетью, розгами, тростью. Часто виды наказания использовались в сочетании: человеку могли отрезать руки, ноги или уши и еще наказывать розгами (деревянными полосками били до тех пор, пока кожа не начинала слезать). Виды наказаний в целом и способы исполнения смертной казни в частности, упоминаемые в «Чжоу И», были очень жестокими.

Идеи «Книги Перемен», оказавшие влияние на развитие судебной системы в Китае

Во-первых, в «Чжоу И» описана система присяги. Присяжная система была очень популярна во Древнем Китае. Система судебной присяги была лишь одной из форм разнообразных клятв (например, присягали на верность феодалам, правителю).

Во-вторых, введение системы доказательств. Слово «Фу» (кит. 孚) в значении «доказательство» много раз встречается в «Чжоу И». Например, есть записи, которые на русский язык можно перевести как «нет Фу (доказательств), нет вины» (кит. “有孚比之, 无咎”).

В-третьих, в «Книге перемен» заложена традиция обозначения должностей судей. Чаще других наименований встречается должность судьи под названием «судья дажэнь» (кит. 大人, досл. большой человек). В части «Сун Туань» (кит. 讼·象) упоминается: «Став большим человеком, уважать справедливость» (“利见大人, 尚中正也”). Фраза означает, что в процессе рассмотрения дела судьям полагается сохранять нейтральную и беспристрастную позицию. Выдающийся российский ученый В.Е. Еремеев, подробно анализируя соотношение добродетелей и триграмм, подчеркивает, что в «Книге Перемен» преобладают идеи необходимости человека служить высшим идеалам, невзирая на потерю сиюминутных низменных выгод. Долг человека — отвечать на милость «благодарностью», «отдавая» со временем полученное ранее. Тем самым вершится «справедливость». В свою очередь, такая жизненная позиция влечет за собой состояние «умиротворенности». Всем этим понятиям противостоит «свокорыстие» (Еремеев, 2005: 237).

Заключение

Итак, следует подчеркнуть, что тексты «Чжоу И» представляют ценность как древнейший письменный источник, содержащий уникальные исторические материалы. Социальные и культурно-правовые идеи, изложенные в книге, оказали влияние на формирование гражданского и уголовного права, а также развитие судебной системы в Китае.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Еремеев В.Е. Символы и числа Книги перемен. М. : Ладомир, 2005. 600 с.

Капра Ф. Дао физики. Исследование параллелей между современной физикой и восточной философией. М. : МИФ, 2017. 317 с.

Кобзев А.И. Учение о символах и числах в китайской классической философии. М., 1994. 432 с.

Кучера С. И. «Гласные» и «негласные» законы Древнего Китая // Общество и государство в Китае. 2014. № 2. С. 40–113.

Мельникова Е. Г. Понятие рецепции: современные исследовательские подходы к анализу текстов культуры // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 3. С. 239–242.

Моисеева О. Г. Цели и виды наказаний в традиционном праве Китая // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 6. С. 42–46.

Фомюк Г. А., Кудина Е. А. Принцип нумерации гексаграмм в Книге Перемен. Киев: Орияны, 2006. 144 с.

Шашин З. С. Представление о времени в книге перемен // Вестник ВятГУ. 2011. № 4-1. С. 18–22.

Щанкина Л. Н., Заиченко А. А. Имущественные отношения в Древнем Китае // Право, экономика и управление: от теории к практике: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Чебоксары, 21 мая 2020 г.). Чебоксары, 2020. С. 41–45.

Hon Tze-Ki. Chinese Philosophy of Change (Yijing) / The Stanford Encyclopedia of Philosophy, Edward N. Zalta (ed.). URL: <https://plato.stanford.edu/entries/chinese-change/> (дата обращения: 22.02.2023)

Huang S. Ten thousand businesses would thrive in a harmonious family: Chinese conflict resolution styles in cross-cultural families // Intercultural Communication Studies. 2000. Т. 9, № 2. С. 129–144.

Tu W. Confucian thought: Selfhood as creative transformation. Albany, NY: State University of New York Press. 1986. 203 p.

杨婕.《周易》中的法律规则及其功能主义分析. 内蒙古大学, 2016. P. 25-26.

叶鹏煌.《周易》中的司法文化[J]. 现代哲学. 2013. No. 6. P. 7-10.

REFERENCES

Eremeev, V. E. (2005). *Symbols and Numbers of the «Book of Changes»*. Moscow : Lodomir. (In Russ.).

Capra, F. (2017). *Tao of Physics. An Exploration of the Parallels between Modern Physics and Eastern Philosophy*. Moscow: MIF. (In Russ.)

Kobzev, A. I. (1994). *The Doctrine of Symbols and Numbers in Chinese Classical Philosophy*. M. (In Russ.).

Kuchera, S. I. (2014). Official and nonofficial laws of ancient China. *Society and State in China*, 2, 40–113. (In Russ.).

Melnikova, E. G. (2012). The concept of reception: modern approaches to the analysis of cultural texts. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 3, 239–242. (In Russ.).

Moiseeva, O. G. (2018). Purposes and Types of Punishment in the Traditional Law of China. *Izvestia of Altai State University*, 6, 42–46. (In Russ.).

Fomuk G. A., Kudina E. A. (2006). *The Principle of Numbering Hexagrams in the Book*

of *Changes*. Kyiv: Oriyany. (In Russ.).

Shashin, Z. S. (2011). Representation of time in the book of changes. *Vestnik VyatGU*, 4(1), 18–22. (In Russ.)

Shchankina, L. N., & Zaichenko, A. A. (2020). Property Relations in Ancient China. In: *Law, Economics and Management: From Theory to Practice: Materials of the All-Russian. scientific-practical. conf. with international participation* (Cheboksary, May 21, 2020, pp. 41–45). Cheboksary. (In Russ.).

Hon, Tze-Ki. (n. a.) Chinese Philosophy of Change (Yijing) / *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, Edward N. Zalta (ed.). <https://plato.stanford.edu/entries/chinese-change>.

Huang, S. (2000). Ten thousand businesses would thrive in a harmonious family: Chinese conflict resolution styles in cross-cultural families. *Intercultural Communication Studies*, 9(2), 129–144.

Tu, W. (1986). *Confucian thought: Selfhood as creative transformation*. Albany, NY: State University of New York Press.

Yang, Jie. (2016). Analysis of Legal Rules and their Functionalism in “Zhouyi”. *Inner Mongolia University*, 25–26. (In Chinese).

Ye, Penghuang. (2013). Judicial Culture in “Zhouyi”. *Modern Philosophy*, 6, 7–12. (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Шао Юйпэй — аспирант Департамента философии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия.

Shao Yupeí — Ph.D student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Оксана Юрьевна Каплун — канд. социол. наук, доцент, доцент Департамента психологии и образования Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия.

Oksana Kaplun — Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor at the Department of Psychology and Education of Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Статья поступила в редакцию 01.03.2023;
одобрена после рецензирования 15.03.2023;
принята к публикации 25.03.2023.

The article was submitted 01.03.2023;
approved after reviewing 15.03.2023;
accepted for publication 25.03.2023.

Научная статья / Research Article

УДК 316.3

DOI: 10.14258/SSI(2023)1-09.

Редкие (орфанные) заболевания: социально-правовой аспект

Вера Сергеевна Зубкова¹,
Ирина Ивановна Игнатовская²,
Марине Геворговна Могробян³

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
zvs89@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6156-6839>

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
irign2010@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8752-4015>

³Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
marina1999-9999@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме обеспечения права на охрану здоровья и медицинскую помощь, организации и оказания медицинской помощи детям с редкими (орфанными) заболеваниями. Данная тема является актуальной, что обусловлено повышенным вниманием к ней не только в России, но и во всем мире. Связано это в основном с высоким уровнем экономического и социального бремени редких болезней. К орфанным относятся врожденные (наследственные) или приобретенные заболевания, частота которых в стране и мире не превышает определенного числа, установленного законодательствами различных стран.

Низкая частота встречаемости редких (орфанных) заболеваний приводит к трудности в получении полезной, надежной и своевременной информации о патологии; трудности постановки диагноза; отсутствию адекватного диспансерного наблюдения; ограничению бюджетных ассигнований для разработки орфанных лекарственных препаратов и, как следствие, своевременного получения лицами, страдающими редкими (орфанными) заболеваниями, своевременного и соответствующего лечения.

Авторами рассмотрены проблемы понимания редких (орфанных) заболеваний, доступности лекарственной помощи лицам, страдающим орфанными заболеваниями, а также механизмы финансового обеспечения этой помощью. Исследуются исторические предпосылки возникновения правового регулирования редких заболеваний и разработки лекарственных препаратов, а также практики российской нормативно-правовой регуляции вопросов, связанных с орфанными заболеваниями, как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: здоровье граждан, медицинская помощь, редкие (орфанные) заболевания, налоговое законодательство

Для цитирования: Зубкова В.С., Игнатовская И.И., Могробян М.Г. Редкие (орфанные) заболевания: социально-правовой аспект // Society and Security Insights. 2023. Т. 6, № 1. С. 135–144. doi: 10.14258/ssi(2023)1-09.

Rare (Orphan) Diseases: Socio-Legal Aspect

Vera S. Zubkova¹,
Irina I. Ignatovskaya²,
Marine G. Mogrobyan³

¹Altai State University, Barnaul, Russia,
zvs89@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6156-6839>

²Altai State University, Barnaul, Russia,
irign2010@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8752-4015>

³Altai State University, Barnaul, Russia,
marina1999-9999@mail.ru

Annotation. The article is devoted to the problem of ensuring the right to health protection and medical care, organization and provision of medical care to children with rare (orphan) diseases. This topic is relevant, which is due to the increased attention to it not only in Russia, but also around the world. This is mainly due to the high level of economic and social burden of rare diseases. Orphan diseases include congenital (hereditary) or acquired diseases, the frequency of which in the country and the world does not exceed a certain number established by the laws of various countries.

The low incidence of rare (orphan) diseases leads to difficulties in obtaining useful, reliable and timely information about the pathology; the correctness of the diagnosis; the lack of adequate dispensary supervision; limited budget allocations for the development of orphan medicines and, as a consequence, timely receipt by persons suffering from rare (orphan) diseases, timely and appropriate treatment.

The authors consider the problems of understanding rare orphan diseases, the availability of medical care to people suffering from orphan diseases, as well as the mechanisms of financial provision of this assistance. Exploring the historical prerequisites for the emergence of legal regulation of rare diseases and the development of medicines, as well as the practice of Russian regulatory regulation of issues related to orphan diseases, both at the federal level and at the level of the subjects of the Russian Federation.

Keywords: public health, medical care, rare (orphan) diseases, tax legislation

For citation: Zubkova, V.S., Ignatovskaya, I.I., Mogrobyan, M.G. (2023). Rare (Orphan) Diseases: Socio-Legal Aspect // *Society and Security Insights*, 6(1), 135–144. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2023)1-09.

Введение

Российская Федерация, активно проводя социальную политику, стремится максимально эффективно обеспечить каждому гражданину достойный уровень жизни, благодаря которому такие социальные ценности, как семья (материнство, отцовство, детство), будут надлежащим образом защищены. Исследуются исторические предпосылки возникновения правового регулирования редких заболеваний и разработки лекарственных препаратов, а также практика российской нормативно-правовой регуляции вопросов, связанных с орфанными заболева-

ниями, как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации. Современное поколение не стремится рано рожать детей, в большинстве семей только один ребенок, а в некоторых семьях, к сожалению, рождаются больные дети, в том числе и с редкими заболеваниями. Эта проблема является актуальной для современного мира, а особенно для Российской Федерации. В данной статье речь пойдет о редких (орфанных) заболеваниях. Цель статьи — выявить современное состояние регулирования орфанных заболеваний в Российской Федерации.

Редкие (орфанные) заболевания (далее — редкие заболевания) являются новым глобальным приоритетом общественного здравоохранения, требующим основанной на фактических данных оценки глобальной точечной распространенности для информирования государственной политики. Редкие заболевания многочисленны, разнородны по своей природе и географически разрознены. Некоторые из них можно предотвратить или излечить, но большинство из них являются хроническими, а многие приводят к ранней смерти. Несмотря на свою неоднородность, они имеют общие черты, связанные с их редкостью, что требует комплексного подхода со стороны общественного здравоохранения. Проблемы, связанные с их низкой распространенностью: недостаток знаний и нехватка опыта, а также их хронический, дегенеративный и опасный для жизни характер — привели к тому, что редкие заболевания стали приоритетом общественного здравоохранения в Европе и России (Панфилова, 2018). Большинство редких заболеваний являются опасными для жизни и хронически изнурительными состояниями, и подавляющее большинство из них генетически обусловлено. Их низкая индивидуальная распространенность требует особых совместных усилий, чтобы улучшить их диагностику, лечение и профилактику. Хотя сложно разработать политику общественного здравоохранения для каждого редкого заболевания, можно использовать глобальный, а не разрозненный подход в областях научных и биомедицинских исследований, исследований и разработок лекарственных средств, отраслевой политики, информации и обучения, социальных льгот, госпитализации и амбулаторного лечения.

Методология исследования

В сравнительно-правовом ключе анализируется законодательство зарубежных государств, регулирующее сферу орфанных заболеваний и орфанных лекарственных препаратов. Одним из основных методологических приемов исследования в статье является компаративистский подход, представленный в работе Н. С. Волковой (2018). Исследование базируется на формально-юридическом подходе, который позволит определить сущность редких заболеваний в конкретных нормативных актах. Применяется также метод текстологического контент-анализа нормативно-правовых актов. В исследовании используется исторический подход, связанный с изучением динамики развития редких заболеваний в России, а также опыт зарубежных стран в создании законов и специальных информационных ресурсов. Использовались материалы и статистические данные

Европейской организации редких заболеваний, отчеты Комитета по орфанным препаратам, зарубежные источники информации.

Результаты и их обсуждение

Редкие заболевания — это заболевания, которые выявлены у небольшого количества людей (детей и взрослых) по отношению к населению в целом (Михайленко, 2018). От этого и возникают определенные вопросы и сложности в связи с их редкостью. Так, в США под орфанными понимают «болезни или состояния, затрагивающие менее 200 000 людей в США». В Японии к орфанным относят болезни, которым подвержены менее 50 000 пациентов в стране. В Европе болезнь считается редкой, когда она поражает 1 из 2000 людей (Батова, 2021). Заболевание может быть редким в одном регионе, но обычным явлением в другом. Согласно положениям Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» № 323-ФЗ¹ в настоящее время редкие (орфанные) заболевания имеют распространенность не более 10 случаев на 100 тыс. чел. Данное определение не раскрывает сущность этого понятия и является не совсем понятным. На наш взгляд, под редкими (орфанными) заболеваниями необходимо понимать врожденные или выявленные тяжелые жизнеугрожающие и хронические заболевания, указанные в соответствующем Перечне, имеющие распространение не более 10 случаев на 100 тыс. чел., которые приводят к инвалидности или смерти.

На сегодняшний день открыто от 6 до 7 тыс. редких заболеваний, а в медицинской литературе регулярно описываются новые заболевания. Количество редких заболеваний зависит также от степени специфичности, используемой при классификации различных состояний или нарушений (Витковская, 2019). До сих пор в области медицины заболевание определялось как изменение состояния здоровья, которое проявляется в виде уникального набора симптомов после одного лечения. Редкие заболевания — это серьезные, часто хронические и прогрессирующие заболевания. Признаки многих редких заболеваний могут наблюдаться при рождении или в детстве, как в случае проксимальной спинномозговой атрофии, нейрофиброматоза, несовершенного остеогенеза, хондродисплазии или синдрома Ретта. Более 50% орфанных заболеваний проявляются только в зрелом возрасте (например, болезнь Хантингтона, болезнь Крона, болезнь Шарко-Мари-Тута и др.). К редким (орфанным) заболеваниям на территории Российской Федерации относят 258 различных болезней. Перечень опубликован на официальном сайте Министерства здравоохранения России, это преимущественно генетические заболевания, а также редкие формы рака. По данным Минздрава России, пациентов, страдающих редкими (орфанными) заболеваниями, насчитывается порядка 13 тыс. чел. Однако по экспертным оценкам их число превышает 2 млн (Волкова, Аксу, 2018.). Точное выявление числа лиц, страдающих орфанными заболеваниями, усложняется тем, что подходы к определению таких заболеваний в разных государствах разнятся. Не выработана единая методология определения орфанных заболеваний и на международном уровне.

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/

Сегодня в нашей стране людям, страдающим редкими (орфанными) заболеваниями, оказывается определенная помощь. В России есть две программы лекарственного обеспечения пациентов с редкими (орфанными) заболеваниями: «7 нозологий» и «24 нозологии». Эти две программы в законодательстве так не именованы. В ч. 7 ст. 44 ФЗ № 323 есть перечень заболеваний, который, исходя из ч. 10 этой же статьи, финансируется за счет средств федерального бюджета, а также есть перечень жизнеугрожающих и хронических прогрессирующих редких (орфанных) заболеваний, приводящих к сокращению продолжительности жизни граждан или их инвалидности, который, согласно ч. 9 ст. 83 ФЗ № 323, финансируется за счет бюджетов субъектов Российской Федерации. Со временем «в народе» их стали называть «7 нозологий» и «24 нозологии», семь — так как до 2019 г. перечень включал в себя лишь семь заболеваний, а 24 — так как в вышеуказанном перечне, который финансируется из регионального бюджета, было до 2019 г. 24 заболевания. С 1 января 2019 г. законодатель внес изменения, тем самым расширил перечень, финансируемый из федерального бюджета; соответственно заболеваний, финансируемых из регионального бюджета, стало на пять меньше. В 2020 г. первая программа была расширена еще четырьмя заболеваниями, но несмотря на все это, «в народе» эти перечни называют по-прежнему.

Обеспечение лекарственными препаратами указанных лиц осуществляется по перечню лекарственных препаратов, утверждаемому Правительством Российской Федерации и формируемому в установленном им порядке. Для того чтобы государство знало, кто страдает редкими (орфанными) заболеваниями, входящими в вышеуказанные перечни, в России ведется Федеральный регистр.

Ведение Федерального регистра осуществляется уполномоченным федеральным органом исполнительной власти в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. Таким образом, в современной России выработан свой механизм обеспечения доступной лекарственной помощи пациентам с редкими заболеваниями. В настоящее время на территории Российской Федерации проживают тысячи детей, страдающих редкими (орфанными) заболеваниями. В Алтайском крае на 1 января 2022 г., согласно данным, предоставленным Министерством здравоохранения Алтайского края, проживает 206 человек с редкими (орфанными) заболеваниями (среди них 122 ребенка).

Для большинства редких заболеваний не существует эффективного лечения, поэтому вся терапия сводится к поддержанию состояния здоровья пациента и увеличению продолжительности его жизни с помощью орфанных препаратов и специализированного питания.

Дети с орфанными заболеваниями не могут ждать, пока чиновники от Минздрава закупят препарат и доставят его в аптеки, помощь нужна не «в срок до 30 дней», а немедленно. На социальное лекарственное обеспечение по закону выделяется 863,75 рубля в месяц на человека. Стоимость препаратов в тысячи, а то и в сотни тысяч раз превышает этот лимит. В России зарегистрирован препарат для лечения спинальной мышечной атрофии — «Спинраза» (Нусинерсен). Стоимость одной инъекции составляет 125 тысяч рублей. Закупка препарата

возлагается на регионы, однако из-за цены лекарства местные чиновники в большинстве случаев отказываются его закупать.

Соответственно, как отметит уполномоченный по правам ребенка в Алтайском крае Ольга Казанцева, постоянно поступают жалобы на то, что лекарственный препарат «Спинраза» (Нусинерсен) не закупается. Дело доходит до судебных разбирательств, то есть родители детей, страдающих редкими (орфанными) заболеваниями, обращаются в суд.

Централизованная закупка всегда удобнее, у нее больше гарантий, это позволит уменьшить стоимость препарата на территории России. По данным специалистов, централизация позволит снизить цены на необходимые пациентам препараты на 20–30%. Это упростит планирование закупки лекарств, установит контроль и позволит вести статистику по этим закупкам, но самое главное — повысит доступность жизненно необходимых лекарств для детей (Батова, 2021). Если закупка орфанных препаратов будет осуществляться из федерального бюджета, то контроль над программой лекарственного обеспечения этой группы пациентов выйдет на новый качественный уровень с точки зрения его управляемости. Кроме того, стоит отметить, что это не является простым переносом бюджетов с одного уровня на другой, поскольку ценовой уровень гарантированно снижается, и соответственно средства в регионах высвобождаются для борьбы с основными причинами смертности. Таким образом, высокая стоимость орфанных лекарственных препаратов является одной из самых главных причин, способствующих непредоставлению / несвоевременному предоставлению детям, страдающим редкими (орфанными) заболеваниями, лекарственных препаратов.

Россия должна учесть положительный опыт зарубежных стран и создавать не только законы, но и специальные информационные ресурсы. Так, во Франции для лиц, страдающих редкими заболеваниями, был создан специальный сайт — Orphanet (www.orpha.net). Именно этот сайт собирает информацию о редких заболеваниях, чтобы помогать людям более эффективно и быстро диагностировать, ухаживать и лечить пациентов с редкими заболеваниями. Orphanet постепенно вырос до сети из 41 страны в Европе и по всему миру. За 24 года Orphanet стал основным источником информации (справочником) о редких заболеваниях, стремящимся решать новые задачи, возникающие в результате быстро меняющегося научного и информационного пространства. Крайне важно помочь всем людям, страдающим этими заболеваниями или связанными с ними, получить доступ к качественной информации среди множества имеющихся сведений, доступных в пространствах Интернета, предоставить средства для выявления пациентов с редкими заболеваниями и внести свой вклад в накопление знаний путем производства массивных, вычислимых и повторно используемых научных данных. К сожалению, в Российской Федерации таких сайтов нет, но их появление могло бы способствовать улучшению обмена информацией и получения нового опыта.

Для редких (орфанных) заболеваний в Российской Федерации 2020–2021 годы оказались значимыми. Важным этапом в развитии российского законодательства в поддержке детей, страдающих редкими (орфанными) заболеваниями на терри-

тории РФ, стало заявление В. В. Путина в обращении к россиянам 23 июня 2020 г. Тогда он сообщил, что за счет прогрессивной ставки налогообложения планируется получить дополнительно порядка 60 млрд руб., которые следует расходовать строго целевым образом. Так, Президент Российской Федерации В. В. Путин поручил действующему Правительству РФ подготовить совместно с Общественной палатой РФ конкретные предложения по финансированию медицинской помощи детям с редкими заболеваниями за счет средств от повышенной ставки налога на доходы физических лиц свыше 5 млн руб. в год. Правительство должно было установить ставку по налогу на доходы физических лиц в размере 15% для тех, чей доход превышает 5 млн руб. в год. Региональным властям было поручено не допускать снижения в 2021 г. и далее расходов местных бюджетов на оказание медицинской помощи таким детям.

К 1 ноября 2020 г. кабинет министров вместе с Общественной палатой РФ разработали (с учетом данных ранее поручений) и представили Президенту РФ механизм дальнейшего целевого финансирования расходов, связанных с оказанием медицинской помощи (в том числе за пределами России) детям, страдающим орфанными заболеваниями, в том числе соответствующие расходы на приобретение специализированных лекарственных препаратов, медицинской техники, необходимой для реабилитации, за счет средств, поступающих в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации в связи с повышением ставки налога на доходы физических лиц для граждан, чьи доходы превышают 5 млн руб. в год.

Эта мера касается периодических и постоянных доходов, возникающих в результате трудовой деятельности (включая зарплату и дивиденды). Ставка 13% остается неизменной, и ею будут облагаться те средства, которые были получены после продажи личного имущества (за исключением ценных бумаг) и после осуществления выплат по договорам страхования и пенсионного обеспечения. Стоит обратить внимание, что продажа квартиры под повышенную ставку точно не попадает, хотя волнение этот вопрос вызывал еще на стадии рассмотрения закона. Предполагается, что рост ставки НДФЛ позволит увеличить бюджет на 60 млрд руб. в 2021 г., 64 млрд руб. в 2022 г. и 68,5 млрд руб. в 2023 г.

По мнению Председателя Совета Федерации Федерального собрания РФ В. И. Матвиенко, это решение, принятое Президентом РФ, «генеральное и справедливое для того, чтобы найти ресурсы для лечения людей с орфанными заболеваниями». Она подчеркнула, что парламентарии будут мониторить ситуацию, а именно должны быть централизованные закупки на федеральном уровне, создание реестра детей с орфанными заболеваниями. При этом весь механизм должен быть прозрачным и понятным для всех граждан.

Поправки, внесенные в Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) Федеральным законом от 23 ноября 2020 г. № 372-ФЗ, устанавливают повышенную ставку налога на доходы, превышающую установленный лимит. Они предполагают дифференциацию значений налоговой ставки по НДФЛ в зависимости от уровня доходов налогоплательщика. Так, к доходам в размере 5 млн руб. и меньше будет применяться ставка 13%, а к доходам сверх 5 млн руб. — 15% с до-

ходов, превышающих 5 млн руб., помимо суммы налога в размере 650 тыс. руб. (п. 1 ст. 224 НК РФ). Рассмотрим их более подробно.

Статья 224 Налогового кодекса РФ, представленная в новой редакции, устанавливает ставку в следующих размерах: в отношении доходов, полученных в 2021 или 2022 гг., ставки, установленные законодательством, применяются к каждой налоговой базе отдельно. 13 процентов применяется — если сумма налоговых баз за налоговый период составляет менее 5 миллионов рублей или равна 5 миллионам рублей; 650 тысяч рублей и 15 процентов суммы налоговых баз, превышающей 5 миллионов рублей, — если сумма налоговых баз за налоговый период составляет более 5 миллионов рублей. Налоговая ставка подлежит применению в отношении совокупности всех доходов физического лица — налогового резидента Российской Федерации, подлежащих налогообложению.

В письме Федеральной налоговой службы России (Письмо от 1 декабря 2020 г. № БС-4-11/19702@) «По вопросам исчисления и уплаты налоговыми агентами налога на доходы физических лиц с доходов физических лиц, превышающих 5 миллионов рублей за налоговый период, а также заполнения расчета сумм налога на доходы физических лиц, исчисленных и удержанных налоговым агентом (форма 6-НДФЛ)» подробно представлены ответы по вопросам исчисления и уплаты налоговыми агентами НДФЛ с доходов, превышающих 5 млн руб. за налоговый период. В письме подробно рассмотрен порядок уплаты НДФЛ в бюджет и указаны необходимые КБК.

Для налогоплательщиков вышеуказанные поправки не устанавливают новых обязанностей. Обязанность подавать налоговую декларацию у налогоплательщика не возникнет, если получаемый доход от нескольких налоговых агентов в сумме не превысит 5 млн руб., а налоговый агент весь налог удержал по ставке 13%. Если же налогоплательщик будет декларировать свой доход сам (это относится, например, к тем, кто сдавал имущество в аренду, применяя НДФЛ, к налогоплательщикам — ИП и тем, у кого есть источники дохода за рубежом), то ему необходимо определить сумму налога к уплате без учета сумм доходов, полученных от налоговых агентов, но с учетом порога превышения в 5 млн руб. В декларации 3-НДФЛ налогоплательщик будет исчислять налог исходя из своего фактического дохода — в форму внесут необходимые корректировки. Включать в налоговую декларацию те доходы, с которых налоговым агентом уже был удержан НДФЛ, не потребуется — налоговый орган будет сам агрегировать данные не только по справке 2-НДФЛ, но и по декларации 3-НДФЛ. И если совокупная сумма дохода превысит 5 млн руб., то исчисленный с повышающим коэффициентом налог к уплате будет отражен в налоговом уведомлении.

Заключение

Таким образом, проблема дефицита региональных бюджетных средств, которая приводит к невозможности адекватного лекарственного обеспечения детей, страдающих редкими (орфанными) заболеваниями, актуальна и в настоящее время, однако полагаем, что централизованная закупка всех лекарственных пре-

паратов, необходимых для детей, страдающих редкими (орфанными) заболеваниями, позволит снизить риски неполучения ребенком необходимых лекарств в нужный срок. Указанные выше изменения достаточно терпимы и вводятся «мягко» и комфортно для российских граждан, доходы которых превышают установленный законом лимит. По представленным расчетам дополнительные поступления в бюджет составят порядка 60 млрд руб., о чем говорил в упомянутом ранее обращении В. В. Путин. Редкие (орфанные) заболевания, являясь врожденными или выявленными тяжелыми жизнеугрожающими и хроническими заболеваниями, требуют от современного правового, социального государства вмешательства не только на законодательном уровне, но и на практическом. Очевидно, что выработка эффективных решений должна зависеть от результативности взаимодействия государства, профессионального сообщества и общественных институтов, объединенных общей задачей по оптимизации системы здравоохранения в целях учета интересов и потребностей пациентов, страдающих орфанными заболеваниями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Батова О. С. Орфанные (редкие) заболевания: правовые и финансовые проблемы // *Медицинское право*. 2021. №1. С. 43–48.
- Витковская И. П. Совершенствование организации медицинской помощи детям с орфанными заболеваниями в Москве: дис. ... канд. мед. наук. М., 2019.
- Волкова Н. С. Лекарственное обеспечение инвалидов: теоретические и практические проблемы // *Журнал российского права*. 2018. № 11. С. 85–86.
- Волкова Н. С. Редкие (орфанные) заболевания: правовое регулирование в России и за рубежом // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2018. №4 С. 154–160.
- Давыдов Ю. Г. Стимулирование гражданского оборота орфанных лекарственных препаратов в России // *Социальное и пенсионное право*. 2020. № 3. С. 37–41.
- Иванова И. Д. Редкие заболевания. Изменения в обеспечении лекарственными препаратами больных орфанными заболеваниями // *Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe*. 2018. № 3-2(31). С. 51–52.
- Михайленко Е. В. Анализ правового регулирования лекарственного обеспечения граждан Российской Федерации, страдающих орфанными заболеваниями // *Медицинское право: теория и практика*. 2018. Т. 4, № 1(7). С. 226–230.
- Панфилова В. И. Генезис и перспективы правового регулирования обращения орфанных препаратов в России и зарубежных странах // *Медицинское право*. 2018. № 6. С. 41–45.

REFERENCES

- Batova, O. S. (2021). Orphan (rare) diseases: legal and financial problems. *Medical law*, 1, 43–48. (In Russ.).

Vitkovskaya, I. P. (2019). Improving the organization of medical care for children with orphan diseases in Moscow: dis. candidate of Medical Sciences. Moscow. (In Russ.).

Volkova, N. S. (2018). Drug provision for disabled people: theoretical and practical problems. *Journal of Russian Law*, 11, 85–86. (In Russ.).

Volkova, N. S. (2018). Rare (orphan) diseases: legal regulation in Russia and abroad. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence*, 4, 154–160. (In Russ.).

Davydov, Yu. G. (2020). Stimulating the civil turnover of orphan medicines in Russia. *Social and pension law*, 3, 37–41 (In Russ.)

Ivanova, I. D. (2018). Rare diseases. Changes in the provision of medicines to patients with orphan diseases. *Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe*, 3-2(31), 51–52 (In Russ.).

Mikhailenko, E. V. (2018). Analysis of the legal regulation of drug provision for citizens of the Russian Federation suffering from orphan diseases. *Medical law: theory and practice*, 4, 1(7), 226–230 (In Russ.).

Panfilova, V. I. (2018). Genesis and prospects of legal regulation of orphan drugs circulation in Russia and foreign countries. *Medical law*, 6, 41–45 (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Вера Сергеевна Зубкова — старший преподаватель кафедры конституционного и международного права, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,

Vera S. Zubkova — Senior Lecturer, Department of Constitutional and International Law, Altai State University, Barnaul, Russia.

Ирина Ивановна Игнатовская — канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и международного права, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Irina I. Ignatovskaya — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law, Altai State University, Barnaul, Russia.

Марине Геворговна Могробиан — магистрант кафедры конституционного и международного права, Алтайский государственный университет, помощник арбитражного управляющего, Барнаул, Россия.

Marina G. Mogrobyan — Master's Student of the Department of Constitutional and International Law, Altai State University, Assistant to the Arbitration Manager, Barnaul, Russia.

Статья поступила в редакцию 06.03.2023;
одобрена после рецензирования 16.03.2023;
принята к публикации 25.03.2023.

The article was submitted 06.03.2023;
approved after reviewing 16.03.2023;
accepted for publication 25.03.2023.

SOCIETY AND SECURITY INSIGHTS

ВЕСТНИК АССОЦИАЦИИ АЗИАТСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

2023. № 1. Том 6

*Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.*

Регистрационный номер ПИ №ФС 77-74389.

Дата регистрации 23.11.2018

Журнал распространяется по подписке АО «Почта России»

Подписной индекс ПО198

Цена свободная

Литературный редактор *Н. Ю. Ляшко*

Подготовка оригинал-макета, дизайн обложки *Ю. В. Луценко*

Редакция журнала Society and Security Insights:

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»,
656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61

Издательство Алтайского государственного университета,

656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 31.03.2023. Дата выхода издания в свет 10.05.2023.

Формат бумаги 70×100 ¹/₁₆. Усл.-печ. л. 11,61. Гарнитура Minion Pro.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Тираж 300 экз. Заказ № 282

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»:

656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66